

Веснік

Брэсцкага
універсітэта

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з снежня 1997 года

Выходзіць чатыры разы ў год

Галоўны рэдактар:

М.Э. Часноўскі

Намеснік галоўнага рэдактара:

Г.М. Сэндзер

Намеснік галоўнага рэдактара

на серыі гуманітарных

і грамадскіх навук:

А.А. Гарбацкі

Рэдакцыйны савет на серыі

гуманітарных

і грамадскіх навук:

А.А. Высоцкі

Б.М. Ляпешка

Л.Г. Лысюк

Міжнародны савет

на серыі гуманітарных

і грамадскіх навук:

В.Р. Бязрогаў (Расія)

Ежы Нікітаровіч (Польшча)

А.М. Круглашоў (Украіна)

Марк Пілкінгтон (Францыя)

Рэдакцыйная калегія:

Г.І. Займіст

(адказны рэдактар)

В.Ф. Байнёў

В.М. Ватэль

М.А. Дабрынін

Г.А. Зорын

М.С. Кавалевіч

Т.А. Кавальчук

Ч.С. Кірвель

У.У. Лосеў

У.Ф. Мартынаў

А.В. Пятроўская

С.В. Раўгэтыкаў

Д.Г. Ротман

Б.В. Саліхаў

Я.У. Скакун

А.С. Сляповіч

А.І. Смолік

В.А. Сцепановіч

У.М. Хоміч

А.В. Чарнавалаў

Т.І. Якавук

Я.С. Яскевіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі ў Дзяржаўным

камітэце Рэспублікі Беларусь па друку

№ 1084 ад 24 снежня 1997 г.

Адрас рэдакцыі:

224665, г. Брэст,

бульвар Касманаўтаў, 21

тэл.: 21-66-16, 21-47-63

e-mail vesnik_gum@brsu.brest.by

Серыя гуманітарных і грамадскіх навук

ГІСТОРЫЯ

ФІЛАСОФІЯ

ПРАВА

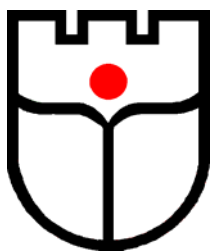
ПСІХАЛОГІЯ

ПЕДАГОГІКА

**Заснавальнік –
Установа адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны
універсітэт імя А.С. Пушкіна»**

№ 2(37)/2009

У адпаведнасці з загадамі Вышэйшай атэстацыйнай камісіі № 8 ад 18.01.2006, ад № 28 31.01.2008 часопіс «Веснік Брэсцкага універсітэта» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па культуралогіі, гістарычных, палітычных, педагагічных, псіхалагічных, сацыялагічных, філасофскіх, эканамічных і юрыдычных навуках

ISSN 1813-405X

Vesnik

of Brest university
scientific-theoretical journal

Published since December 1997

Issued four times a year

Editor-in-chief:
M.E. Chasnovski

Deputy Editor-in-chief:
A.N. Sender

*Deputy Editor-in-chief
of the series of the humanities and
social sciences:*
A.A. Garbatski

*Editorial Council
of the series of the humanities and
social sciences:*
A.A. Vysotski
B.M. Lepeshko
L.G. Lysyuk

*International Board
of the series of the humanities and
social sciences:*
V.G. Bezrogov (Russia)
A.N. Kryglashov (Ukraine)
Ezhy Nikitarovich (Poland)
Mark Pilkington (France)

Editorial Board:
G.I. Zaimist
(managing editor)
V.F. Baïnev
V.M. Vatył
M.A. Dabrynin
M.S. Kavalevich
T.A. Kavalchuk
C.C. Kirvel
V.V. Losev
V.F. Martynav
O.V. Petrovskaya
S.V. Reshetnikov
D.G. Rotman
B.V. Salikhov (Russia)
E.Y. Skakun
A.S. Slepovich
A.I. Smolik
G.A. Soryn
V.A. Stepanovich
V.M. Khomich
A.V. Chernovalov
T.I. Yakavuk
Y.S. Yaskevich

Registration Certificate by State
Press committee of the Republic of Belarus
№ 1084 December, 24 1997

Editorial Office:
224665, Brest,
Boulevard Cosmonauts, 21
tel.: 21-66-16, 21-47-63
e-mail vesnik_gum@brsu.brest.by

Series of the humanities and social sciences

HISTORY

PHYLOSOPHY

LAW

PSYCHOLOGY

PEDAGOGICS

**Founder –
Educational institution «Brest state university named
after A.S. Pushkin»**

№ 2(37)/2009

According to the orders of Supreme certification commission from 18.01.2006 № 8, 31.01.2008 № 28 the journal «Vesnik of Brest state University» has been included to the List of editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in cultural science, historical, political, pedagogical, psychological, social, philosophical, economic and judicial sciences.

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

Ярмусік Э.С. Рымска-каталіцкія манастыры ў сацыяльным і духоўным жыцці Беларусі (30-я гг. XX ст. – пачатак XXI ст.).....	5
Здановіч В.В. Пачатковы перыяд Вялікай Айчыннай вайны ў працах беларускіх даследчыкаў (1990–2008 гг.).....	16
Семенова Л.Н. Развитие транспортной инфраструктуры в Канаде на рубеже XIX–XX вв.	25
Гарматны В.П. Палітыка насаджэння асадніцтва і яе асаблівасці ў Палескім ваяводстве ў 1921–1939 гг.	32
Савченко Н.М. Реформа избирательной системы Италии в первой половине 1990-х гг.....	40
Радюк А.В. Создание партизанских зон на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1944).....	46

ФІЛАСОФІЯ

Табачков А.С. Онтология исторического процесса	52
Янковский В.И. Когнитивно-рациональный уровень массового сознания	59

ПРАВА

Беспалый Ю.Н. Гражданско-правовые принципы добросовестности, разумности и справедливости: определение и перспективы применения.....	65
Король Э.Л. Проблема соотношения частноправовых и публично-правовых начал в регулировании института реституции культурных ценностей.....	71
Плышевский И.А. Некоторые особенности конституционно-правового статуса премьер-министра в Республике Беларусь	78

ПСІХАЛОГІЯ

Медведская Е.И. Особенности понимания личности школьника взрослыми не педагогами	86
Лагонда Г.В. Перспективы самоактуализации супругов в бесплодном браке.....	95
Чурило Н.В. Субъективное благополучие юношей и девушек с разным типом жизненной стратегии.....	103
Богдан Е.Г. О понятии «смысл» в психологии	111
Иванюк Ю.Е. Профессиональная позиция школьного психолога: определение понятия	119

ПЕДАГОГІКА

Будько Т.С. Формирование математических представлений у детей в разных видах деятельности: особенности организации	127
Зданевич А.А., Шукевич Л.В. Показатели и особенности проявления целевой точности движений при метании малого мяча в вертикальную цель у школьников 6–17 лет	134
Ничишина Т.В. Девиантное поведение несовершеннолетних как следствие семейной депривации	141

РЭЦЭНЗІ

Іванчына В.М. Горбацкий А.А. Старообрядческие храмы Беларуси. Научно-популярное издание. – Минск : Четыре четверти, 2008. – 32 с.	147
---	-----

НАВУКОВЫЯ КАНФЕРЭНЦЫІ

Люкевіч У.П. Міжнародная навукова-практычная канферэнцыя «Этыка і маральнасць у эпоху глабалізацыі», 24–26 кастрычніка 2008 г.	148
--	-----

Звесткі аб аўтарах	150
---------------------------------	-----

INDEX

HISTORY

Yarmusic E.S. Roman-catholic Monasteries in Spcial and Spiritual Life of Belarus (the 30s of the XX-the beginning of XXI c..)	5
Zdanovich V.V. The First Period of the Great Patriotic War in the Works of Belarusian Researchers (1990- 2008)	16
Semyenova L.N. The Development of Transport Infrastructure at the end of the XIX – XX c.....	25
Harmatny V.P. Politycy of the plantation of osadnics and its peculiarities in the polesie voivodeship (1921-1939).....	32
Savchenko N.M. Electoral Reform in Italy in the first half of the 1990ies.....	40
Radziuk A.V. The formation of partisan areas on the territory of Belarus in the years of the Great Patriotic War (1941-1945).....	46

PHILOSOPHY

Tabachkov A.S. Ontology of Historical Process	52
Yankouski V.I. Cognitionally-rational level of consciousness of mass.....	59

LAW

Bespaly Y. Civil-law Principles of Honesty, Rationality and Justice: Definition and Perspectives of Use	65
Korol E.L. The problem of the parity of private-law and public-law beginnings in regulation of the institute of cultural values restitution	71
Plysheuski I.A. Certain Characteristics of the Prime-minister's of the Republic of Belarus Constitutional Status	78

PSYCHOLOGY

Medvedskaya E.I. The peculiarities of adults' (non-educators') understanding of a pupil's personality.....	86
Lagonda G.V. PH.D. (psychology), associate professor, chair of psychology, Brest State University named after A.S. Pushkin.....	95
Churilo N.V. Subjective Well-being of Young men and Women with Different Type of Life Strategy.....	103
Bohdan H.G. About the concept of sense in psychology.....	111
Ivanjuk Ju. E. Professional position of a school psychologist: a definition of the concept.....	119

PEDAGOGICS

Bud'ko T.S. Forming Mathematical Notions in Children in Different Kinds of Activities: Peculiarities of Organization.....	127
Zdanevich A.A., Shukevich L.V. Parameters of display of target accuracy of movements at the throwing of the small ball in the purpose at schoolboys of 6–17 years.....	134
Nichishina T.V. Deviant behaviour of minors as a consequence of family deprivation.....	141

REVIEWS

Ivanchina V.M. Gorbatski A.A. Old Belief Temples of Belarus. Educational edition. - Minsk : Publishing House "Four Quarters", 2008. - 32 p.....	147
Lyukevich V.P. International Scientific-practical Conference "Ethics and Morality in the Epoch of Globalization" October,24-26,2008	148

Information about the authors	150
-------------------------------------	-----

ГІСТОРЫЯ

УДК 272-788(476)

Э.С. Ярмусік

РЫМСКА-КАТАЛІЦКІЯ МАНАСТЫРЫ Ў САЦЫЯЛЬНЫМ І ДУХОЎНЫМ ЖЫЦЦІ БЕЛАРУСІ (30-я гг. XX ст. – пачатак XXI ст.)

У артыкуле асвятляецца становішча і дзейнасць манастыроў і манаскіх кангрэгацый. Паказана паўсядзённае манаскае жыццё, дабрачынная і асветніцкая праца законных сяцёр і братоў. З прыходам у Заходнюю Беларусь Чырвонай Арміі савецкая ўлада пачала наступленне на манастыры. Іх маёмасць канфіскоўвалася, а дзейнасць манаства была абмежавана. У гады нямецкай акупацыі манахі займаліся дабрачыннай і місійнай працай. Не абмінулі іх і рэпрэсіі акупантаў. У пасляваенны час савецкая ўлада прадоўжыла курс на ліквідацыю манастыроў. Паказана цяжкае становішча манахаў. Большасць з іх выехала ў Польшчу. Манастыры і манаскія дамы былі выкарыстаны для гаспадарчых мэт. Адраджэнне манаскіх кангрэгацый адбылося толькі ў канцы 1980-х гадоў. Разглядаецца іх роля ў сучасным рэлігійным жыцці.

Ключавыя словы: браты і сёстры, дабрачынная і асветная дзейнасць, душапастырская праца, евангелічныя рады, кангрэгацыя, канфіскацыя, кансэкраваныя асобы, манастыры, манаства, місіянерская дзейнасць, парафія, рэлігія, рэпрэсіі, Рымска-каталіцкая царква, Слуга Божы, шлюбы вячыстыя.

Каталіцкія манастыры з’явіліся на Беларусі яшчэ ў часы сярэднявечча, але, тым не менш, іх дзейнасць у беларускай савецкай гістарыяграфіі не знайшла грунтоўнага асвятлення. Прычыны былі ў адыёзных адносінах савецкай улады і камуністычнай партыі да рэлігіі. Усё, што з ёю было звязана, ацэньвалася выключна негатыўна. Па гэтай прычыне спецыяльных работ, прысвечаных дзейнасці манастыроў у акрэслены перыяд, не было. Цэлы пласт айчыннай гісторыі, такім чынам, дзесяцігоддзі заставаўся практычна не кранутым. У прысвечаных каталіцызму даследаваннях савецкага перыяду аб манастырах амаль не ўпамінаецца. Выключэннем з’яўляецца работа Я.Н. Мараша “Політика Ватикана и католической церкви в Западной Беларуси. 1918–1939”, у якой манастыры паказаны як буйныя зямельныя ўласнікі, эксплуататары і духоўныя прыгнятальнікі працоўных мас [9]. У постсавецкі перыяд фрагментарныя сюжэты аб манастырах і дзейнасці манаства з’явіліся ў публікацыях, прысвечаных Каталіцкаму Касцёлу ў Беларусі [23; 24]. Варта адзначыць, што найбольш увагі праблемам манастырскага жыцця ўдзяляюць у сваіх працах кс. Ю. Макарыч, М. Стажыньска і інш. [8; 22; 31; 32]. Звароту да гэтых старонак дзейнасці каталіцкай царквы ў Беларусі ў многім садзейнічала беатыфікацыя папам рымскім Янам Паўлам II у 1999 годзе 11 сяцёр-назарэтанак з Навагрудка, якія былі расстраляны немцамі 1 жніўня 1943 года.

Значна больш увагі місійнай і дабрачыннай дзейнасці манастыроў удзяляецца ў польскай гістарыяграфіі [29; 30; 34]. Варта адзначыць шматтомную фундаментальную працу “*Żeńskie zgromadzenia zakonne w Polsce 1939–1947 ...*”. У ёй на падставе вялікага кола крыніц, перш за ўсё архіўных, раскрываецца шырокая панарама дзейнасці манастыроў на абшарах Польшчы. Многія старонкі асвятляюць дзейнасць манастыроў і на тэрыторыі Заходняй Беларусі падчас яе ўваходжання ў II Рэч Паспалітую, лёс манаства пасля ліквідацыі ў савецкі час [33].

Разам з тым у архівах Беларусі і замежжа захоўваюцца цікавыя матэрыялы, якія дазваляюць шматбакова даследаваць дадзеную праблематыку. У Нацыянальным архіве РБ (фонды 4П, 952), Дзяржархіве Гродзенскай вобласці (фонды 475, 1385) у дакументах

партыйных органаў, рэспубліканскага і абласнога ўпаўнаважаных па справах рэлігійных культураў (з 1965 г. – па справах рэлігій) пры СМ СССР захаваліся звесткі аб становішчы манахаў і адносінах улады да іх, пераважна з 1940 г. да сярэдзіны 1950-х гадоў. У Archiwum Akt Nowych (Архіў новых актаў, Варшава) у фондах Міністэрства рэлігійных вызнанняў і народнай адукацыі (Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświaty Publicznej) знаходзіцца шмат дакументаў аб дзейнасці манастыроў на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1920–1930-я гады.

У артыкуле ставіцца мэта паказаць становішча і дзейнасць законных сясцёр і братоў з манаскіх ордэнаў, якія існавалі на Беларусі ў канцы 1930-х – пачатку XXI ст. Для гэтага прадугледжваецца вырашэнне наступных задач: на падставе аналізу архіўных крыніц і публікацый раскрыць ролю манастыроў у сацыякультурным жыцці грамадства; разгледзець дзейнасць манаства ў гады Другой сусветнай вайны, адносіны да іх савецкіх і нямецкіх органаў улады; паказаць умовы існавання манастыроў у пасляваеннае дзесяцігоддзе і працэс іх ліквідацыі савецкай уладай; асвятліць асноўныя тэндэнцыі дзейнасці манаскіх кангрэгацый у цяперашні час.

Істотная роля ў ажыццяўленні місійнай функцыі Касцёла належыць манастырам. Манаства (*monachos* – адзінокі, пустэльнік) – лад жыцця рэлігійнай асобы або суполкі аднаверцаў (група, абшчына, брацтва), заснаваны на прынцыпах аскетызму (адрачэнне ад маёмасці, шлюб, свецкіх уцех), на свядомым падпарадкаванні суровай дысцыпліне, а таксама дуалістычным супрацьпастаўленні зямнога і нябеснага, духоўнага і цялеснага, добрага і злага пачаткаў [20, с. 193]. Асаблівасцю манаскага жыцця з’яўлялася яго скрытасць ад людскіх вачэй сценамі кляштараў, манаскіх дамоў, што стварала вакол яго арэол пэўнай таямнічасці.

Галоўная мэта манаскага жыцця заключаецца ў рэлігійнай дзейнасці на духоўнай ніве. Манастыры з’яўляюцца перш за ўсё месцам, дзе асобы, якія склалі “шлюбы вячыстыя” (г.зн. далі зарок бяшлюбнасці і пажыццёвага служэння Богу), імкнуцца да духоўнага ўдасканалення, а таксама сталі полем душапастырскай, місійнай, апостальскай, дабрачыннай дзейнасці. Кожны з ордэнаў, апрача агульных мэтаў (ушаноўваць Бога і Ісуса Хрыста, служыць Касцёлу, весці сваіх членаў да духоўнага ўдасканалення), мае і свае, асаблівыя, якія вызначаны статутам [30, с. 9, 10].

На пачатку XX стагоддзя рымска-каталіцкія манастыры размяшчаліся па ўсёй тэрыторыі Расійскай імперыі. Іх налічвалася, паводле афіцыйных дадзеных, 539 з 3052 манаха [6, л. 127]. Аднак трэба адрозніваць манаскія ордэны і кангрэгацыі. Манаскія ордэны ўяўляюць сабой цэнтралізаваныя манаскія аб’яднанні, якія маюць свой статут і ўласную арганізацыйную структуру [20, с. 236, 237]. Кангрэгацыі (ад лац. *congregatio* – злучэнне, аб’яднанне) у каталіцызме – рэлігійныя арганізацыі, якія кіруюцца манаскімі ордэнамі. У іх склад уваходзяць як свяшчэннаслужыцелі, так і недухоўныя асобы. Члены кангрэгацыі даюць абеты цноты, паслушэнства, беднасці на пэўны тэрмін або пажыццёва [6, с. 144].

Найбольшага распаўсюджання і росквіту дасягнулі манастыры ў Заходняй Беларусі ў 1930-я гады. Гэта абумоўлівалася канфесійнай палітыкай польскага ўрада, якая была скіравана на падтрымку пераважна Рымска-каталіцкага касцёла.

У 1936 годзе ў тагачаснай Заходняй Беларусі межах знаходзіліся ў агульнай колькасці 8 мужчынскіх і 22 жаночыя каталіцкія кангрэгацыі, у іх ліку: Віленская архідыяцэзія – 3 мужчынскія (4 дамы) і 5 жаночых (18 дамоў), Пінская дыяцэзія – 5 мужчынскіх (6 дамоў) і 11 жаночых (18 дамоў). У кожнай дыяцэзіі было па 1 манаскім доме візантыйска-славянскага абраду [26, к. 372]. Да канца 1930-х гадоў, згодна савецкім дакументам, колькасць манастыроў і манаскіх дамоў складала 65. У іх налічвалася каля 600 манахаў і ксяндзоў [11, л. 27, 28]. Магчыма, гэтая лічба ўключае

дадзеныя па ўсёй Віленскай, Пінскай, Ломжынскай дзяцэзіях, якія ахоплівалі значна большую тэрыторыю, чым Заходняя Беларусь (табліца 1).

Табліца 1

Вобласць	Было манастыроў, манаскіх дамоў, манахаў				Засталося манастыроў і манахаў на 1.07.1999 г.	
	У 1939 г.		На 1.01.1946 г.		Муж.	Жан.
	Муж.	Жан.	Муж.	Жан.		
Баранавіцкая	5/39*	12/160	-	2/34	-	1/8
Брэсцкая	4/26	4/35	2/11	2/34	-	-
Гродзенская	6/6**	4/60	2/7	2/27	-	1/13
Маладзечанская	7/2***	10/33	-	-	-	-
Пінская	1/85	5/69	-	-	-	-
Полацкая	3/14****	4/44	1/4	1/18	1/3	1/14
Разам	26/172	39/401	5/22	6/103	1/3	3/35

Заўвагі: 1) * – лічнікам паказана колькасць манастыроў і манаскіх дамоў, назоўнікам – манахаў і манахінь;

2) ** – па трох манастырах няма дадзеных аб колькасці манахаў;

3) *** – па шасці манастырах няма дадзеных аб колькасці манахаў;

4) **** – па трох манастырах няма дадзеных аб колькасці манахаў

Крыніца: НА РБ, Фонд 4П. – Воп. 62. – Спр. 70. – Л. 27, 28.

Як правіла, членаў кожнай кангрэгацыі, што праводзілі сваю дзейнасць на тэрыторыі Беларусі, было няшмат, звычайна ад двух-трох да дзесяці. Найбольш шматлікая супольнасць – Святой Сям’і з Назарэта (назарэтанкі) у Гродне – налічвала ў 1936 годзе 60 законніц [27, к. 58]. Знаёмства з паданнямі асоб, якія жадалі прыняць шлюбы вячыстыя і прысвяціць сябе манаству, паказвае, што гэта былі пераважна выхадцы з маламаёмных сем’яў, бедныя, сіроты, якія не мелі сродкаў на ўласнае ўтрыманне. Адметнай рысай іх была высокая рэлігійная перакананасць, імкненне прысвяціць сябе без рэшты тым, хто страціў сэнс жыцця, убогім, бедным, безабаронным [28].

На падставе архіўных дадзеных і публікацый можна рэканструяваць вобраз жыцця манахаў, ацаніць іх місіянерскую, асветную, дабрачынную працу. Кангрэгацыя сяцёр-місіянерак Святой Сям’і з Назарэта ў Крывошыне каля Баранавіч у 1936 годзе налічвала толькі 3 асобы. Сёстры навучалі дзяцей рэлігіі ў школах на тэрыторыі ўсёй гміны, апекавалі хворых і сірот, а таксама праводзілі місіянерскую акцыю сярод праваслаўных. Здабывалі сабе сродкі на жыццё, атрымліваючы невялікія грошы за навучанне рэлігіі, а таксама матэрыяльную дапамогу ад уладальніка маёнтка ў Крывошыне Яраслава Патоцкага [27, к. 492]. Кангрэгацыя ксяндзоў-салезіянаў у Дварцы Навагрудскага павета была заснавана ў 1924 годзе. У 1936 годзе яна налічвала 8 ксяндзоў і 4 браты. Кангрэгацыі належала 235 гектараў зямлі, млын, электроўня ў Дварцы. Салезіяне займаліся гаспадаркай, утрымлівалі рамесніцкую школу ў Дварцы, у якой навучалася 65 вучняў, пераважна дзеці беднякоў і сіроты [27, к. 490].

Кангрэгацыя Святога Сямейства з Назарэта (Навагрудак) налічвала 17 сяцёр. Уласнымі сіламі манахіні ўтрымлівалі 6-гадовую агульную школу, займаліся дабрачыннасцю. Пры школе быў пансіят для вучняў. У распараджэнні кангрэгацыі былі новая школа, жылы дом і каля 4 гектараў зямлі ў Навагрудку [27, к. 491]. Айцы-францысканцы з Гродна займаліся душапастырскай працай, навучаннем дзяцей рэлігіі ў школах. Назарэтанкі з кангрэгацыі сяцёр Найсвяцейшай Сям’і з Назарэта ў Гродне ўтрымлівалі прыватную падрыхтоўчую школу, праводзілі асветніцкую дзейнасць у сярэдніх і пачатковых класах, інтэрнаце, даглядалі хворых у шпіталі [25, к. 60, 61].

Такую ж працу выконвалі сёстры кангрэгацыі Беззаганнага Зачацця Найсвяцейшай Дзевы Марыі ў Слоніме, бенедыкцінкі ў Нясвіжы, айцы-піяры ў Лідзе, марыяне ў в. Расна Брэсцкага павета, езуіты ў Пінску і іншыя [25, к. 100–102] і інш.

Абсалютная большасць манаства карысталася ў адносінах з мясцовым насельніцтвам і пры ажыццяўленні місійнай дзейнасці польскай мовай. Толькі некаторыя з іх свядома ўжывалі беларускую мову і разглядалі гэта як фактар беларусізацыі Касцёла. Так, кангрэгацыя ксяндзоў-марыянаў Беззаганнага Зачацця Найсвяцейшай Дзевы Марыі (м. Друя Браслаўскага павета) уключала ўсяго 6 асоб. З моманту ўзнікнення марыяне актыўна дзейнічалі на ніве беларусізацыі Касцёла. Гэта прывяло да канфлікту з Віленскім мітрапалітам Рамуальдам Ялбжыкоўскім, які бачыў у гэтым палітычную дзейнасць і забараняў праводзіць набажэнствы па-беларуску. Пасля прызначэння ў 1935 годзе прыёрам кангрэгацыі ксяндза Уладзіслава Лысяка айцы-марыяне сталі больш асцярожна адносіцца да беларусізацыі набажэнстваў у касцёле. У асноўным гэтая дзейнасць была накіравана на вучняў гімназіі, якія жылі ў бурсе пры кляштары. Культурна-асветнай працай марыяне больш не займаліся, але ўзорна вялі гаспадарку, чым аказвалі немалы ўплыў на мясцовых жыхароў [27, к. 514].

Актыўную місіянерскую дзейнасць як сярод каталікоў, так і праваслаўных праводзіла ўсходняя місія айцоў кангрэгацыі езуітаў у Альберціне Слонімскага павета. Складалася яна з 4 ксяндзоў, 6 братоў законных і 5 навіцыятаў (паслушнікаў). Дапамогу ім аказвалі сёстры-місіянеркі кангрэгацыі Найсвяцейшага Сэрца Ісуса і ўсходнеславянскага абраду. Стараннямі езуітаў у Альберціне былі пабудаваны касцёл і уніяцкая царква [27, к. 490, 491].

У савецкай гістарыяграфіі прыводзіліся дадзеныя аб багаццях манастыроў, менавіта аб іх вялікіх зямельных уладаннях. Сапраўды, сярэдні надзел зямельнай уласнасці манастыроў у Палескім ваяводстве складаў 269,1га, у Навагрудскім – 159,3га, у Віленскім – 119 га [8, с. 18]. Па дадзеных Навагрудскага ваяводскага ўпраўлення (1936 год), жаночы манастыр св. Міхала Арханёла ў Дзялкахіцах Баранавіцкага павета валодаў 469 гектарамі раллі і лесу, вадзяным млыном [8, с. 19]. Але даходы ад манастырскай уласнасці ішлі на ўтрыманне саміх кляштароў, касцёлаў, на дабрачынныя і асветніцкія патрэбы. З устанаўленнем савецкай улады ў заходніх абласцях Беларусі ў манастыроў была канфіскавана частка будынкаў і зямельны фонд [14, л. 337, 338].

Цяжкія выпрабаванні выпалі на долю манаства ў гады нямецкай акупацыі Беларусі. Але і ў той сітуацыі яны імкнуліся, дапамагчы людзям перанесці ваенныя нягоды. Сёстры праводзілі тайнае навучанне рэлігіі, дапамагалі ваеннапалонным прадуктамі [33, т. 7, с. 137; 33, т. 7, с. 92]. Назарэтанкі з Гродна з 1943 па 1944 гады працавалі ў шпіталі для ваеннапалонных [33, т. 7, с. 154]. Сёстры-палатынкі ў Райцы і Навагрудку тайна дапамагалі яўрэям, перадавалі партызанам медыкаменты і перавязачны матэрыял [33, т. 8, с. 96]. Сёстры-назарэтанкі з Навагрудка вялі дабрачынную працу, дапамагалі матэрыяльна мясцовым людзям, якія засталіся без сродкаў існавання, незалежна ад нацыянальнасці, рыхтавалі дзяцей да першага прычасця. У цяжкіх умовах нямецкай акупацыі многія жыхары Навагрудка шукалі суцяшэння і супакою ў фарным храме. Кожную раніцу там служыў імшу ксёндз Аляксандр Зянкевіч, а вечарамі разам з ім вернікі і сёстры пакланяліся Святым Дарам і маліліся на разарыі [22, с. 11, 12]. Аднак манаства не мінулі рэпрэсіі. 19 снежня 1942 года былі расстраляны немцамі дзве манахіні са Слоніма – с. Марта (Казіміра Валоўская) і с. Ева (Багуміла Наішэўская). Паводле звестак, прычынай іх расстрэлу была тайная дапамога, якую аказвалі сёстры сем'ям арыштаваных і замардаваных, бежанцам і перасяленцам з прыфрантавых раёнаў [7, с. 53–59].

Летам 1943 года ўзмацніліся рэпрэсіі нямецкіх акупантаў і на Наваградчыне. Сотні мірных жыхароў былі расстраляны, спалены вёскі, разрабавана маёмасць людзей.

Загінула некалькі каталіцкіх святароў. 31 жніўня настояцельніца манастыра ў Навагрудку сястра Марыя Стэла атрымала распараджэнне разам з дзесяцю іншымі сёстрамі прыбыць у паліцэйскі ўчастак. А на наступны дзень раніцай яны былі вывезены і расстраляны за пяць кіламетраў ад горада. Паводле ўспамінаў мясцовых жыхароў, назарэтанкі ахвяравалі сябе ў імя таго, каб захаваць жыццё адзінаму жывому ў акрузе ксяндзу А. Зянкевічу [22, с. 11–13].

Пасля вызвалення Беларусі ад немцаў савецкая ўлада прадоўжыла наступленне на рэлігію і Касцёл. Манастыры ў яе вачах былі “апорнымі пунктамі” каталіцызму, расаднікамі цемрашальства. Невыпадкова, што яны сталі аб’ектамі, якія падлягалі безумоўнай ліквідацыі. Як сведчаць архіўныя дакументы, усе манахі жылі празмерна бедна, зараблялі сабе на пражыццё цяжкай працай на агародах і палях. Вырошчвалі бульбу, буракі, капусту, некаторыя ўтрымлівалі хатніх жывёл і птушак. У жаночых манастырах займаліся рукадзеллем і шавецтвам. Нязначнай крыніцай даходаў былі ахвяраванні вернікаў, часцей за ўсё ў грашовай форме.

Крок за крокам савецкая ўлада наступала на манастыры адбіраў іх памяшканні, абмяжоўвала сродкі для існавання, абкладваючы несуразмернымі падаткамі: грашовымі – зямельная рэнта, з будынкаў, ваенным, з даходаў – і натуральнымі, якія прадугледжвалі абавязковую здачу дзяржаве мяса, малака, сена і інш. І хоць пастановай СНК СССР № 2215 (п. 4) ад 29 жніўня 1945 года прапаноўвалася ўрадам саюзных рэспублік вызваліць манастыры ад уплаты падаткаў з будынкаў і зямельнай рэнты, у Беларусі гэтыя віды абкладання дзейнічалі да ліквідацыі манастыроў [15, л. 40].

Не бачачы перспектывы для далейшага жыцця і дабрачыннай дзейнасці, многія манахі выязджалі з Беларусі падчас абмену насельніцтвам паміж СССР і Польшчай, які адбываўся ў 1944–1946 гадах. Так, выехалі ў Польшчу некалькі сяцёр-назарэтанак з Гродна [33, т. 7, с. 154], эўхарысткі з Друі [33, т. 7, с. 327], палатынкі з Навагрудка [33, т. 8, с. 103], непакалянкі са Слоніма, Вішнева, Валожына [33, т. 8, с. 132], сёстры “ад анёлаў” з Ваўкавыска [33, т. 13, с. 257], змартвыстанкі з Міра [33, т. 16, с. 96], уршулянкi з Гарадца, Янава, Кобрына [33, т. 16, с. 296, 297] і іншыя.

Па стане на 1 студзеня 1946 года ў заходніх абласцях Беларусі засталася толькі 5 мужчынскіх (22 браты) і 6 жаночых (103 сястры) манастыроў і манаскіх дамоў (табліца 1). Некаторы час яшчэ прадаўжалі існаваць назарэтанкі ў Гродне (26 сяцёр), эўхарысткі ў Друі (5), росіцы на Палессі (6), палатынкі ў Навагрудку (няма звестак), непакалянкі ў Глыбокім (8), Слоніме (19), Вішневе (3), Валожыне (3), сёстры “ад анёлаў” у Ваўкавыску (2), змартвыстанкі ў Міры (3), уршулянкi ў Кобрыне (9), Гарадцы (няма звестак) [33, т. 7, с. 149, 327, 103; т. 13, с. 130–133, 257; т. 16, с. 91, 296, 297].

У цяжкім становішчы знаходзіліся сёстры-бenedыкцінкі Нясвіжскага кляштара. У 1945 годзе там налічвалася 23 манашкі, з іх 4 непрацаздольныя. Ім належала 4 жылыя дамы, з якіх два восенню 1944 года былі перададзены мясцовымі органамі ўлады пад сярэдняю рускую школу. Гаспадарчыя будынкi спалілі немцы яшчэ ў 1941 годзе. Гаспадарка ўключала 2,5 гектары зямлі, 1,5 гектара лугоў, 10 маладых яблынь, адну аранжарэю для кветак, некалькі парнікоў. Апрача таго, манашкі мелі аднаго каня, дзве каровы, казу, дзве свінні, 10 кролікаў, дзве курыцы, дзве індычкі. З сельскагаспадарчых прылад у наяўнасці былі воз, плуг, сані, барана. Усе работы выконваліся сіламі саміх сяцёр. З іх 5 займаліся рукадзеллем, 6 шавецкай справай. Па падліках фінансавых органаў, даходы манастыра склалі за год 14 375 рублёў, з якіх (за 1 квартал 1945 года) 2 375 рублёў ахвяраванні. З гэтай сумы неабходна было выплаціць 5 326 рублёў (37%) у якасці дзяржпадаткаў, абкладанняў і інш. [16, л. 15, 16].

Непамернасць накладзеных на падаткаў і дзяржпаставак манастыры прыводзіла да іх невыканання. Настояцельніцы былі вымушаны звяртацца па заступніцтва да

ўпаўнаважаных Савета па справах рэлігійных культаў і ў мясцовыя органы ўлады. Так, у кастрычніку 1946 года ігумення манастыра ў вёсцы Грыбаўшчына Качанаўскага сельсавета Баранавіцкай вобласці Хмялеўская Бальбіна скардзілася ўпаўнаважанаму К. Уласевічу, што “монастырь в этом году не сможет выполнить государственных поставок зерна по причине неурожая, передачи части земли хозяйству воинской части и что вообще монастырь не имеет данного количества земли”. К. Уласевіч прапанаваў старшыні Нясвіжскага райвыканкома звярнуцца ў Міністэрства нарыхтовак БССР “на предмет частичного снятия хлебопоставок” [13, л.175].

Аб цяжкіх умовах існавання манаства неаднаразова адзначалі ў сваіх “інфармацыях” у вышэйшыя органы ўлады ўпаўнаважаныя па справах рэлігійных культаў. Гнятлівую карціну існавання жаночага манастыра ў Друі апісаў ўпаўнаважаны па Полацкай вобласці Кечка ў 1947 годзе: “Живут в очень скудных условиях, имеют одну корову на 16 человек и 7 соток огорода, где посажена картошка. Картошка в огороде в первых числах августа была на исходе, как дальше будут жить монашки, для меня непонятно, хлеба они совершенно не получают и зачастую его не видят. <...> Монашки совершенно раздеты и даже босые, с магазина райпотребсоюза для монашек ничего не отпускается. Городской Совет весной обрезал их огород, они имели 1 гектар огорода и Горсовет оставил им только 7 сотых гектара. <...> Монашки не имеют даже нательного белья, имеют свою баню, ежедневно топят, моют рубашки и сидят до тех пор в бане, пока высохнет рубашка, тогда одеваются, а следующие идут в баню. Дрова носят на себе из лесу за 3 километра” [17, л. 78, 79]. Мясцовыя ўлады Друі ўчынілі ў адносінах да манахінь беззаконне, патрабавалі пакінуць манастыр, урываліся да іх у памяшканні, без усялякіх падстаў праводзілі вобыскі, запалохвалі, пагражалі канфіскацыяй маёмасці [17, л. 24–24, аб].

Адначасова ад манастыроў адбіралася нерухомасць. У 1944 годзе ў будынку Нясвіжскага кляштара было размешчана педагагічнае вучылішча [18, л. 21]. У 1946 годзе ў францысканскім мужчынскім манастыры ў Гродне ўлады размясцілі 2-ю гарадскую бальніцу [1, л. 7]. У 1949 годзе будынак жаночага манастыра ў Друі быў перададзены пад гарадскую бальніцу, а мужчынскага – будаўнічаму тэхнікуму [14, л. 337, 338]. 20 верасня 1949 года быў ліквідаваны жаночы каталіцкі манастыр у вёсцы Грыбаўшчына Нясвіжскага раёна Мінскай вобласці. Уся манастырская зямля (12 гектараў), рухомая і нерухомая маёмасць, жывёла абагульняліся і перадаваліся мясцоваму калгасу. Манахіні, каб не памерці з голаду, вымушаны былі падаць заявы на работу ў калгасе [10, л. 36, 37].

У канцы 1940-х гадоў улады Беларусі прапрацоўвалі пытанне “окончательной ликвидации всех монастырей в БССР”, паколькі “католическая церковь, являясь проводником реакционного и антидемократического идейного влияния Ватикана, представляет ещё значительное и серьёзное препятствие на пути переустройства нашего общества в коммунизме” [11, л. 27, 28]. Па стане на 1 ліпеня 1949 года ў Беларусі засталася толькі 4 манастыры з 38 асобамі, з іх два на Гродзеншчыне – у Гродне (назарэтанкі) і вёсцы Пералом (капуцыны) [11, л. 27, 28]. Іх ліквідацыя была справай часу.

Яшчэ ў 1947 годзе ўпаўнаважаны Савета па справах рэлігійных культаў пры СМ СССР па Гродзенскай вобласці П.І. Чыж пісаў ўпаўнаважанаму па БССР К. Уласевічу: “Крайне желательно выселить из монастыря в Переломе монахов (3 чел. – Э.Я.), переселив в него монахинь римско-католического монастыря без права отправления службы ксендзом в костёле Перелом, а помещение, занимаемое ими, использовать под дом пионеров или лечебное учреждение” [2, л. 37, 38]. Да ажыццяўлення задуманага прыступілі ў 1950 годзе. У будынку манастыра прадугледжвалася размясціць туберкулёзны санаторый [12, л. 16, 17]. Але

пражываючыя там манахі запратэставалі. Тады іх прымусілі плаціць завышаную кватэрную плату, а затым проста-такі патрабавалі выселіцца ў вёску Гожа, паколькі будынак манастыра перадаваўся пад школу. На настойлівыя звароты настояцеля М. Чышака ўпаўнаважаны Савета па справах рэлігійных культаў пры СМ СССР Беларускай ССР М. Саласянкоў адказаў: “Вам всё же придется переселиться, так как ваше проживание в помещении, где будет размещаться школа, не совместимо» [4, л. 38, 39]. Не дапамаглі і звароты да старшыні СМ БССР – у 1953 годзе манастыр у вёсцы Пералом быў ліквідаваны [4, л. 32, 33].

У 1949 годзе Гродзенскі гарвыканком прыняў рашэнне заняць будынак манастыра брыгатак, у якім размяшчаліся назарэтанкі, пад бальніцу. І хоць вострай неабходнасці ў гэтым не было, мясцовыя органы ўлады знайшлі важную прычыну. Старшыня Гродзенскага гарвыканкома М. Ціханчук у пісьме намесніку Старшыні СМ БССР П.А. Абрасімаву пісаў: “<...> Вследствие того, что после окончания Отечественной войны город Гродно стал областным центром, значительно выросла потребность трудящихся города, особенно в увеличении сети социально-культурных учреждений, в первую очередь, в расширении медицинских учреждений. <...> Католический монастырь, о котором идет речь, имеет общепольной площади 2 993,3 кв.м., в т.ч. жилой площади 1682 м², служебной 1311 м². В настоящее время в нём проживает 10 монашек и занимают 284 м² жилой площади, остальная – пустует. <...> свыше 10 лет ремонт здания не производился, по центру здания получилась трещина. <...> если не произвести ремонт в ближайшее время, то через 2–3 года оно может разрушиться” [2, д. 17, л. 35].

Рашэнне аб ліквідацыі манастыра выклікала абурэнне вернікаў. На імя І. Сталіна, у вышэйшыя партыйныя і савецкія інстанцыі яны накіроўвалі скаргі. “У монашествующих и верующих сложилось мнение, что здание монастыря и костёла отняли не потому, что оно кому-либо нужно, а лишь для того, чтобы ликвидировать монастырь и закрыть костёл, – пісаў упаўнаважаны па Гродзенскай вобласці П. Чыж. – Монашествующие и обогреваемые ими и верующие католики считали, что так как до этого времени ничего не делается по его переоборудованию, то можно попытаться вернуть костёл и хотя бы часть здания монастыря” [3, д. 42, л. 2, 3].

У пачатку 1950 года ў манастыры засталася толькі 10 сяцёр. 9 студзеня 1950 года Савет Міністраў БССР прыняў пастанову перасяліць у прыкасцельны дом у вёсцы Скрыбаўцы Гродзенскага раёна, а ўсе манастырскія пабудовы і касцёл перадаць пад бальніцу. Манахіням дазвалялася ўзяць з сабой рухомую маёмасць, жывёлу і прадметы ўласнага ўжытку [2, л. 41, 42]. Аднак яны адмовіліся пакінуць абіцель і перасяліліся ў невялікі домік па вуліцы Карла Маркса, 26. Пражытачны мінімум іх быў крытычным: жылі за кошт заробку дзвюх манахінь (150 і 100 рублёў у месяц), дзвюх коз і невялікага агарода плошчай 0,44 гектара каля бернардзінскага касцёла [3, л. 25].

У снежні 1950 года ў брыгідскім касцёле зламыснікі здзейснілі крадзеж. Сярод найбольш каштоўных украдзеных рэчаў значылася манстранцыя (даранасіцельніца), гадзіннік ручной работы, абрусы і інш. Амаль праз год, у кастрычніку 1951 года, злодзеі вынеслі 4 дываны, 3 сталы, з абраза Дзевы Марыі знялі частку каралаў. Маёмасць касцёла паступова нішчылася ад таго, што многае было ў беспарадку звалена ў рызніцы. Імкнучыся хоць што-небудзь выратаваць, касцельны камітэт вырашыў перанесці мошчы св. Кліменція, фігуркі Хрыста і святых, абразы і некаторыя прадметы культуры ў бернардзінскі касцёл.

10 красавіка 1954 года намеснік старшыні Гродзенскага абласнога Савета дэпутатаў працоўных Кіштымаў аддаў распараджэнне “выкарыстаць касцёл па вул. Карла Маркса пад складское памяшканне для захавання медыкаментаў з правам пераабсталявання” [2, л. 43, 51]. Так да сярэдзіны 1950-х гадоў быў ліквідаваны апошні

ў Беларусі рымска-каталіцкі манастыр. Але манаства савецкай уладзе ліквідаваць не ўдалося. З 1950 года тайна дзейнічалі чатыры сястры-эўхарысткі ў Браславе. Пасля ад'езду ў Польшчу ксяндза А. Шубзды яны наглядзілі за касцёлам, аберагалі культуравую маёмасць, арганізавалі богаслужэнні. Спачатку манахіні жылі на прыватных кватэрах, а ў 1961 годзе выкупілі і адрамантавалі дом непадалёку ад касцёла. Да канца 1980-х гадоў яны дзейнічалі паўлегальна: навучалі дзяцей катэхізісу, выязджалі для правядзення місійнай работы сярод каталікоў у Казахстан, працавалі ў бальніцы [23].

Аднак толькі з адраджэннем Рымска-каталіцкай царквы на Беларусі ў канцы 1980-х гадоў пачынае адраджацца і манаскае жыццё. У пачатку 1990-х гадоў распачалі на Беларусі душапастырскую дзейнасць сёстры з кангрэгацыі сяцёр Беззаганнага Зачацця Найсвяцейшай Панны Марыі [19, с. 49], айцы і браты кармэліты [19, с. 51], місіянеркі Святой Сям'і [19, с. 58], сёстры Святой Сям'і [19, с. 69], аблаты [19, с. 73], шанштацкія сёстры [19, с. 81], паўліны [19, с. 85], рэдэмптарысты [19, с. 99] і іншыя. Колькасны склад іх невялікі. Кансэкраваныя асобы (сёстры і браты з розных ордэнаў, ксяндзы-манахі), якія выбралі шлях пераймання Хрыста, практыкуюць евангелічныя рады: чысціню, убоства і паслухмянасць [21, с. 1, 3].

Часта ў сённяшнім грамадстве пераважаюць спажывецтва, карыслівасць, пагарда, чэрствасць. Жыццё манахаў, якія не валодаюць матэрыяльнымі сродкамі і багаццем, сведчыць пра бескарыслів дар любові да бліжняга. Як і ў папярэднія часы, любоў да найбяднейшых, безабаронных і тых, хто страціў сэнс свайго жыцця, прымушае кансэкраваны асоб прысвячаць сябе ім без астатку [21, с. 1, 3]. Пра гэта сведчаць шматлікія факты. Так, сёстры з кангрэгацыі сяцёр францысканак Сям'і Марыі займаюцца выхаваннем дзяцей у дзіцячых дамах і выхаваўчых установах, а таксама выконваюць апякунскую і апостальскую працу ў парафіях. Асабліва сцю духоўнага жыцця кангрэгацыі з'яўляецца следаванне прынцыпам пакоры і прастаты, у святле якіх сёстры будуць свае адносіны да Бога і людзей, ва ўсім выконваючы Божую волю і бязмежна давяраючы Божаю Провіду [19, с. 22].

У 1990 годзе ў Беларусь прыехалі першыя сальватарыяне з законнай супольнасці "Таварыства Боскага Збаўцы". Іх крэдам з'яўляюцца словы Слугі Божага кс. Францішка Марыі ад Крыжа Ёрдана: "Пакуль жыве на свеце хоць бы толькі адзін чалавек, які не ведае і не любіць Езуса Хрыста, Збаўцу свету, табе нельга адпачываць". Цяпер сальватарыяне праводзяць душапастырскую працу ў дзвюх парафіях Гродзенскай дыяцэзіі і ў парафіях Віцебскай [19, с. 43]. Сёстры-місіянеркі Святой Сям'і вядуць падрыхтоўку да святых сакрамантаў і да вызнання веры, дапамагаюць тым, хто жыве ў нястачы: гатуюць абеды для самых бедных, наведваюць вязняў, апякаюцца самотнымі маці, якія адны выходзяць дзяцей, кіруюць цэнтрамі для сіротаў і для дзяцей з праблемных сем'яў [19, с. 58].

Манаскае жыццё мае сэнс толькі тады, калі з'яўляецца адказам на голас таго, хто кліча. "Любоў. Які сэнс мае гэтае слова ў пазбаўленым любові свеце? Яно часта злітае з вуснаў, але няма яго ў сэрцы. У век, поўны разладу, зайздрасці, непрыязнасці, у век, які ганарыцца ведамі ў розных галінах навукі і тэхнікі, але не мае ўяўлення пра цноту, якая наблізіла неба да зямлі і зямлю да неба". Гэтыя словы заснавальніцы кангрэгацыі сяцёр святой Ядвігі Раберты Спіске, сказаныя ў сярэдзіне XIX стагоддзя, застаюцца актуальнымі і ў нашы дні [19, с. 37].

Такім чынам, вывучэнне праблемы дазваляе зрабіць высновы, што манастыры ўнеслі значны ўклад у сацыяльнае і духоўнае жыццё Беларусі. Апрача місіянерскай дзейнасці па распаўсюджанні хрысціянскага (каталіцкага) веравучэння сярод насельніцтва, кансэкраваныя асобы прымалі ўдзел у рабоце школ, перадачы насельніцтву прафесійных ведаў (шавецкай, кравецкай справы, вядзенні агародніцтва, сельскай гаспадаркі і інш.), аказвалі медыцынскую дапамогу, апекаваліся хоспісамі для

розных грамадскіх слаёў. Стараннямі манастыроў захоўвалася і прымнажалася культурная спадчына беларускага народа.

Неспрыяльныя ўмовы для дзейнасці манастыроў пачаліся з часоў Другой сусветнай вайны. Ліквідацыя савецкай уладай манастыроў, якая пачалася пасля ўваходжання Заходняй Беларусі ў БССР, закончылася да сярэдзіны 1950-х гадоў. Падчас гітлераўскай акупацыі Беларусі манаства падверглася рэпрэсіям. Толькі ў канцы 1980-х – пачатку 1990-х гадоў пачалося паступовае адраджэнне дзейнасці манастырскіх кангрэгацый на Беларусі. Яно з’явілася састаўной часткай адраджэння ўсяго Рымска-каталіцкага касцёла ў рэспубліцы.

Праведзенае аўтарам артыкула даследаванне дазваляе выказаць некаторыя рэкамендацыі. Зыходзячы са спецыфікі дзейнасці манаскіх кангрэгацый, органам мясцовай улады варта наладзіць з імі дыялог аб супрацоўніцтве. Мэтазгодна выкарыстоўваць іх магчымасці ў арганізацыі сацыяльнай дапамогі для састарэлых, інвалідаў, адзіночых людзей і іншых катэгорый насельніцтва. Кансэкраваныя асобы маглі б праводзіць індывідуальную выхаваўчую працу з дзецьмі і падлеткамі, якія здзейснілі правапарушэнні, у школах, дзіцячых дамах, спецыяльных установах для непаўналетніх і інш.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (далей ДА ГВ). – Фонд 1385. – Воп. 1. – Спр. 9 : Переписка с Советом по делам религиозных культов при СМ СССР и уполномоченным Совета по делам религиозных культов при СМ БССР по вопросам выполнения законодательства о культах. 5 января – 18 декабря 1946 г.

2. ДА ГВ. – Фонд 1385. – Воп. 1. – Спр. 17 : О регистрации римско-католического женского монастыря «Назаретанки» в г. Гродно. 21 февраля 1946 г. – 6 декабря 1950 г.

3. ДА ГВ. – Фонд 1385. – Воп. 1. – Спр. 42 : Переписка с Советом по делам религиозных культов при СМ СССР и уполномоченным по делам религиозных культов при СМ БССР по выполнению законодательства о культах, проведении праздников, учете религиозных обществ и о работе уполномоченного Совета по области. 24 февраля – 19 декабря 1950 г.

4. ДА ГВ. – Фонд 1385. – Воп. 1. – Спр. 53 : Переписка с Советом по делам религиозных культов при СМ СССР и уполномоченным Совета по делам религиозных культов при СМ БССР по вопросам выполнения законодательства о культах. 1953 г.

5. ДА ГВ. – Фонд 1385. – Воп. 1. – Спр. 54 : Переписка с Советом по делам религиозных культов при СМ СССР и уполномоченным Совета по делам религиозных культов при СМ БССР по вопросам выполнения законодательства о культах. 1954 г.

6. Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі. – Фонд 6991. – Воп. 3. – Спр. 61 : Докладные записки Совета по делам религиозных культов в Совет Министров СССР. 14 января – 27 декабря 1949 г.

7. Косыра-Цесляк, Х. Жертвую тебе всё это во имя любви : сестра Марта от Иисуса, сестра Ева от Провидения непокоянки / Х. Косыра-Цесляк. – Гродно : Гродненская римско-католическая Епархия, 2002. – 103 с.

8. Макарчык, Ю. OFMConv. Слуга Божы а. Мельхіёр Фардон францішканін (1862–1927) / Ю. Макарчык OFMConv ; пер. з польск. Д. Бічэль-Загнетай. – Гродна : Гродзенская дыяцэзія Рымска-каталіцкага касцёла, 2007. – 74 с.

9. Мараш, Я.Н. Политика Ватикана и католической церкви в Западной Белоруссии. 1918–1939 / Я.Н. Мараш. – Минск : Беларусь, 1983. – 96 с.

10. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей НА РБ). – Фонд 4П. – Воп. 62. – Спр. 69 : Информационный отчет о работе уполномоченного Совета по делам религиозных культов по БССР за 3 кв. 1949 г.

11. НА РБ. – Фонд 4П. – Воп. 62. – Спр. 70 : Докладные уполномоченного Совета по делам религиозных культов по БССР о состоянии религиозных культов в БССР. 1949 год.

12. НА РБ. – Фонд 952. – Воп. 1. – Спр. 3 : Переписка с исполкомами местных Советов о передаче зданий костёлов организациям и учреждениям. 28 мая – 27 ноября 1945 г.

13. НА РБ. – Фонд 952. – Воп. 1. – Спр. 5 : Материалы о деятельности религиозных общин и сект (сведения, анкеты служителей культа, списки верующих, переписка по жалобам). 23 мая – 31 декабря 1946 г.

14. НА РБ. – Фонд 952. – Воп. 1. – Спр. 14 : Заявления и жалобы верующих и духовенства. 9 января – 8 декабря 1948 г.

15. НА РБ. – Фонд 952. – Воп. 2. – Спр. 1 : Директивные указания Совета Министров СССР и БССР, Совета по делам религиозных культов об организации работы уполномоченных, об открытии молитвенных зданий и костёлов. 19 мая 1944 г. – 15 декабря 1945 г.

16. НА РБ. – Фонд 952. – Воп. 2. – Спр. 2 : Информационные отчеты уполномоченных Совета о деятельности религиозных общин и сект в Белоруссии, докладные, сведения о служителях культов, переписка с Советом. 23 декабря 1944 г. – 27 декабря 1945 г.

17. НА РБ. – Фонд 952. – Воп. 2. – Спр. 9 : Инструктивные указания Совета и уполномоченных Совета по делам религиозных культов. 20 января – 31 декабря 1947 г.

18. НА РБ. – Фонд 952. – Воп. 2. – Спр. 28 : Информационные отчеты уполномоченных о состоянии и деятельности религиозных общин и сект. 7 июля – 27 декабря 1951 г.

19. Пра пакліканне. Ружанцовыя разважанні / Камісія па справах Божага культу і дысцыпліны сакрамантаў пры КПББ. – Мінск : Про Хрысто, 2005. – 202 с.

20. Рэлігія і царква на Беларусі : энцыкл. давед. / Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Бел. Эн, 2001. – 368 с.

21. Слова Жыцця. Газета Гродзенскай дзяцэзіі. – 2009. – 25 студзеня.

22. Стажиньска, М. Одиннадцать мучениц / М. Стажиньска ; пер. с польск. Л. Михайлик. – Гродно : Гродненская римско-католическая епархия, 1999. – 72 с.

23. Шыдлоўскі, К. Браслаўскі дом сяцёр-эўхарыстак / К. Шыдлоўскі // Браслаўскія сшыткі. – 1997. – № 2.

24. Ярмусик, Э.С. Католический Костёл в Беларуси в 1945–1990 годах : монография / Э.С. Ярмусик. – Гродно : ГрГУ, 2006. – 568 с.

25. AAN w Warszawie. Sygnatura 904. Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego (MWRiOP) / Sygnatura 904. Mikrofilm B 9897. Dep. V. Wyznań religijnych. Referat wyznań katolickich. Zakony. Sprawy ogólne. Statystyka klasztorna nadsyłana przez kurie do budżetu. 1920–1930 r.

26. AAN w Warszawie. MWRiOP. Sygnatura 905. Mikrofilm B 9898. Dep. V. Wyznań religijnych. Referat wyznań katolickich. Zakony. Sprawy ogólne. 1920–1930 r.

27. AAN w Warszawie. MWRiOP. Sygnatura 906. Mikrofilm B 9899. Dep. V. Wyznań religijnych. Referat wyznań katolickich. Zakony. Sprawy ogólne. Wykazy zakonów i informacje o działalności nadsyłane przez urzędy wojewódzkie. 1922–1938 r.

28. AAN w Warszawie. MWRiOP. Sygnatura 919. Mikrofilm B 9912. Zakony żeńskie. Podania osób prywatnych świeckich w sprawach przyjęcia do zakonu, skargi itp., podania o paszporty zagraniczne celem wstąpienia do klasztoru 1919–1935.

29. Marecki, J. OFMCap. Zakony żeńskie w Polsce: Słownik. – Kraków, 1997. – 130 s.

30. Marecki, J. OFMCap. Zakony męskie w Polsce. – Kraków, 1997. – 88 s.
31. Niech ich świadectwo nie będzie zapomniane / Losy Kościoła katolickiego na Białorusi w latach 1917–1953 / Pod red. Komisji ds. Nowych Męczenników Komitetu Jubileuszowego CECB. – Grodno, 2000. – 142 s.
32. Świadczenie miłości Boga i człowieka: Błogosławieni męczennicy z Białorusi 1939–1945 / Pod red. Komisji ds. Nowych Męczenników Komitetu Jubileuszowego 2000 CECB. – Grodno, 2000. – 94 s.
33. Żeńskie zgromadzenia zakonne w Polsce 1939–1947. Studia i materiały do Historii chrześcijaństwa w Polsce : w 16 t. / Katolicki Uniwersytet Lubelski ; Instytut Geografii Historycznej Kościoła w Polsce ; kom. red.: A. Chruszczewski (red.) [i inni]. – Lublin : Redakcja Wydawnictw KUL, 1982–2002. – T. VII. – 1994. – 366 s.; T. VIII. – 1995. – 345 s.; T. XIII. – 1999. – 282 s.; T. XIV. – 202. – 325 s.; T. XVI. – 2002.
34. Życie religijne w Polsce pod okupacją 1939–1945. Metropolie wileńska i lwowska, zakony : praca zbiorowa / ks. Z. Zieliński (red.) – Katowice : Unia, 1992. – 542 s.

Yarmusic E.R. Roman-catholic Monasteries in Social and Spiritual Life of Belarus

The article deals with the situation of monasteries and monastic congregations, their instructive and charitable activity in Belarus during 1930th – at the beginning of the XXI century, their liquidation by the Soviet power in post-war period, the renaissance of monastery life in the late 1980th – early in the XXI century.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 23.05.08

УДК 94(47+57)''1941/45''+930(476)

У.В. Здановіч

ПАЧАТКОВЫ ПЕРЫЯД ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ Ў ПРАЦАХ БЕЛАРУСКІХ ДАСЛЕДЧЫКАЎ (1990–2008 гг.)

У артыкуле раскрываецца працэс вывучэння гісторыі пачатковага перыяду Вялікай Айчыннай вайны ў сучаснай айчыннай гістарыяграфіі. Аўтар паказвае, што шматгадовае замоўчванне рэальных падзей лета 1941 г. у пачатку 1990-х змянілася незвычайнай актыўнасцю гісторыкаў, якія прапаноўвалі разнастайныя версіі. Праведзены аналіз наяўных прац дазваляе абвергнуць некаторыя палажэнні савецкай гістарыяграфіі аб прычынах непадрыхтаванасці СССР да вайны, паражэнняў Чырвонай Арміі ў пачатку вайны.

Уводзіны

Гісторыя пачатковага перыяду Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі не адносіцца да ліку найбольш распрацаваных тэм у рэспубліцы. Неспрыяльныя для Савецкага Саюза абставіны 1941 г. істотна абмяжоўвалі навуковае даследаванне па праблеме. Аднак, нягледзячы на дадзеныя абставіны, за гады, якія прайшлі пасля пачатку вайны, айчыннымі навукоўцамі падрыхтавана пэўная колькасць разнастайных паводле жанраў прац, прысвечаных разглядаемым падзеям. Разам з тым многія пытанні патрабуюць дадатковага вывучэння. У вырашэнні новых задач істотную дапамогу гісторыкам можа аказаць гістарыяграфічны аналіз праблемы.

Нягледзячы на тое, што асобныя гістарыяграфічныя аспекты дадзенай тэмы закраналіся беларускімі даследчыкамі, выдадзеныя працы не даюць поўнага ўяўлення пра аб'ём і сутнасць літаратуры па гісторыі пачатковага перыяду вайны. Аналіз апублікаваных гістарыяграфічных крыніц па праблеме і з'яўляецца мэтай дадзенага артыкула.

Вывучэнне пачатку Вялікай Айчыннай вайны айчыннымі гісторыкамі

Трагедыя войск Чырвонай Арміі на пачатковым этапе Вялікай Айчыннай вайны не садзейнічала грунтоўнаму вывучэнню праблемы савецкімі даследчыкамі. З наступленнем у канцы 1980-х гг. у Савецкім Саюзе перыяду галоснасці становішча ў гістарыяграфіі кардынальна памянялася. Шматгадовае замоўчванне рэальных прычын непадрыхтаванасці СССР да вайны, паражэнняў Чырвонай Арміі летам 1941 г. змянілася незвычайнай актыўнасцю гісторыкаў, якія прапаноўвалі адну версію за другой. Актывізацыі навуковых даследаванняў спрыялі новыя магчымасці ў доступе да архіўных матэрыялаў, што садзейнічала значнаму пашырэнню крыніцзнаўчай базы. Даследчыкамі быў выдадзены шэраг дакументальных зборнікаў, аснову якіх склалі дакументы раней закрытых архіваў. Так, у зборніку “Знешняя палітыка Беларусі” змешчаны дакументы і матэрыялы аб сітуацыі на беларускіх землях у перадваенныя гады, мабілізацыйных мерапрыемствах партыйных і дзяржаўных органаў, рэпрэсіях у дачыненні да жыхароў заходніх абласцей СССР [14].

Дзейнасць органаў дзяржаўнай улады, учынкі і настроі насельніцтва да чырвонаармейцаў у складаных умовах пачатковага перыяду вайны знайшлі адлюстраванне на старонках падрыхтаванага супрацоўнікамі Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь зборніка “Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня – август 1941 г.)” [6].

Вынікам сумеснай працы расійскіх і беларускіх архівістаў стаў выдадзены ў 2007 г. зборнік “Накануне: Западный особый военный округ (конец 1939–1941 г.)”,

аснову якога склалі дакументы Расійскага дзяржаўнага ваеннага архіва і Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь [22].

З другога боку, апублікаваныя дакументы паставілі перад даследчыкамі новыя пытанні, адказы на якія дазваляць з большай дакладнасцю і доказнасцю падысці да вырашэння праблем пярэдадзя і пачатку вайны. Па актуальных праблемах разгарнулася палеміка, якая ў расійскай гістарыяграфіі атрымала назву “незапланаваная дыскусія”.

Своеасаблівым штуршком для палемікі стала кніга В. Суворова “Ледокол” [28], асноўныя сцвярджэнні якой зводзіліся да наступнага. І.В. Сталін, з’яўляючыся прадаўжальнікам справы К. Маркса і У. Леніна, з мэтай экспарту сацыялістычнай рэвалюцыі развязаў Другую сусветную вайну. Дзеля дасягнення пастаўленай мэты ён падтрымаў нацыстаў і садзейнічаў прыходу Гітлера да ўлады, дапамог Германіі ўзброіцца і з дапамогай Пакта аб ненападзе ад 23 жніўня 1939 г. садзейнічаў пачатку вайны, пры гэтым І.В. Сталін рыхтаваўся да нападу на Германію ў 1941 г. Менавіта дадзеная выснова В. Суворова стала краевугольным каменем дыскусіі. Расійскі гісторык Ю.А. Нікіфараў выдзяляе ў сучаснай расійскай гістарыяграфіі дзве плыні. Прадстаўнікі першай плыні, якую ён называе рэвізіянісцкай, лічаць, што ўся савецкая гістарычная навука з’яўляецца сфальсіфікаванай і патрабуе кардынальнага пераасэнсавання асноўных яе палажэнняў. Прадстаўнікі другога накірунку, не адмаўляючы ўсяго напрацаванага савецкай ваеннай гістарыяграфіяй, адначасова выступаюць супраць ранейшых дагматычных падыходаў і ігнаравання новых дакументаў [24, с. 45].

Падаецца мэтазгодным, не ўжываючы тэрміна “рэвізіянізм”, падзяліць удзельнікаў дыскусіі на тры плыні.

Прадстаўніком першай, найбольш радыкальнай плыні з’яўляецца сам В. Суворав, высновы якога ў поўным аб’ёме не падтрымаў ніводзін спецыяліст ваеннай гісторыі.

Частка гісторыкаў, выступаючы супраць ідэі В. Суворова аб адказнасці за развязанне Другой сусветнай вайны толькі І.В. Сталіна, лічыць, што Савецкі Саюз у 1941 г. збіраўся апярэдзіць Германію і нанесці прэвентыўны ўдар. Выразнікамі ідэй дадзенай плыні сталі М.І. Мельцохоў, У.А. Нявежын, У.Д. Данілаў, П.Н. Бабылёў [18] і іншыя. Адначасова гэтыя гісторыкі, у прыватнасці М.І. Мельцохоў, падкрэсліваюць, што палітычным рашэннем аб пачатку вайны можа лічыцца толькі загад войскам пачаць вайну. У сувязі з тым, што савецкае кіраўніцтва не аддавала такога загаду, факт прэвентыўнага ўдару Савецкага Саюза не можа быць даказаным.

Даследчыкі трэцяга традыцыйнага накірунку М.А. Гарэеў, В.А. Анфілаў, А.М. Мярцалаў, Ю.А. Гаркоў, К.М. Семін, Ю.А. Нікіфараў, А.С. Арлоў, А.З. Вішлеў [1] прыходзяць да высновы, што сцвярджэнні В. Суворова і яго прыхільнікаў не абгрунтаваны. СССР рыхтаваўся да адбіцця нападу Германіі і не планаваў прэвентыўнага ўдару. Пацвярджэннем таму служыць той факт, што да гэтага часу не знойдзена афіцыйных дакументаў, якія дакладна пацвярджалі б наяўнасць у Савецкага Саюза наступальных планаў перад вайной. Да таго ж кіраўніцтва СССР не аддавала загаду войскам пачаць вайну, што магло б лічыцца палітычным рашэннем аб яе пачатку. Як ужо адзначалася, дадзеную выснову аспрэчваюць і прадстаўнікі больш радыкальных поглядаў.

Беларускія навукоўцы, у тым ліку і аўтар дадзенага артыкула, у асноўным падтрымліваюць тых расійскіх гісторыкаў, якія на падставе новых дакументальных крыніц спрабуюць рэканструяваць рэальныя падзеі пачатковага перыяду Вялікай Айчыннай вайны, не адмаўляючы пры гэтым і лепшых напрацовак савецкай гістарыяграфіі. Што тычыцца прэвентыўнага ўдару Савецкага Саюза, уяўляецца, што

прапановы ў дадзеным накірунку распрацоўваліся і прадстаўнікамі Генеральнага штаба РККН, і асобнымі тэарэтыкамі. Сведчаннем з'яўляюцца “Соображения по плану стратегического разведывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками”, распрацаваныя Генеральным штабам Чырвонай Арміі 15 мая 1941 г. [27]. Але на практыцы яны не былі падтрыманы вышэйшым савецкім кіраўніцтвам і таму не былі рэалізаваны.

Нягледзячы на тое, што гісторыкі не прыйшлі да адзінай ацэнкі падзей напярэдадні і пачатку Вялікай Айчыннай вайны, “незапланаваная дыскусія” адыграла важную ролю ў паглыбленні ведаў па праблеме і стымулявала далейшыя навуковыя пошукі. Адным з вынікаў “незапланаванай дыскусіі” стала асэнсаванне таго, што для ґрунтоўнага вывучэння падзей Вялікай Айчыннай вайны патрэбны намаганні вялікай колькасці навукоўцаў, у тым ліку і даследчыкаў розных краін. Прыкладам такога плённага супрацоўніцтва можа служыць падрыхтаваная агульнымі намаганнямі расійскіх і беларускіх гісторыкаў праца “На земле Беларуси: канун и начало войны” [20]. На аснове дакументальных крыніц аналізуецца сітуацыя ў Еўропе напярэдадні вайны, падзеі 1939 г., звязаныя з далучэннем Заходняй Беларусі да БССР. Асаблівую каштоўнасць уяўляюць матэрыялы, якія характарызуюць становішча Заходняй асобай ваеннай акругі напярэдадні і ў пачатку Вялікай Айчыннай вайны, баявыя дзеянні на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г. Арганічна ў змест манаграфіі ўпісваюцца біяграфіі каманднага складу ЗахАВА да брыгады ўключна.

У 1990–2000-я гг. з'явіўся шэраг прац, падрыхтаваных расійскімі і айчыннымі навукоўцамі, у якіх падзеі 1941 г. на тэрыторыі Беларусі падаюцца на падставе новых дакументальных крыніц з улікам напрацовак сучаснай гістарыяграфіі Вялікай Айчыннай вайны. Прыкладам такога падыходу з'яўляецца манаграфія А.Г. Харкава “Трозовой июнь. Трагедия и подвиг войск приграничных военных округов в начальном периоде Великой Отечественной войны” [30], у якой утрымліваюцца канкрэтныя звесткі пра матэрыяльныя і людскія рэсурсы Заходняй асобай ваеннай акругі.

Своеасаблівы нетрадыцыйны погляд на ваенныя падзеі на тэрыторыі рэспублікі прапануе супрацоўнік Інстытута ваеннай гісторыі Міністэрства абароны Расійскай Федэрацыі ўрадженец Беларусі І.В. Цімаховіч у манаграфіі “Битва за Белоруссию. 1941–1944” [29]. Цікавым падаецца вызначэнне храналагічных рамак бітвы за Беларусь, якая, па меркаванні аўтара, “... пачалася 22 чэрвеня 1941 г. з моманту вераломнага нападу гітлераўскай Германіі на нашу краіну, уварвання нямецка-фашысцкіх войск на тэрыторыю Беларускай рэспублікі, працягвалася 1129 сутак – да канца ліпеня 1944 г., калі гітлераўскія полчышчы былі поўнасьцю выгнаны з беларускай зямлі” [29, с. 3]. Абапіраючыся на архіўныя дакументы, аўтар паказвае сітуацыю напярэдадні вайны, характарызуе баявыя дзеянні войск Заходняга фронту на яе пачатковым этапе. Раскрываючы прычыны няўдач Чырвонай Арміі, І.В. Цімаховіч значнае месца адводзіць суб'ектыўнаму фактару пралікаў І.В. Сталіна, яго рэпрэсіўнай палітыцы ў перадваенныя гады. Пры аналізе суадносін сіл Заходняй асобай ваеннай акругі і групы арміі “Цэнтр” даследчык застаецца на пазіцыях савецкай гістарыяграфіі, адстойваючы ідэю аб перавазе войск вермахту над Чырвонай Арміяй у тэхніцы і жывой сіле [29, с. 21].

Дадзены тэзіс знайшоў падтрымку ў А.С. Галіцына, які ў артыкуле, прысвечаным Беларускай абарончай стратэгічнай аперацыі, змешчаным у энцыклапедыі “Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне. 1941–1945”, сцвярджае, што “сілы ворага больш чым у 1,5 раза пераўзыходзілі савецкія войскі” [7, с. 22].

Значны фактычны матэрыял па гісторыі Заходняй асобай ваеннай акругі ўтрымліваецца ў выдадзенай у 2002 г. кнізе Р.С. Ірынархава “Западный Особый...” [16]. Аднак многія аспекты баявой дзейнасці Заходняга фронту (баі пад Навагрудкам,

дзеянні Заходняга фронту 2-га фарміравання) практычна засталіся па-за ўвагай даследчыка.

Гісторыя пачатковага перыяду Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі стала тэмай навуковых пошукаў беларускага гісторыка І.А. Басюка. Вынікам яго навуковай дзейнасці сталі дзве манаграфіі, абароненая доктарская дысертацыя, больш за 30 артыкулаў [2]. Заслугай даследчыка з'яўляецца аналіз з улікам новых напрацовак сучаснай гістарыяграфіі мерапрыемстваў партыйных і савецкіх органаў СССР і БССР па ўмацаванні абараназдольнасці Заходняй асобай ваеннай акругі, раскрыццё структуры і баявога складу ЗахАВА і фронту, паказе баявых дзеянняў войск Заходняга фронту і прычын паражэнняў, увядзенні ў навуковы ўжытак новых паняццяў. Беларускі гісторык адным з першых выказаў меркаванне аб тым, што "... мужнасць савецкіх воінаў, пераход з 30 чэрвеня 1941 г. да актыўнай стратэгічнай абароны, увядзенне ў баявыя дзеянні войск 2-га стратэгічнага эшалона Заходняга фронту 2-га фарміравання прывялі да запавольвання наступлення праціўніка, што з'явілася першай сур'ёзнай перадумовай зрыву нямецкай стратэгіі "маланкавай вайны" [4, с. 216]. У пэўнай ступені выказванне абвяргае тэзіс савецкай гістарыяграфіі аб зрыве плана "маланкавай вайны" пад Масквой. Характарызуючы прычыны трагічных вынікаў пачатковага перыяду вайны для Беларусі, аўтар падкрэслівае, што "аб'ектыўна па колькасці сіл і сродкаў войскі ЗахАВА мелі магчымасць адбіць ці запаволіць наступленне нямецкіх войск на Беларусі, нанесці ім тут значныя страты. Але гэтаму перашкоджіў суб'ектыўны фактар – адсутнасць палітычных рашэнняў аб своечасовым прывядзенні войск ЗахАВА ў належны стан боегатоўнасці" [3, с. 213].

Дадзеная выснова беларускага даследчыка, нягледзячы на некаторыя разыходжанні ў лічбах (асабліва ў танках), што характарызуюць суадносіны сіл групы армій "Цэнтр" і Заходняй асобай ваеннай акругі, знаходзіць пацвярджэнне ў працах расійскіх даследчыкаў В.А. Сямідзеткі, М.І. Мельцохова, Р.С. Ірынархава [26].

Новыя падыходы ў асветленні падзей 1941 г. на тэрыторыі Беларусі замацаваны ў манаграфіі Р.П. Платонава "Беларусь, 1941-й: известное и неизвестное", якая стала значнай падзеяй у айчыннай гістарыяграфіі [25]. Асновай кнігі сталі архіўныя матэрыялы, у першую чаргу тыя, якія ў ранейшыя часы не былі даступны даследчыкам. Выкарыстанне новых дакументальных сведчанняў дазволіла аўтару раскрыць складаныя і супярэчлівыя працэсы, якія адбываліся ў рэспубліцы напярэдадні вайны, прааналізаваць ход ваенных дзеянняў на тэрыторыі Беларусі і прычыны паражэнняў войск ЗахАВА. Даследчык абвяргае тэзіс савецкай гістарыяграфіі аб вырашальнай ролі эканамічнага фактару ў трагічных выніках лета 1941 г. і абгрунтавана даказвае, што "дастатковых падстаў для сцвярджэнняў аб тым, што краіна да барацьбы з фашызмам не рыхтавалася, што ва ўмацаванні абараназдольнасці не было зроблена самага неабходнага і неадкладнага, няма. Іншая справа, што ўжо ў самыя першыя месяцы вайны многае з дасягнутага было страчана" [25, с. 6].

Некаторыя дадзеныя аб абарончых умацаваннях акругі, баявым складзе войск Заходняга фронту, лёсе генералаў – камандуючых фронтам і асобнымі падраздзяленнямі – маюцца ў кнізе Б.Д. Далгатовіча [13].

На падставе статыстычных дадзеных аб забяспечанасці войск ЗахАВА матэрыяльнымі рэсурсамі да аналагічнага заключэння прыходзіць Г.І. Герасімаў, які ў адным з артыкулаў піша: "Вынікі камп'ютарнага аналізу гавораць аб тым, што ніколі наша армія не была так добра ўкамплектавана, забяспечана матэрыяльнымі сродкамі, як у перадваенны перыяд" [11, с. 9]. Аднак выйграць першыя дні вайны Чырвоная Армія магла б пры ўмове, калі б дата нападу стала дакладна вядома як мінімум за 30 сутак (час, неабходны для мабілізацыі) да пачатку агрэсіі". Адзначанае заключэнне практычна пацвярджае выснову савецкіх гісторыкаў аб праліках І.В. Сталіна і аб

нечаканасці нападу. Адначасова гісторык прапаноўвае не ўласцівы савецкай гістарыяграфіі тэзіс аб пачатковым перыядзе Вялікай Айчыннай вайны: “...Другой умовай перамогі ў самым пачатку вайны можна было б лічыць нанясенне Чырвонай Арміяй прэвентыўнага ўдару... Іншых шляхоў пераможнага зыходу пачатковага перыяду не існавала” [11, с. 10].

Асаблівую каштоўнасць уяўляе падрыхтаванае калектывам аўтараў навукова-папулярнае выданне “Беларусь в годы Отечественной войны. 1941–1945”. На наш погляд, аўтарам удалося справіцца з пастаўленай задачай – “асвятліць комплексна непраздзята, наколькі гэта магчыма – аб’ектыўна, з прыцягненнем новых выяўленых архіўных дакументаў, з улікам рэалій сённяшняга дня падзеі вайны, якія адбываліся на тэрыторыі Беларусі...” [5, с. 7]. Аналізуючы Беларускаю абарончую стратэгічную аперацыю 22 чэрвеня – 9 ліпеня 1941 г., даследчыкі прыводзяць дадзеныя суадносін сіл варожых бакоў [5, с. 55], сіл і сродкаў Заходняга фронту і групы арміі “Цэнтр” на 22 чэрвеня 1941 г. [5, с. 61], якія абвяргаюць сталую выснову савецкай гістарыяграфіі аб тэхнічнай перавазе германскіх войскаў. Ацэньваючы прычыны паражэнняў Чырвонай Арміі, гісторыкі, акрамя палітычнага, эканамічнага і ваеннага, выдзяляюць і чалавечы фактар, што стала новым, значным крокам у даследаванні праблем пачатку вайны на тэрыторыі Беларусі.

Мы падзяляем меркаванне аўтараў кнігі аб тым, што “значна больш згубным... фактарам трагедыі войскаў для Чырвонай Арміі аказалася слабая падрыхтоўка, некампетэнтнасць яе каманднага складу, асабліва вышэйшага” [5, с. 94].

Неадназначна навуковая супольнасць аднеслася да кнігі У.В. Бяшанава “Танковый погром 1941 года: Куда исчезли 28 тысяч советских танков?” [9]. Справядліва абвяргаючы палажэнне савецкіх гісторыкаў аб перавазе германскага вермахта над Чырвонай Арміяй па колькасці і якасці ўзбраення, паказваючы некампетэнтнасць вышэйшага ваеннага кіраўніцтва, пралікі ў апэратыўным планаванні і баявой падрыхтоўцы, аўтар не заўсёды пацвярджае свае высновы дакументальнымі крыніцамі, замяняючы доказы эмацыянальнай падачай матэрыялу.

Узбагачаюць веды па ваеннай гісторыі Беларусі і працы, прысвечаныя абароне асобных гарадоў і населеных пунктаў рэспублікі [12]. У гэтым плане хацелася б адзначыць пошукавую працу магілёўскага краязнаўцы М.С. Барысенкі, які на падставе знойдзеных у лясах Магілёўскай вобласці штабных дакументаў 20-га механізаванага корпуса Чырвонай Арміі, а таксама матэрыялаў Цэнтральнага архіва Міністэрства абароны Расійскай Федэрацыі падрыхтаваў цікавую кнігу аб баях пад Магілёвам летам 1941 г. [10].

Многія пытанні, звязаныя з пачаткам Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі, знайшлі асвятленне на старонках перыядычных і энцыклапедычных выданняў. Аналітычнасцю і доказнасцю вызначаюцца артыкулы Р.П. Платонава, у якіх раскрываюцца становішча Заходняга фронту напярэдадні і ў пачатку вайны, вызначаюцца прычыны ваенных няўдач. Высновы аўтара пацвярджаюцца дакументальнымі крыніцамі, якія раней не былі вядомы большасці навукоўцаў. У якасці прыкладу адзначым яго артыкул “Накануне (Белоруссия: апрель–июнь 1941 года: Документально-архивные свидетельства)” [21].

Становішча на тэрыторыі Беларусі напярэдадні вайны, задачы Заходняй асобай ваеннай акругі, дыслакацыю яе армій, узровень бяздольнасці прааналізаваў выкарыстоўваючы архіўныя і апублікаваныя крыніцы, А.М. Літвін [17]. Разам з Я.С. Паўлавым даследчык падрыхтаваў раздзел “Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны” для другой часткі “Нарысаў гісторыі Беларусі” [23].

Неабходна адзначыць, што новыя падыходы ў асвятленні пачатковага перыяду Вялікай Айчыннай вайны выклікалі неадназначную рэакцыю айчынных навукоўцаў і грамадскасці. Так, напрыклад, толькі В. Міхальцаў у артыкуле “Реквием по

мехкорпусам 1941” [19, с. 3] выказаў меркаванне аб тым, што Заходні фронт па стане на 22 чэрвеня 1941 г. меў значную перавагу ў танках, але пацярпеў паражэнне. У абарону аднаго з тэзісаў савецкай гістарыяграфіі выступілі В. Зорын, А. Яценка [15]. В. Міхальцаў быў абвінавачаны ў “скажэннях” і “дылетанцтве”, хоць апаненты па сутнасці не абверглі ніводнай высновы аўтара.

Розныя ацэнкі падзей 1941 г. на тэрыторыі Беларусі былі выказаны і на шматлікіх канферэнцыях. Так, высновы Р.П. Платонава аб тым, што эканамічны фактар не адыгрываў вырашальнай ролі ў паражэннях Чырвонай Арміі летам 1941 г., на пасяджэнні круглага стала “Беларусь, 22 июня 1941 года: говорят архивы» выступілі А.Б. Жайваронак і В.В. Фядосаў [8, с. 35–45].

Заклучэнне

Праведзены аналіз апублікаваных даследаваных прац, падрыхтаваных у 1990–2000-я гг. дазваляе прыйсці да наступных высноў:

Вайна не з’яўлялася нечаканасцю для Савецкага Саюза. У стратэгічным плане савецкае кіраўніцтва рыхтавалася да вайны з Германіяй. Хоць ў І.В. Сталіна не было дакладных дакументаў аб аператыўных планах нямецкага камандавання, агульная гатоўнасць Германіі да нападу на СССР не з’яўлялася сакрэтам для вышэйшага дзяржаўнага кіраўніцтва. Аднак дапушчаныя партыйнымі і дзяржаўнымі органамі і асабіста І.В. Сталіным пралікі прывялі да таго, што вайна стала нечаканасцю для савецкіх войск у ваенна-тактычным сэнсе. Што тычыцца прэвентыўнага ўдару Чырвонай Арміі, то на дадзены момант дакладных дакументальных сведчанняў аб прыняцці такога рашэння не існуе, таму гаварыць аб рэальнасці дадзенага плана не даводзіцца. Хоць, тэрэтычна такая ідэя прапрацоўвалася ваеннымі спецыялістамі.

На пачатковым этапе вайны не існавала тэхнічнай перавагі вермахта над войскамі Чырвонай Арміі. Па колькасці танкаў, самалётаў, гармат Савецкі Саюз пераўзыходзіў Германію, навукова-тэхнічны ўзровень савецкай тэхнікі не толькі адпавядаў лепшым сусветным стандартам, але і па некаторых напрамках апераджаў іх. Аднак на гэтым этапе вайны германскае камандаванне больш эфектыўна выкарыстала свае баявыя сілы, што і з’явілася прычынай паражэння войск Заходняга фронту. Разам з тым група армій “Цэнтр” панесла значныя страты, былі запаволены тэмпы яе наступлення, і гэта дало магчымасць савецкаму камандаванню перагрупаваць свае сілы, што ў далейшым затрымала нямецкія войскі.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Анфилов, В.А. Был план упреждающего удара, но Сталин его отверг / В.А. Анфилов // Куранты. – 1995. – 15–16 апреля. – С. 7, 8; Анфилов, В.А. Грозное лето 41 года / В.А. Анфилов – М. : Анкил-Воин, 1995. – 316 с.; Гареев, М.А. Еще раз к вопросу: готовил ли Сталин превентивный удар в 1941 году? / М.А. Гареев // Новая и новейшая история. – 1994. – № 2. – С. 198–202; Горьков, Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера / Ю.А. Горьков // Новая и новейшая история. – 1993. – № 3. – С. 29–37; Горьков, Ю.А. Конец глобальной лжи / Ю.А. Горьков, Ю.Н. Семин // Военно-исторический журнал. – 1996. – № 2. – С. 2–15; № 3. – С. 4–17; № 4. – С. 2–17; № 6. – С. 2–7; Вишлев, О.В. Почему медлил Сталин в 1941 г.? (из германских архивов) / О.В. Вишлев // Новая и новейшая история. – 1992. – № 1. – С. 86–100; Никифоров, Ю.А. Некоторые вопросы современной российской историографии Великой Отечественной войны / Ю.А. Никифоров // Великая Победа: героизм и подвиг народов : материалы междунар. науч. конф., Минск, 28–29 апр. 2005 г. : в 2 т. / Ин-т истории НАН Беларуси ; отв. ред. А.М. Литвин. – Минск, 2006. – Т. 1. – С. 40–50; Мерцалов,

А.Н. Отечественная историография Второй мировой войны. Некоторые итоги и проблемы / А.Н. Мерцалов, Л.А. Мерцалова // Вопросы истории. – 1996. – № 6. – С. 145–157.

2. Басюк, І.А. Навагрудскі «кацёл» : манаграфія / І.А. Басюк. – Гродна : ГрДУ, 1998. – 176 с.; Басюк, І.А. Пачатковы перыяд Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі ; манаграфія / І.А. Басюк. – Гродна : ГрДУ, 2003. – 238 с.; Басюк, І.А. Пачатковы перыяд Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі ў мемуарнай літаратуры / І.А. Басюк // Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы : Сер. 1, Гуманітарныя навукі. – 2004. – № 1. – С. 3–11; Басюк, І.А. Заходняя асобая ваенная акруга. – Заходні фронт напярэдадні і ў пачатковым перыядзе Вялікай Айчыннай вайны : аўтарэф. дыс. ... докт. гіст. навук : 07.00.02 / І.А. Басюк ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2004. – 34 с.

3. Басюк, І.А. Навагрудскі «кацёл» : манаграфія / І.А. Басюк. – Гродна : ГрДУ, 1998. – 176 с.

4. Басюк, І.А. Пачатковы перыяд Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі : манаграфія / І.А. Басюк. – Гродна : ГрДУ, 2003. – 238 с.

5. Беларусь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / А.А. Коваленя (рук. авт. коллектива) [и др.]. – Минск : Белта, 2005. – 544 с.

6. Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня – август 1941 г.) : документы и материалы / сост. В.И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2006. – 458 с.

7. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне. 1941–1945: энцыклапедыя / Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1990. – 680 с.

8. Беларусь, 22 июня 1941 г.: говорят архивы: материалы к засед. круглого стола, посвящ. 60-летию нач. Великой Отечеств. войны, июнь 2001 г. / Белорус. науч.-исслед. ин-т документ. и арх. дела, Археограф. комис., Нац. архив Респ. Беларусь ; сост. Р.П. Платонов, В.В. Федосов. – Минск : БелНИИДАД, 2001. – 145 с.

9. Бешанов, В.В. Танковый погром 1941 года : Куда исчезли 28 тысяч советских танков? / В.В. Бешанов. – Минск : Харвест, 2007. – 384 с.

10. Борисенко, Н.С. Днепровский рубеж: трагическое лето 1941-го: Защитникам г. Могилёва посвящается / Н.С. Борисенко. – Могилёв : Могилёв. обл. укрупн. тип., 2005. – 366 с.

11. Герасимов, Г.И. «Мобилизация есть война...» : Мобилизационная готовность РККА и начальный период Великой Отечественной войны / Г.И. Герасимов // Военно-исторический журнал. – 1999. – № 3. – С. 10.

12. Герои Бреста : Новые документы, свидетельства очевидцев Сост. П.М. Панасюк [и др.]. – Минск : Беларусь, 1991. – 320 с.; Шнарович, В.С. Я – крепость. Веду бой... / В.С. Шнарович. – Минск : Беларусь, 1991. – 158 с.

13. Долготович, Б.Д. Беларусь в годы Великой Отечественной войны в вопросах и ответах / Б.Д. Долготович. – Минск : Полымя, 1994. – 141 с.

14. Знешняя палітыка Беларусі : Зб. дакументаў і матэрыялаў. – Т. 3 : 1928 – чэрвень 1941 г. / Склад. У.М. Міхнюк [і інш.] – Мінск, 2001. – 321 с.

15. Зорин, В.А. А подход-то дилетантский... / В.А. Зорин // Во славу Родины. – 1998. – 11 августа. – С. 3; Яценко, А. Ошибка или искажение? / А. Яценко // Во славу Родины. – 1998. – 11 августа. – С. 3.

16. Иринархов, Р.С. Западный Особый... / Р.С. Иринархов. – Минск : Харвест, 2002. – 704 с.

17. Литвин, А. Как это было / А. Литвин // Нёман. – 1991. – № 6. – С. 160–179; Літвін, А.М. Акупацыя Беларусі (1941–1944) : пытанні супраціву і калабарацыі / А.М. Літвін. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2000. – 288 с.

18. Мельтюхов, М.И. 22 июня 1941 г.: Цифры свидетельствуют / М.И. Мельтюхов // История СССР. – 1991. – № 3. – С. 16–28; Мельтюхов, М.И. Репрессии в Красной Армии: Итоги новейших исследований / М.И. Мельтюхов // Отечественная история. – 1997. – № 5. – С. 109–121; Мельтюхов, М.И. Споры вокруг 1941 года: Опыт критического осмысления одной дискуссии / М.И. Мельтюхов // Отечественная история. – 1994. – № 3. – С. 3–22; Мельтюхов, М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу, 1939–1941 гг. / М.И. Мельтюхов. – М. : Вече, 2002; Невежин, В.А. Сталин накануне «большой войны» (май – июнь 1941 гг.): по материалам «незапланированной дискуссии» российских историков / В.А. Невежин // Беларусь в годы Великой Отечественной войны: уроки истории и современность : материалы междунар. науч. конф., Минск, 29–30 июня 2004 г. / Ин-т истории НАН Беларуси ; сост.: А.М. Литвин [и др.]. – Минск, 2004. – С. 31–35; Данилов, В.Д. Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность / В.Д. Данилов // Военно-исторический журнал. – 1995. – № 3. – С. 39–46; Соколов, Б.В. Великая Отечественная война: Цена победы / Б.В. Соколов. – М. : Воениздат, 1991. – 192 с.; Бобылев, П. Репетиция катастрофы : по материалам совещания высшего командного состава Красной Армии в декабре 1940 г. и оперативно-стратегических игр на картах в январе 1941 г. / П. Бобылев // Военно-исторический журнал. – 1993. – № 7. – С. 14–21; Бобылев, П. Репетиция катастрофы : По материалам совещания высшего командного состава Красной Армии в декабре 1940 г. и оперативно-стратегических игр на картах в январе 1941 г. / П. Бобылев // Военно-исторический журнал. – 1993. – № 8. – С. 28–35; Бобылев, П.Н. К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году / П.Н. Бобылев // Отечественная история. – 1995. – № 5. – С. 3–20; Бобылев, П.Н. Точку в дискуссии ставить рано: К вопросу о планировании в Генеральном штабе РККА возможной войны с Германией в 1940–1941 годах / П.Н. Бобылев // Отечественная история. – 2000. – № 1. – С. 41–64.

19. Михальцов, В. Реквием по мехкорпусам 1941-го / В. Михальцов // Во славу Родины. – 1998. – 21 июля. – С. 3.

20. На земле Беларуси: канун и начало войны. Боевые действия советских войск в начальном периоде Великой Отечественной войны. – М. : Кучково поле, 2006. – 576 с.

21. Накануне (Белоруссия: апрель–июнь 1941 года : документально-архивные свидетельства) // Белорусская нива. – 1994. – 5–17, 21, 22 июня.

22. Накануне: Западный особый военный округ (конец 1939–1941 гг.): документы и материалы / сост.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2007. – 622 с.

23. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / М.П. Касцюк [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 1994–1995. – Ч. 2. – 1995. – 560 с.

24. Никифоров, Ю.А. Некоторые вопросы современной российской историографии Великой Отечественной войны / Ю.А. Никифоров // Великая Победа: героизм и подвиг народов : материалы междунар. науч. конф., Минск, 28–29 апр. 2005 г.: в 2 т. / Ин-т истории НАН Беларуси ; отв. ред. А.М. Литвин. – Минск, 2006. – Т. 1. – С. 40–50.

25. Платонов, Р.П. Беларусь, 1941-й: Известное и неизвестное : по документам Нац. архива Респ. Беларусь / Р.П. Платонов. Минск : БелНИИДАД, 2000. – 209 с.

26. Семидетко, В.А. Истоки поражения в Белоруссии (Западный особый военный округ к 22 июня 1941 г.) / В.А. Семидетко // Военно-исторический журнал. – 1989. – № 4. – С. 20, 25, 26, 30; Мельтюхов, М.И. 22 июня 1941 г.: Цифры свидетельствуют / М.И. Мельтюхов // История СССР. – 1991. – № 3. – С. 20–21; Иринархов, Р.С. Западный Особый... / Р.С. Иринархов. – Минск : Харвест, 2002. – 704 с.

27. Соображения по плану стратегического разведывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками // Новая и новейшая история. – 1993. – № 3. – С. 40–45; Военно-исторический журнал. – 1992. – № 2. – С. 17–19.

28. Суворов, В. Ледокол: Кто начал вторую мировую войну?; День, когда началась вторая мировая война / В. Суворов. – М. : АСТ, 1994. – 576 с.

29. Тимохович, И.В. Битва за Белоруссию. 1941–1944 / И.В. Тимохович. – Минск : Беларусь, 1994. – 255 с.

30. Хорьков, А.Г. Грозной июнь: Трагедия и подвиг войск приграничных военных округов в начальном периоде Великой Отечественной войны / А.Г. Хорьков – М. : Воениздат, 1991. – 240 с.

Zdanovich V.V. The First Period of the Great Patriotic War in the Works of Belarusian Researchers (1990-2008)

The article throws light on the process of history study of the first period of the Great Patriotic War in contemporary home historiography.

The author shows that the real events of the summer of 1941 had been passed over in silence for many years until the beginning of the 1990s when an unusual activity of historians who offered different versions started.

The analysis of the published works allows refuting some theses of the Soviet historiography concerning the reasons why the USSR was not prepared for the war and for the defeats of the Soviet Army at the beginning of it.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.04.09

УДК 93:338.24(71)(9)

Л.Н. Семенова

РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В КАНАДЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Значительный государственный сектор всегда был отличительной чертой экономики Канады. На рубеже XIX–XX вв. канадское государство налоговой, кредитно-денежной политикой и прямым государственным субсидированием организовывало строительство железных дорог и судоходных каналов. В условиях удаленности Канады от Европы, огромной территории самой Канады – «страны-континента», – сложных природно-климатических особенностей «северного географического образования», малочисленности населения, располагающегося преимущественно узкой полосой вдоль южной границы, развитие транспортной инфраструктуры становилось не только экономическим, но и важнейшим политическим делом, объединяя страну в единое целое. В статье приводятся концепции канадских историков, объясняющие роль государственного активизма в истории Канады. Авторская аргументация построена в рамках социоестественной истории (СЕИ).

США и Канада, являясь соседями, расположенными на одном континенте, относясь к типу стран переселенческого капитализма, имея сходство исторических судеб, взаимозависимость да и просто переплетенность множества структур и процессов, в том, что касается степени этатизма в экономике, существенно отличаются друг от друга. США на протяжении всей своей истории вплоть до сегодняшнего дня были страной с минимальным государственным сектором, с явным доминированием частнособственного предпринимательства. Канаду же всегда отличало наличие большой доли государственной собственности и государственного активизма в целом. По словам известного канадского экономиста Г. Инниса, государственный сектор всегда был важной частью канадского экономического пейзажа [1, с. 78]. В настоящее время в собственности канадского государства находятся 90% земельных площадей, 70% лесных массивов. Федеральные и местные государственные предприятия действуют во многих, в том числе ключевых, отраслях экономики [2].

Эта интересная, своеобразная черта в развитии Канады, так же, как и других доминионов Британской империи, сегодня членов Британского содружества наций, прежде всего Австралии и Новой Зеландии, на рубеже XIX–XX вв. рассматривалась как неотъемлемая часть их экспериментальной социально-экономической политики. Интерпретация этого феномена проходила красной нитью через всю историографию канадской истории и является дискуссионной темой современной историографии, интерес к которой не ослабевает.

Канадские историки – исследователи Канады – всегда подчеркивали значительную роль государства в ее развитии. Р. Кук писал, что «для канадцев роль пограничных земель рассматривалась как образ действий центральной власти, в результате которого достигалось включение новых территорий в существующую систему» [3, с. 7]. Эту же тему развивал М. Кросс: «Из-за громадных географических размеров и трудностей американский образец самостоятельного аграрного поселения на первых порах редко когда был возможен. Сначала надо было освоить пространство, обеспечить транспорт, связь и рынок. Таким образом, схема освоения большей части страны была довольно однотипной: сначала появлялись пионеры, занимавшиеся предпринимательской деятельностью и часто менявшие место своего пребывания; затем государство занималось организацией территории, помогало развитию транспорта; в конце приходил постоянный, как правило, сельскохозяйственный поселенец. Подобная схема действовала в эпоху меховой торговли, в период лесоразработок, а затем во время развития железных

дорог, горнодобывающей и нефтяной промышленности» [3, с. 6–7]. А. Лауэр считал, что «доминион Канада представлял собой плановое общество. В нем никогда не было негативного государства типа *laissez - faire*, основанного на индивидуалистических доктринах, его государство с самого начала было позитивным, полусоциалистическим» [4, с. 379]. Роль государства в Канаде можно подтвердить и таким фактом: если любимым народным героем американцев был ковбой, то своеобразным канадским символом стал королевский конный полицейский – представитель государства, гарант законности и порядка.

Какова же причина подобного явления? Объясняется этот факт исключительно переселенческим характером Канады, при котором местное население в расчет не принималось и прибывавшим переселенцам приходилось все создавать с нуля, поэтому коллективизм естественно становился для них средством выживания, не являясь достаточным. Его нарушает история США. Учитывается ярко выраженный прагматизм правящих элит, могущих экспериментировать при отсутствии разветвленной бюрократии, влияния аристократии, острой партийно-политической борьбы и т. д. Подчеркивается особая аполитичность эмигрантов. Если первыми эмигрантами в Америку, осевшими на территории современных США, были люди, преследовавшиеся за религиозные взгляды, для которых главной ценностью была политическая свобода, то главными мотивами эмиграции в Канаду на рубеже XIX–XX вв. были экономические. Экономический прагматизм рядовых поселенцев поддерживал прагматизм руководства на государственном уровне. Однако, на наш взгляд, самые интересные и аргументированные интерпретации рождаются под воздействием социоестественной (СЕИ), или экологической, истории, размышляющей над влиянием на развитие общества природных, климатических, географических факторов. С этой точки зрения положение Канады сразу оказывается гораздо менее благоприятным, чем США, и настолько сложным, что одной частной инициативой экономика поддерживаться не может.

В таких условиях главной заботой государства становится создание дорог: железных, судоходных каналов и т. д. – ключевого звена государственного сектора Канады.

Целью данной статьи является анализ развития транспортной инфраструктуры Канады в конце XIX – начале XX вв., создававшейся под непосредственным покровительством государства и с привлечением прямых государственных инвестиций.

Канада, несмотря на Атлантический океан, отделяющий ее от Великобритании, все же не так была удалена от нее, как другие колонии. Расстояние от Англии до восточных берегов Канады около 5 тыс. км; расстояние от Ливерпуля до Монреаля – 5 100 км. Открывая Северную Америку, англичане впервые достигли именно канадских берегов. В 1497 г. соотечественник Х. Колумба генуэзец Джованни Кабото, находившийся на британской службе под именем Джон Кабот, открыл остров Ньюфаундленд. Путь туда и обратно занял у Кабота 11 недель. Это был рекорд, остававшийся непревзойденным почти столетие [5, с. 10]. На рубеже XIX–XX вв. рейсовые пароходы прибывали из Ливерпуля в Канаду за 9 или 10 дней, путь в США продолжался чуть дольше и был дороже [6, с. 75].

Проблемой Канады были ее огромные размеры, природно-климатические условия и малочисленность населения. По площади территории, от Атлантики до Тихого океана, провозгласив свои права на Север, что по современным подсчетам составляет 9 970,6 тыс. кв. км, Канада всегда была второй в мире, сначала после Российской империи, потом после СССР, теперь после Российской Федерации.

Природно-климатические зоны представлены в Канаде широким спектром: от почти субтропиков с персиковыми садами, виноградниками с пумами и тропическими колибри в низовьях реки Фрейзер, через черноземные прерии, прорезанные рекой Саскачеван, через богатые хвойные и смешанные леса со знаменитыми канадскими кле-

нами и славой пушного промысла – бобрами, оставляющие на юге «самую историческую реку Америки», колыбель франкоканадцев – реку Святого Лаврентия, до лесотундры, тундры и арктической пустыни, обозначенных рекой Маккензи, с овцебыками и белыми медведями. Однако все природные зоны в Канаде по сравнению с Европой заметно «сдвинуты» к югу. Вместо теплого Гольфстрима берега Восточной Канады омывает холодное Лабрадорское течение. По некоторым гипотезам в далеком прошлом Северный полюс находился на канадской территории, где до сих пор «остаётся» Северный магнитный полюс Земли. В Канаде в более южных широтах, чем в России, можно наблюдать полярное сияние, иногда даже в Монреале. Чуть севернее Минска, на широте Москвы, в Канаде уже тундра. Климат Канады определяется как большей частью умеренный и субарктический.

Многие современные канадские ученые, стараясь обосновать не только историческое, но и географическое единство Канады и ее отличие от южного соседа – США, используют понятие, введенное канадским географом Л.-Э. Амленом – «северность», французское «нордиситэ», английское «нордисити». Канада считается «северным географическим образованием». Ее жителям – канадцам – присущи «подлинно северное мироощущение», «истинно северная меланхолия» [7, с. 24–25].

Северность Канады подчеркивалась уже давно и считалась главной причиной ее неосвоенности, отдаленности от метрополии и Европы. Великий Вольтер пренебрежительно называл Канаду «несколько арпанов снега», «жалкая страна, покрытая льдом 8 месяцев в году». В годы Семилетней войны (1756–1763) в Англии преобладало мнение в пользу обмена Канады на остров Гваделупа. На этом островке в Карибском море снега не было, зато рос сахарный тростник, шедший на изготовление рома. Продолжая иронию Вольтера, в конце XIX в. канадский писатель, своеобразный идеолог континентального англосаксонизма, примыкавший к общественно-политическому движению «Канада прежде всего», Голдвин Смит писал о столице доминиона Оттаве: «субарктическая деревня лесорубов, превращенная королевским указом в политическую арену для петушинных боев» [7, с. 249, 275]. Редьярд Киплинг торжественно и пафосно называл Канаду «Богоматерью снегов». Артур Конан Дойль устами одного из героев романа «Беженцы» сказал о Канаде: «Это не зеленый, безмятежный и жизнерадостный край, а огромная, сильная и суровая земля, как и Тот, Кто ее создал» (цит. по [8, с. 113–114]). Северность – это всегда суровость.

Другой важной характеристикой страны стало разнообразие природных зон на огромных просторах, породившее известное «канадское географическое противоречие». Смысл этого противоречия заключается в том, что Канада как политическая и экономическая система была создана искусственно, вопреки географии и многочисленным «центробежным силам». Одной из природных центробежных сил является вытянутость большинства природных регионов Северной Америки в меридиональном направлении (Атлантическое и Тихоокеанское побережья, Скалистые горы, Аппалачи, Великие равнины, бассейн Миссисипи) [7, с. 24]. Центробежные силы усиливались на фоне ленточного принципа расселения, при котором основная масса канадцев была сосредоточена на южных окраинах вдоль 49-й параллели – южной границы страны. При этом географический центр – «срединные, ядровые территории» – был практически «мертвым пространством». Это приводило к тому, что канадские провинции были лучше связаны с американскими штатами, чем друг с другом. После провозглашения доминиона Канада в 1867 г. газета приморского региона «Акадиан обсервер» писала: «Мы не знаем друг друга. У нас нет торговли друг с другом. Мы не располагаем ни возможностями, ни ресурсами или инициативами для слияния друг с другом. Мы отделены друг от друга дебрями в смысле географическом и коммерческом, социальном и политическом. Мы обычно едем через США, чтобы пожать друг другу руки» [9, с. 101].

В конце XIX в. известный французский географ Элизе Реклю предположил, что Канада не представляет собой отдельной географической единицы и ее границы «фантастичны» [7, с. 24]. Авторы одной из первых профессиональных исторических обобщающих работ «Канада и ее провинции» в 22 томах, изданной в начале XX в., писали, что Канада, «скорее континент, чем страна», причем континент «огромных размеров, расположенный на севере с суровым климатом» [10, с. 277–278].

В таких условиях развитие транспортной инфраструктуры становилось не только экономическим, но и политическим делом. В индустриальную эпоху именно железные дороги и судоходные каналы, а также почтовые, телеграфные и телефонные сети могли связать страну в единый организм, преодолев ее географию в пользу истории. Канадцы любят говорить, что у их страны «слишком мало истории и слишком много географии».

Первый железнодорожный бум тогда еще Британская Северная Америка пережила в 50-е гг. XIX в. во время экономического оживления, которое назвали «золотой декадой». С 1850 по 1860 г. протяженность железных дорог возросла с 40 до 2 065 миль [11, с. 7]. Но это была лишь капля в море для такой огромной страны. «Отцы конфедерации», проектируя федеративные принципы объединения британских колоний в доминион, не скрывали, что лучшим средством от сепаратизма приморских провинций будут не конституционные нормы, а «Интерколониал рейлуэй» – межколониальная железная дорога, которая свяжет приморские порты с городами Квебека. По этой причине дорогу считали стратегической и политической. Первого премьер-министра доминиона, лидера консервативной партии Дж.А. Макдональда называли «человеком железнодорожных компаний». Делом своей чести он провозгласил строительство трансконтинентальной железной дороги от приморских провинций до Британской Колумбии, от Атлантического до Тихого океана исключительно по канадской территории. Эта точка зрения в конечном счете стала официальной правительственной позицией. В Канаде обсуждались и другие мнения, например, проекты соединения крупных городов Западной Канады Ванкувера и Виннипега с дорогами США, которые через дорогу «Гранд транк» были связаны с Восточной Канадой.

Среди первых законов канадского парламента был Закон о строительстве железных дорог, принятый в 1871 г. [5, с. 101]. В Земельном законе (законе о гомстедах) 1872 г., утвердившем систему межевания земель по американскому образцу, было предусмотрено выделение специальных секций в собственность железнодорожных компаний [12, с. 57]. Первое правительство Дж.А. Макдональда (1867–1873) активно обсуждало вопрос о том, за чей счет будут строиться железные дороги. Делать это полностью на государственные средства премьер-министр не решился. Но были установлены формы государственной поддержки железнодорожным компаниям в виде безвозмездной передачи земли в соответствии с Земельным законом и самых разнообразных субсидий. Тем не менее в 1872 г. за государственный счет началось строительство межколониальной железной дороги из приморских провинций до Монреаля, движение по которой было открыто в 1876 г. Государственными стали все железные дороги острова Принца Эдуарда [1, с. 89, 218]. С помощью государства в единую систему были соединены железные дороги, построенные ранее в 50–60-е годы. В 1873 г. правительство разослало приглашения на строительство трансконтинентальной железной дороги нескольким частным компаниям, в том числе английским и американским. Во время сложных «игр» государства с промышленно-финансовыми группами, в которые объединялись компании и банки для столь масштабного дела, достоянием общественности стали факты подкупа Макдональда финансистами из Монреаля в период избирательной кампании 1872 г. Кабинету Макдональда пришлось уйти в отставку [13, с. 220].

Следующее либеральное правительство А. Макензи (1873–1878) решило осуществлять строительство без привлечения зарубежных средств и исключительно силами

канадских компаний. Но дело шло медленно. Причиной тому был и экономический кризис 1873 г., и последовавшая за ним депрессия. Как только начался экономический подъем, второе правительство Дж.А. Макдональда (1878–1891), провозгласив «национальную политику», взялось за строительство трансконтинентальной дороги с удвоенной энергией. Дорога была названа Канадской тихоокеанской железной дорогой (КТЖД). В контракте, подписанном с группой канадских бизнесменов и банкиров, связанных с британским капиталом, государство гарантировало им следующие льготные условия: субсидию в размере 25 млн. долл., выделение 25 млн. акров земли, полосу отчуждения земли на участке от Виннипега до Скалистых гор, которая не подлежала налогообложению в течение 20 лет, провоз всех необходимых материалов без таможенного обложения. Более того, государство взяло на себя обязательство в течение 20 лет не предоставлять никакой другой компании права на строительство железной дороги южнее. Дорога прокладывалась с двух концов с 1881 по 1885 гг. В то время это была самая дорогостоящая и сама длинная (2 500 миль) в мире железная дорога, проходившая через практически пустынные и необитаемые места. Канадский публицист П. Бертон назвал ее «Невозможной железной дорогой» [14, с. 30]. Построенная на 5 лет раньше запланированного срока она стала гордостью всей Канады и знаменовала собой «золотой век» железнодорожного строительства, совпавший со временем второго правительства Дж.А. Макдональда. Вообще, к концу XIX в. федеральное правительство вложило в железные дороги более 120 млн. долл. [12, с. 71].

В 1885 г., включая только что построенную КТЖД, в Канаде действовало 10 697 миль железных дорог, в 1897 г. – 15 627, в 1914 г. – 30 794. В 1885 г. в стране насчитывалось 1 567 локомотивов, в 1914 г. – 5 447 [15, с. 245]. К 1914 г. были построены и функционировали Канадская тихоокеанская железная дорога (КТЖД) (16 000 миль), Канадская северная железная дорога (КСЖД) (3 700 миль), межколониальная дорога от Галифакса до Монреаля (1 720 миль), к которой был достроен участок Квебек – Виннипег, Великая дорога («Гранд транк») (3 600 миль), Великая тихоокеанская дорога от Виннипега до Принс-Руперта («Гранд транк пасифик») (3 600 миль), составившие в целом около 29 000 миль [10, с. 288].

Железнодорожные компании были одними из богатейших и влиятельнейших в доминионе. Покровительство государства только усиливало их мощь. В 1914 г. в Чикаго вышла книга «История канадского богатства». Ее автор Густав Майерс принадлежал к известному американскому общественно-политическому движению «разгребателей грязи». Большую известность он получил благодаря своей многотомной книге «История крупных американских богатств», вышедшей в 1909–1910 гг. Используя обширный документальный материал, автор раскрыл неприглядные махинации многих столпов американской индустрии – мультимиллионеров Асторов, Гульдов, Вандербилтов и др. Канадская экономика, раз в 10 уступающая по своим масштабам американской, не давала почвы для появления столь крупных компаний и, что самое важное, столь крупных махинаций. По мнению Майерса, главным стержнем, вокруг которого все это происходило, и соответственно основным воплощением канадского богатства с середины XIX в. были железные дороги. Именно им посвящена вторая половина его книги, тогда как первая – земельным собственникам, пушной торговле и компании Гудзонова залива. Вот характерные заголовки из книги, красноречиво отражающие авторскую идею: «Начало железнодорожной власти», «Первый период железнодорожных покровителей», «Конкуренция вокруг КТЖД», «Эра железнодорожных магнатов» (приходится на время действия «национальной политики»), «Расширение железнодорожных владений», «Присвоение угольных копей, лесных массивов и других земель» (железнодорожные компании часто занимались бизнесом в этих отраслях), «Распределение железнодорожных субсидий» [13].

Канадские железные дороги действительно стали и материальной основой политического объединения страны, и основой транспортной инфраструктуры, и главным организатором социально-экономической жизни на западе доминиона. Они являются хорошей иллюстрацией к известной на рубеже XIX–XX вв. теории империализма, признающей за монополиями ведущую организационную роль в развитии производства, впоследствии эволюционировавшей в теорию «организованного капитализма». В этом качестве самых лестных оценок удостоилась КТЖД. Ее называли и «организатором беспримерного прогресса нового мира», и «твердыней западного мира» и удивлялись ее всестороннему «совершенству» [16; 17; 18].

Канадское государство покровительствовало также развитию других видов транспорта, в частности судоходства. К концу XIX в. государство вложило в реконструкцию и строительство каналов 46 млн. долл. Таким образом была создана единая водная система, соединившая озера Гурон и Верхнее, благодаря чему западные пшеничные провинции получили выход к Атлантике. На государственные средства было осуществлено углубление каналов. В 1887 г. на 14 футов был углублен «Уэлланд – канал», в 1895 г. на 19 футов – канал «Солт сте Мари», в 1901 г. на 14 футов углубили сеть каналов по реке Святого Лаврентия [1, с. 73]. К 1913 г. по водной системе перевозилось более половины всей канадской сельскохозяйственной продукции. Железнодорожная сеть также была связана с портовыми городами, имевшими выходы в Атлантику. Вся транспортная инфраструктура Канады обеспечивала ее сельскохозяйственный и сырьевой экспорт в Британию. В создании транспортной инфраструктуры принимали самое деятельное участие муниципалитеты. Благодаря их субсидированию строились дороги, каналы, мосты местного значения [12, с. 71–72].

Знатоки североамериканской истории уже давно обратили внимание на совершенно непохожие карты железнодорожных линий в США и Канаде. Если в США рисунок железных дорог сложный, запутанный, многие дороги причудливыми петлями и кольцами обвивают крупные города, природные объекты, то карта Канады строго и просто прочерчена несколькими параллельными друг другу и 49-й параллели линиями с несколькими ответвлениями. Объяснением этому не всегда являются особенности рельефа. Причина кроется в содержании политики государственного регулирования. Степень государственного участия в строительстве железных дорог в США была небольшой и часто ограничивалась налоговыми послаблениями и дотациями в зависимости от длины дороги, поэтому предпринимателям было выгодно различными способами увеличивать километраж своей дороги, порой даже вопреки целесообразности. Гораздо большая степень участия канадского государства в столь важном деле, каковым является строительство железных дорог, определила и их простые, четкие, экономные контуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Innis, H.A. *Essays in Canadian Economic History* / H.A. Innis ; ed. by M.Q. Innis. – Toronto, 1969.
2. Canada // Режим доступа : <http://www.cia.gov/cia/publications/factbok/>.
3. Кук, Р. Граница и метрополия: опыт Канады / Р. Кук // XIII Междунар. конгресс исторических наук. – М. : Наука, 1970.
4. Lower, A.R.M. *Colony to Nation. A History of Canada* / A.R.M. Lower. – Toronto : Longmans Canada Limited, 1964.
5. Тишков, В.А. История Канады / В.А. Тишков, Л.В. Кошелев. – М. : Мысль, 1982.
6. Мижурев, П.Г. Крестьянское царство. Очерк истории и современного состояния Канады / П.Г. Мижурев. – СПб., 1906.
7. Макленнан, Х. Семь рек Канады / Х. Макленнан. – М. : Прогресс, 1990.

8. Мангель, А. Облик Канады. Канада как символ «Богоматери Снегов» все еще остается загадкой для большинства европейцев / А. Мангель // Размышления о Канаде. Историко-культурный альманах. – М., 1999.
9. Cook, R. Canada. A Modern Study / R. Cook, J. Richer, J. Saywell. – Toronto – Vancouver, 1964.
10. Canada and its Provinces. A History of the Canadian People and their Institutions by one Hundred Associates / ed. by A Short, A.G. Dogerty : In 22 vol. – Toronto, 1913 – 1917. – Vol. 9.
11. Mackintosh, M. An Outline of Trade Union History in Great Britain, the United States and Canada / M. Mackintosh. – Ottawa, 1938.
12. Сороко-Цюпа, О.С. История Канады / О.С. Сороко-Цюпа. – М. : Высшая школа, 1985.
13. Myers, G. History of Canadian Wealth / G. Myers. – Chicago, 1914. – Vol. 1.
14. Лещенко, Л.А. Фермерское движение в Канаде (1900–1939) / Л.А. Лещенко. – Киев : Наука, 1979.
15. Innis, M.Q. An Economic History of Canada / M.Q. Innis. – Toronto, 1954.
16. Панкратов, А.И. Эксплуатация земельных фондов Западной Канады «Обществом Канадской тихоокеанской железной дороги» в конце XIX – начале XX вв. / А.И. Панкратов // Из истории нового и новейшего времени. – М. : Наука, 1973.
17. Панкратов, А.И. Железнодорожное строительство и освоение Запада Канады в конце XIX – начале XX вв. / А.И. Панкратов, К.Н. Татарина // Рабочее, фермерское и национально-освободительное движение в Западной Европе и Канаде (60-е гг. XIX в. – нач. XX в.). – Красноярск, 1987.
18. Панкратов, А.И. Колонизация Западной Канады в конце XIX – начале XX вв. Социально-экономические результаты и положение фермеров / А.И. Панкратов // Рабочее, фермерское и национально-освободительное движение в Западной Европе и Канаде (60-е гг. XIX – нач. XX в.). – Красноярск, 1987.

Semyenova L.N. The Development of Transport Infrastructure in the Canada at the of the XIX–XX c.

During all history of Canada state propriety and state activity in economy on the whole plays very important role. This phenomenon can be explained with the help of environmental history. The author of this article studies the development of transport infrastructure in Canada at the turn of the XIX – at the beginning of XX century which became the basis of state sector.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 07.02.08

УДК 947.6

В.П. Гарматны**ПАЛІТЫКА НАСАДЖЭННЯ АСАДНІЦТВА І ЯЕ
АСАБЛІВАСЦІ Ё ПАЛЕСКІМ ВАЯВОДСТВЕ Ё 1921–1939 ГГ.**

У артыкуле разглядаецца палітыка насаджэння польскімі ўладамі асаднікаў на землях Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг. Асаднікі – гэта былыя ўдзельнікі польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. Яны атрымлівалі ў Палескім ваяводстве свабодныя сельскагаспадарчыя землі і ігралі ролю палітычнай апоры польскага ўрада. Польскія ўлады перадалі асаднікам бясплатна шмат жывёлы, сельскагаспадарчага інвентару, а таксама прадастаўлялі ім ільготныя крэдыты. На тэрыторыі Палескага ваяводства ў разглядаемы перыяд вайсковыя асаднікі выступалі перш за ўсё ў якасці польскіх каланізатараў, але трэба адзначыць, што разам з безумоўным негатывам яны зрабілі ў 1921–1939 гг. шмат карыснага ў справе павышэння агульнаадукацыйнага і культурнага ўзроўню мясцовых сялян дзякуючы сваёй актыўнай грамадска-палітычнай дзейнасці. Адносіны паміж вайсковымі асаднікамі і мясцовымі сялянамі былі досыць складанымі і супярэчлівымі, але ў цэлым здавальняючымі.

Мэта артыкула – паказ заканадаўчага афармлення палітыкі насаджэння вайсковага асадніцтва, мерапрыемстваў польскіх улад па насаджэнні і падтрымцы асаднікаў на тэрыторыі Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг., узаемаадносін вайсковых асаднікаў з мясцовымі сялянамі, а таксама месца вайсковых асаднікаў у гісторыі Палескага ваяводства разглядаемага перыяду.

Уводзіны

Пасля першай сусветнай і савецка-польскай (1919–1921 гг.) войнаў сельская гаспадарка Палескага ваяводства аказалася ў поўным запусценні: скараціліся пасяўныя плошчы, зменшылася колькасць сельскагаспадарчай жывёлы і машын. З мэтай вывядзення эканомікі краю з крызісу польскімі ўладамі ў 1921–1939 гг. праводзілася аграрная рэформа, асноўным мерапрыемствам якой было насаджэнне асадніцтва.

Насаджэнне вайсковага асадніцтва ў Палескім ваяводстве ў 1921–1939 гг. даволі сціпла асветлена ў працах Л. Гака [1], Ф.Я. Кона [10], Б.Я. Кухарава [11], І.В. Палуяна [12], А.А. Сарокіна [13]. Асабліва трэба адзначыць вядомага польскага даследчыка Я. Стабняк-Смагажэўскую, якая ўпершыню разгледзела насаджэнне асадніцтва ў асобнай рабоце [16]. У сучаснай беларускай гістарыяграфіі гэтае пытанне знайшло адлюстраванне ў працах С.М. Грэся [2], У.В. Здановіча [7], П.І. Зялінскага [8], Т.А. Калесніковіч [9], але ў цэлым вайсковому асадніцтву ў айчыннай і замежнай гістарыяграфіі адведзена неапраўдана мала ўвагі.

Заканадаўчае афармленне палітыкі насаджэння вайсковага асадніцтва

10 ліпеня 1919 г. у перыяд пад'ёму ў Польшчы рэвалюцыйнага руху Сейм другой Рэчы Паспалітай па прапанове ўрада Падарэўскага пасля працяглых дыскусій прыняў так званыя “Прынцыпы зямельнай рэформы і адзяржаўлення лясоў” – першы закон аб аграрнай рэформе, па якім ствараўся дзяржаўны зямельны фонд з свабодных зямель, якія ў выніку войнаў засталіся без гаспадароў, і праводзіліся выкуп і парцэляцыя часткі памешчыцкіх зямель звыш устаноўленага максімальнага памеру зямлі – для Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны гэты максімум вызначаўся ў 400 га, у той час як для этнічнай Польшчы – 180 га. У кіруючых колах палітычных партый і ўрадавых сферах ішло абмеркаванне розных праектаў будучай рэформы. У Сейме была

Навуковы кіраўнік – П.І. Зялінскі, доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры новай і навейшай гісторыі Беларусі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

створана камісія аграрных рэформ. “Сейм спрабаваў заяваць сялянства аграрнаю рэформай”, – пісаў вядомы польскі дзяржаўны і палітычны дзеяч В. Студніцкі [13, с. 59].

15 ліпеня 1920 г., калі Чырвоная Армія стаяла пад сценамі Варшавы, Сейм у хуткім парадку аднагалосна прыняў новы закон аб зямельнай рэформе – “Выканаўчыя правілы да закона аб зямельнай рэформе ад 10 ліпеня 1919 г.”, якія прадугледжвалі надзяленне зямлёю малазямельных і беззямельных сялян у выніку выкуп яе за палову рыначнага кошту [8, с. 25]. 80% утвараемага зямельнага фонду прызначалася менавіта для іх. Першыństwo ў набыцці зямлі адводзілася інвалідам вайны, сельскагаспадарчым рабочым і малазямельным сялянам.

У першай польскай канстытуцыі Другой Рэчы Паспалітай, прынятай Сеймам 17 сакавіка 1921 г., нічога не гаварылася аб аграрнай рэформе, падкрэслівалася толькі неабходнасць змянення аграрнага ладу краіны. Разам з тым зацвярджалася недатыкальнасць любой прыватнай уласнасці, што ставіла пад сумненне адпаведнасць прынятага закона аб аграрнай рэформе Канстытуцыі, таму на практыцы быў ажыццёўлены зусім іншы праект рэформы – больш кансерватыўны, але магчымы для рэалізацыі [12, с. 34]. Грашовая ўзнагарода за адчужэнне ў дзяржаўны фонд зямлі ўстанаўлівалася ў палову цаны, а прадавалася сялянам па рыначнай. З маёнткаў, за якія выплачвалася звыш 500 тысяч марак, утрымлівалася ад 5 да 30% у фонд надзелу зямлёю бедных, заслужаных ваенных, інвалідаў і салдат. Аплату за зямлю ўласнікі атрымлівалі не наяўнымі грашыма, а 4-працэнтамі часовымі распіскамі, якія ў будучым павінны былі быць заменены 4-працэнтай дзяржаўнай рэнтай. Тым, каму выдзяляліся парцэлы, дзяржава павінна была выдаць доўгатэрміновую пазыку праз сельгасбанк, а інваліды і салдаты польскай арміі атрымлівалі яе бясплатна [8, с. 26].

17 снежня 1920 г. польскі Сейм па прапанове ўрада Вінцэнта Вітаса прыняў закон аб асадніцтве. Гэты закон падзяляўся на дзве часткі, якія дапаўнялі адна другую. Першая з іх устанаўлівала парадак надзялення зямлёю добраахвотнікаў і заслужаных салдат польскай арміі, па другой пачынаў існаваць асобны зямельны фонд з плошчаў на ўсходніх землях Рэчы Паспалітай. Гэтыя землі прызначаліся для рассялення асаднікаў. У распараджэнні старшыні Галоўнай зямельнай управы ад 23 сакавіка 1921 г. тлумачыцца, каго закон разумеў пад салдатамі польскай арміі. Гэта радавыя, прадстаўнікі малодшага каманднага складу, афіцэры і прыраўнаныя да іх служачыя польскай арміі і падраздзяленняў добраахвотнікаў (апалчэнцаў), якія неслі ваенную службу не менш за чаты месяцы, у тым ліку і генералы. Усе яны мелі права на бясплатнае надзяленне зямлёю на “Крэсах Усходніх”. Згодна з законам, не маглі атрымаць зямлі тыя салдаты, якія былі пакараныя за злачынствы супраць узброеных сіл польскай дзяржавы ці самавольна бралі ў карыстанне чужыя землі [13, с. 69]. У першую чаргу гэта адносілася мабілізаваных у армію Усходняй Варшавы да салдат беларусаў, украінцаў і палякаў, якія да гэтага прымалі ўдзел у гвалтоўным перапамеркаванні памешчыцкіх зямель [2, с. 253–254].

У канцы 1924 г. урад У. Грабскага выступіў з новым законапраектам па аграрным пытанні. 26 ліпеня 1925 г. Сейм пры падтрымцы праўрадавых партый ППС і “Вызваленне” адхіліў законапраект левых партый і прыняў шырокавядомы “Закон аб правядзенні зямельнай рэформы”, які ўвайшоў у гісторыю пад назвай “Закон аб парцэляцыі і асадніцтве” [15, с. 215]. 28 снежня 1925 г. Сеймам быў прыняты канчатковы варыянт аграрнай рэформы, які фактычна адмяніў зямельную рэформу 1920 г.: гэты варыянт дапускаў магчымасць адчужэння прыватных зямель праз выкуп па кошце, вызначаным урадам, акрамя таго, прадугледжваў пашырэнне прывілеяў памешчыкаў, а таксама свабодны продаж зямлі па рыначным кошце.

На падставе распараджэння Савета Міністраў Польшчы ад 23 сакавіка 1921 г. (Збор законаў Рэчы Паспалітай, 1921 № 30–178) на тэрыторыі Палескага ваяводства была створана Палеская акруговая дэлегатура з цэнтрам у горадзе Брэсце-над-Бугам дзеля правядзення аграрнай рэформы і нагляду за стварэннем фонду свабодных зямель, выдачы асаднікам заканадаўчых актаў на атрыманне зямлі. Палеская акруговая дэлегатура падпарадкоўвалася Галоўнай зямельнай управе. Дзейнасць камісіі распаўсюджвалася на Брэст-Бугскі, Драгічынскі, Камень-Кашырскі, Кобрынскі, Косаўскі, Лунінецкі, Пінскі, Пружанскі, Сарненскі паветы Палескага ваяводства.

Згодна распараджэнню Савета Міністраў Польшчы ад 20 сакавіка 1922 г. (Збор законаў Рэчы Паспалітай 1922 № 41–345), Палеская акруговая дэлегатура была перайменавана ў Палескае акруговае зямельнае ўпарадкаванне Галоўнай зямельнай управы з цэнтрам у г. Брэсце.

У 1932 г. згодна закону ад 17 лютага 1932 г. (Збор законаў Рэчы Паспалітай, 1932 № 19–129) на чале камісарыята прызначаўся ваявода. У 1933 г. згодна распараджэнню прэзідэнта Рэчы Паспалітай ад 27 кастрычніка 1933 г. Палеская акруговая зямельная ўправа ліквідавалася, а яе функцыі перайшлі да сельскагаспадарчага аддзела ваяводскай управы [9, с. 94].

Палітыка польскіх улад па насаджэнні і падтрымцы вайсковых асаднікаў на тэрыторыі палескага ваяводства ў 1921–1939 гг.

Асноўная мэта, якую праследаваў урад Другой Рэчы Паспалітай, была ў тым, каб насадзіць на пустуючых землях Заходняй Беларусі вайсковых асаднікаў-каланістаў з ліку “легіянераў” – былых удзельнікаў савецка-польскай вайны 1919–1921 гг.

Урад меркаваў з дапамогай асаднікаў дасягнуць яшчэ некалькіх мэт:

1. Аблегчыць мабілізацыю ў польскую армію (ваеннаслужачыя мелі магчымасць атрымаць надзел зямлі).

2. З дапамогай перасялення на ўсход жыхароў карэннай Польшчы зменшыць зямельны голод у цэнтральных ваяводствах краіны.

3. Падтрымаць і ўмацаваць пазіцыі буйных землеўладальнікаў.

4. Стварыць надзейную прадуктовую базу на выпадак вайны.

5. Канцэнтраванне ўздоўж савецкай мяжы асаднікаў давала магчымасць выкарыстаць іх супраць савецкай улады ў выпадку ваеннай неабходнасці.

6. У абавязак асаднікаў уваходзілі таксама збор звестак агентурнага характару, дапамога ў барацьбе з партызанамі і садзейнічанне пры аб'яўленні прызыву ва ўзброеныя сілы, арганізацыя варты мастоў і чыгунак [2, с. 253; 9, с. 96–97; 13, с. 72–73]. Асаднікі ігралі таксама ролю запаснога ўзброенага атрада, гатовага ў выпадку неабходнасці выконваць некаторыя паліцэйскія функцыі.

Для вызначэння зямель, якія можна было адвесці пад “асады”, ствараліся сумесныя камісіі з прадстаўнікоў міністэрстваў – рольных рэформ, фінансаў, вайсковых спраў. Галоўнымі крытэрыямі былі якасць і колькасць свабоднай зямлі, а таксама яе аддаленасць ад шляхоў зносін. Так, прадстаўнік Міністэрства вайсковых спраў паручнік Лявон Грушніцкі 26–27 кастрычніка 1922 г. ездзіў у маёнтак Толшча Высока-Літоўскай гміны Брэсцкага павета для агляду зямель пад будучыя асады. Дзяржава кампенсавала яму кошт чыгуначнага білета ў 1000 марак, а таксама праезд амнібусам ад станцыі да месца прызначэння – 400 марак [3, арк. 32].

Падбор асаднікаў і размеркаванне іх фактычна ажыццяўляў Генштаб. Падбіралі і размяркоўвалі асаднікаў сістэмна. Уся займаемая пад асады зямля, а таксама бліжэйшыя тэрыторыі разбіваліся на сектары, прычым “улічваўся вайсковы профіль”. Рэгулярна праводзіліся вайсковыя заняткі. Ніжэйшае звяно кіравалася афіцэрам, які жыў у той жа асадзе. Далей ішлі гмінныя, павятовыя і акружныя арганізацыі, паміж

якімі існавала пастаянная сувязь. Дысцыпліна была як у войску. Асаднікі падпарадкоўваліся вышэйшаму вайсковаму камандаванню, разам з тым трымалі непасрэдную сувязь з часцямі войск, расквартараванымі паблізу [1, с. 40].

Палескае ваяводства мела стратэгічна важнае – памежнае – значэнне, таму яно павінна было быць густа заселена перасяленцамі з Польшчы. Першапачаткова планавалася перасяліць на Палессе з цэнтральнай Польшчы каля 100 тысяч каланістаў.

Большасць асаднікаў атрымлівала ў Палескім ваяводстве па нізкім кошце ці наогул бясплатна па 15–45 га зямлі ў залежнасці ад воінскіх заслуг: па прынятым правіле палкоўнік атрымліваў 30 гектараў зямлі, капітан – 20, паручнік – 15, радавы – каля 9–10 га, але былі і такія асаднікі, якія атрымалі толькі па 3–5 га зямлі. Асаднікамі станавіліся таксама і генералы. Адзін з папличнікаў Ю. Пілсудскага генерал Жалігоўскі па нізкім кошце набыў у Драгічынскім павеце звыш 500 га зямлі [12, с. 37; 13, с. 73–74].

Пры надзяленні зямлёю асаднікаў польскія ўлады ўлічвалі ў першую чаргу іх ваенныя заслугі і лаяльнасць да польскага панавання на гэтых землях і толькі ў другую здольнасць займацца сельскай гаспадаркай. Некаторыя асаднікі Палескага ваяводства былі добра вядомы сваёй храбрасцю і мужнасцю, праяўленымі падчас савецка-польскай вайны. Напрыклад, асаднік Ялінскі (асада Сялец Пружанскага павета) узнагароджаны чатырма польскімі ордэнамі “Віртуці Мілітары”.

Дзеля атрымання зямлі асадніку неабходна было знайсці двух паручэнцаў, якія б неслі адказнасць у выпадку яго неплацежаздольнасці [5, арк. 11]. Здараліся і такія выпадкі, што паручэнцамі маглі вытупаць блізкія сваякі асадніка. Так, у маёнтак Баравікі Косаўскай гміны Косаўскага павета перасялілася з Кракаўскага ваяводства сям’я вайсковага асадніка Францішка Стылінскага. Бацька атрымаў 44,79 га зямлі, а яго сыны Мар’ян і Ян 25,03 га і 24,69 га адпаведна. Пры гэтым бацька з сынамі выступілі паручэнцамі адзін аднаго. Гэтыя асаднікі сумесна валодалі шматлікімі прыладамі працы, вялікай колькасцю сельскагаспадарчай жывёлы і птушак, кожны з іх уносіў на свой надзел больш чым па тоне рознага роду ўгнаенняў, што забяспечвала на іх землях добры ўраджай [4, арк. 63].

Памер аплаты за зямлю быў прыраўнаны да 30–100 кг збожжа за 1 га штогод з выплатай дзяржаве на працягу 30 гадоў, пачынаючы з пятага года пасля атрымання зямлі. Дзяржава аказвала дапамогу натурай або грашыма для абзавядзення гаспадаркай. На гаспадарку выдзялялася 80 м³ будматэрыялаў і 2 млн. марак грашыма, інвентаром або збожжам. Асаднік павінен быў пасяліцца на сваім водрубце на працягу года і ў трохгадовы перыяд асвоіць яго [8, с. 27]. Частка асаднікаў здавала свае землі ў арэнду мясцовым сялянам, што давала каланістам магчымасць працягваць несці ваенную службу, працаваць у банку, на пошце, чыгунцы.

Некаторыя асаднікі атрымлівалі нават па два і больш надзелаў. Напрыклад, у Валовельскай гміне Драгічынскага павета надзелы № 19 і № 19а дасталіся Феліксу Следзю, а надзелы № 20 і № 22 – Феліксу Паўлоўскаму, надзелы № 4 і № 4а плошчай больш за 25 га атрымаў асаднік Жыгімонт Шляхетка [7, с. 62]. На кожнага асадніка ў Палескім ваяводстве ў сярэднім прыпадала 23,7 га, у той жа час у Віленскім – 16,5 га, у Навагрудскім – 18,5 га. Большыя надзелы асаднікаў Палескага ваяводства можна растлумачыць нізкай якасцю выдзяляемай зямлі.

Вайсковым каланістам для арганізацыі гаспадарак дзяржава бясплатна выдзяляла коней, буйную рагатую жывёлу, свіней. Толькі ў 1922 г. вайсковыя асаднікі Брэсцкага павета атрымалі 180 коней, 200 кароў, 90 авечак, 140 свіней, 4000 пудоў зерня для пасеву, 5 000 пудоў бульбы [11, с. 31]. Ужо ў пачатку 1923 г. для асаднікаў у Палескім ваяводстве было выдзелена 128 тысяч гектараў зямлі: Брэсцкі павет – 6 тыс. га, Пружанскі – 5,5 тыс., Драгічынскі – 8 тыс., Кобрынскі – 6 тыс., Косаўскі – 10 тыс. га. Да 1 студзеня 1923 г. тут расселены 991 асаднік. З іх 20–25% складалі афіцэры, прык-

ладна столькі ж - інваліды і асабліва праслаўленыя ў савецка-польскай вайне легіянеры [10, с. 17; 13, с. 77]. Але не ўсе асаднікі змаглі арганізаваць тут сваю гаспадарку, таму некаторыя з іх прадалі сваю зямлю і выехалі назад у Польшчу. У 1929 г. у Палескім ваяводстве налічвалася ўжо прыблізна 900 асаднікаў, якія валодалі каля 128 тысячамі гектараў зямлі.

Асаднікам праз Дзяржаўны банк выдаваліся ільготныя крэдыты звычайна пад 4, 7 або 12% гадавых, але здараліся выпадкі, што некаторыя з іх не маглі своєчасова выплаціць патрабуемыя сродкі. Так, у 1930 г. асаднік маёнтка Варацэвічы Іванаўскай гміны Драгічынскага павета Ісідор Ласковіч не здолеў своєчасова выплаціць узятую пазыку з працэнтамі ў памеры 1073,33 злотых (№ пазыкі 232454). Банк абавязаў яго выплаціць гэтую суму на працягу двух наступных гадоў [6, арк. 5].

У сувязі з тым, што многія асаднікі да вайны не мелі ніякіх адносін да сельскай гаспадаркі, для іх ствараліся спецыяльныя курсы, на якіх вучылі асновам правільнага вядзення сельскай гаспадаркі. Усе асаднікі аб'ядналіся ў саюз, які атрымаў назву “Саюз былых абаронцаў усходніх ускраін”. На месцах ствараліся розныя гурткі (“Кулкі Рольнічэ”, “Каса Стэфчыка”, “Стшэлец” і іншыя), дзе галоўную ролю ігралі асаднікі. Яны вучылі сялян новым метадам вядзення сельскай гаспадаркі, арганізавалі спартыўныя спаборніцтвы, тэатральныя і музычныя прадстаўленні [1, с. 48].

Для таго, каб папярэдзіць нерацыянальнае выкарыстанне грошай, выдзеленых на крэдыты, урадам праводзілася праверкі гаспадарак. Пры выкарыстанні пазык не па прызначэнні асадніку пагражалі такія меры пакарання, як датэрміновае вяртанне грошай ці, у выключных выпадках, пазбаўленне асады. У выніку такіх праверак за 1930 г. сваіх надзелаў было пазбаўлена 36 асаднікаў Брэсцкага павета.

Варта адзначыць, што асаднікі сумесна з паліцыяй разганялі мітынгі і сходы, сазваныя беларускімі дэпутатамі Сейма. Так, 6 мая 1924 г. імі быў сарваны мітынг у Пружанах, 8 мая – у Даўгінаве, дзе збіралася болей чым па 2000 чалавек, а 25 мая – зноў у Пружанах [13, с. 75]. У 1924 г. асаднікі і найбольш заможныя сяляне, спецыяльна сазваныя з Пружанскага, Косаўскага, Драгічынскага паветаў, разганялі мітынг сялян, сабраны пасламі Сейма ў мястэчку Каргуз-Бяроза Пружанскага павета [1, с. 49]. У часе прамовы пасла Валашына група асаднікаў пачала свістаць, тупаць нагамі, пхацца праз народ да трыбуны, але дэлегаты стаялі разам, не дапускаючы іх туды. Тады нападаючыя разбіліся на групы па 10–15 чалавек на чале са старшым па чыне. У старшых былі чырвона-белыя павязкі і кукарды і пачалі біць удзельнікаў сходу. Аб гэтым здарэнні быў пададзены пратэст у Сейм Рэчы Паспалітай.

У мэтах асабістай бяспекі асаднікі сяліліся супольна хутарамі, мелі права насіць і валодаць зброяй. Кожны асаднік меў халодную зброю, вінтоўку і рэвальвер, а некаторыя, як сцвярджаюць гісторыкі, нават ручныя кулямёты. Усе меры перасцярогі не былі дарэмнымі, бо назіраліся выпадкі разгрому асадніцкіх хутароў і памешчыцкіх маёнткаў партызанамі і паўстаўшымі сялянамі. Напрыклад, 19 чэрвеня 1922 г. імі спалены маёнтка Добрае Дрэва Лунінецкай гміны Лунінецкага павета, а таксама вёскі Беразное і Дубянец, у ноч на 26 жніўня 1923 г. яны разграмілі паліцэйскі ўчастак, гмінную ўправу і асаду ў мястэчку Целяханы Косаўскага павета, а 24 верасня 1924 г. маёнтка Юзэфавы Беразноўскай гміны Пінскага павета, у ноч з 2-га на 3-га кастрычніка 1924 г. партызанскі атрад у складзе 30 чалавек разграміў маёнтка і атакаваў пастарунак у Кажан-Гарадку Столінскага павета [14, с. 27].

Самым вядомым выступам сялян супраць асаднікаў стала так званае Навасёлкаўскае паўстанне сялян 1933 г. 25 ліпеня 1933 г. у вёску Ляплёўка Кобрынскага павета прыехаў секвестратар з трыма паліцэйскімі і стаў забіраць за нядоімкі каштоўную маёмасць і жывёлу. Сяляне прагналі паліцэйскіх, але, пакідаючы

вёску, тыя адкрылі агонь і смяротна паранілі камуніста Лявона Баганскага. Ноччу ў Ляплёўку прыбыў атрад паліцэйскіх і правёў крываваю пацыфікацыю.

Брэсцкі акруговы камітэт КПЗБ прыняў рашэнне ў адказ на гэтае злачынства правесці паход сялян на маёнтак братоў Марачэўскіх. Вечарам 3 жніўня 1933 г. узброеная група сялян некалькіх вёсак Кобрынскага павета разграміла двары асаднікаў хутара Бельск – Казіміра Ксёнскага, Францішка Косткі і Анджэя Выжыкоўскага – і захапіла там рэвальвер, наган, вінтоўку, шаблю, сядло. Больш за сто ўзброеных сялян рушыла на пастарунак у вёсцы Навасёлкі, дзе на некалькі гадзін завязалася перастрэлка з прадстаўнікамі праваахоўных органаў. На досвітку падышоў атрад паліцыі з Брэста, з дапамогай якога паўстанне было падаўлена. Ваенна-палявы суд у Кобрыне прыгаварыў 8 сялян да смяротнай кары, а Р. Каплан, якая фактычна кіравала сялянскім супрацівам, трохі пазней да 15 гадоў турэмнага зняволення. З-за масавага пратэсту польскай і сусветнай грамадскасці мера пакарання была зменена на пажыццёвае ўтрыманне пад вартай [13, с. 185–186].

Разам з вайсковымі асаднікамі дзяржава заахвочвала перасяленне сюды і цывільных асаднікаў, якія займалі месцы чыноўнікаў, настаўнікаў, але гэты працэс у параўнанні з насаджэннем вайсковага асадніцтва не набыў такога памеру і размаху. Некаторыя цывільныя асаднікі потым нават перайшлі ў вайсковае асадніцтва.

Табліца 1 – Колькасць і якасны склад вайсковых асаднікаў Палескага ваяводства (па паветах), 1931 г. [16, с. 105]

павет	Колькасць асаднікаў	Колькасць асад	У сярэднім на адну асаду	Колькасць асад з 20-ю і болей асаднікаў
Брэст-Бугскі	197	25	7,9	?
Драгічынскі	178	16	11,1	3
Камень-Кашырскі	123	10	12,3	2
Кобрынскі	97	14	6,9	-
Косава-Палескі	118	11	10,7	1
Пружанскі	140	12	11,7	2
Лунінецкі і Столінскі	137	15	9,1	?
Разам	1146	119	9,7	8

На канферэнцыі ваявод і начальнікаў зямельных аддзелаў 24 красавіка 1937 г. у Гродне генерал Янушкевіч казаў: “Мы павінны ясна ўсведамляць, што без умацавання польскага элемента немагчыма весці барацьбу за ўсходнія землі. Найбольш рашучым саюзнікам у гэтай барацьбе будзе вясковы асаднік. Таму трэба як мага больш іх адбіраць з Цэнтральнай Польшчы... Польская культура павінна гаспадарыць на паўночна-ўсходніх ускраінах...” [2, с. 253].

Такім чынам, з дапамогай асаднікаў польскія ўлады хацелі каланізаваць землі Палескага ваяводства. З гэтай мэтай яны ўсяляк заахвочвалі перасяленне сюды былых удзельнікаў савецка-польскай вайны – ураджэнцаў цэнтральнай Польшчы. Мяркуючы па дадзеных на 1931 г., найбольш паспяхова ішло насаджэнне асадніцтва ў Брэсцкім павеце: на канец года тут было 25 асад і 197 каланістаў, у 1936 г. – ужо 29 і 193, у 1937 г. – 25 і 204. Растлумачыць гэта можна лепшай якасцю зямлі і блізкасцю Брэста-Бугскага – эканамічнага і адміністрацыйнага цэнтра павета і ваяводства.

Заклучэнне

Аграрная рэформа польскіх улад на тэрыторыі Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг. характарызувалася перш за ўсё масавым насаджэннем асадніцтва – за разглядаемы перыяд тут было паселена каля 1150 вайсковых і цывільных асаднікаў. На працягу доўгіх гадоў роля асаднікаў у гісторыі Палескага ваяводства ў складзе Другой Рэчы Паспалітай ацэньвалася адназначна негатыўна, але зараз прыйшла пара адзначыць, што, акрамя негатыву, асаднікі сыгралі таксама і станоўчую ролю ў аграрнай гісторыі Палескага ваяводства дзякуючы павышэнню культурнага ўзроўню і паляпшэнню арганізацыі вядзення мясцовымі сялянамі сельскай гаспадаркі.

Асноўнымі асаблівасцямі палітыкі насаджэння вайсковага асадніцтва ў Палескім ваяводстве ў разглядаемы перыяд, на думку аўтара артыкула, былі наступныя:

1) З-за памежнага становішча Палескага ваяводства польскія ўлады меркавалі засяліць гэту тэрыторыю найбольш шчыльна. Па меркаванні польскага ўрада, поспеху каланізацыі павінен быў спрыяць нізкі ўзровень нацыянальнай самасвядомасці мясцовага насельніцтва;

2) Палескае ваяводства характарызувалася нізкай якасцю ворнай зямлі, таму асаднікі атрымлівалі тут у параўнанні з асаднікамі іншых заходнебеларускіх ваяводстваў большыя па плошчы зямельныя надзелы.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Гак, Л. Аграрная палітыка польскай буржуазіі ў Заходняй Беларусі / Л. Гак // Мінск : Дзярж. выд-ва БССР, Партмассектар, 1933. – 95 с.
2. Грэсь, С.М. Насаджэнне асадніцтва на землях Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. / С.М. Грэсь // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі, супярэчнасці, перспектывы развіцця : матэрыялы рэсп. навук. канф., Гродна, 3–4 мая 2002 г., у 4 ч. – Гродна : ГрДУ імя Я. Купалы, 2003. – Ч. 4. – С. 252–257, 309–310.
3. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Ф. 60. – Воп. 1. – Спр. 6 : Заявления военных осадников о выдаче ссуды.
4. ДАБВ. – Фонд 60. – Воп. 1. – Спр. 77 : Заявления военных осадников о выдаче ссуд.
5. ДАБВ. – Фонд 60. – Воп. 1. – Спр. 127 : Дело о выдаче ссуды военному осаднику Бальцеру Анджею.
6. ДАБВ. – Фонд 60. – Воп. 1. – Спр. 158 : Дело о наделении землей военного осадника Ласковича Исидора 1930 г. имение Вороцевичи гмина Яновская повет Дрогичинский.
7. Здановіч, У.В. Сацыяльна-эканамічнае развіццё Валовельскай гміны ў 1921–1939 гг. / У.В. Здановіч // Берасцейскі хранограф : зб. навук. прац. – Брэст : Академия, 2004. – Вып. 4. – С. 60–63.
8. Зялінскі, П.І. Аграрная рэформа ў Заходняй Беларусі (1919–1939 гг.) / П.І. Зялінскі. // Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: гісторыя і сучаснасць. матэрыялы міжнар. навук.-тэарэт. канф. Мінск, 17–18 верас. 1999 года / БДУ. – Мінск : БДУ, 2000. – С. 24–30.
9. Калесніковіч, Т.А. Памешчыцкая гаспадарка на тэрыторыі Камянецкага раёна ў міжваенны перыяд (1921–1939) / Т.А. Калесніковіч. // Моладзь Берасцейшчыны : Зб. студэнцкіх навук. прац. – Брэст : Академия, 2006. – С. 94–99.
10. Кон, Ф.Я. Западная Белоруссия – колония панской Польши (к процессу над Белорусской громадой) / Ф.Я. Кон. – Москва : Изд. ЦК МОПР СССР, 1928. – 38 с.
11. Кухарев, Б.Е. Сельское хозяйство Западной Белоруссии (1919–1939 гг.) / Б.Е. Кухарев. – Минск : Вышэйшая школа, 1975. – 112 с.

12. Полуян, И.В. Западная Белоруссия в период экономического кризиса. 1929–1933 гг. / И.В. Полуян. – Минск: Наука і тэхніка, 1991. – 207 с.

13. Сорокин, А.А. Аграрный вопрос в Западной Белоруссии (1920–1939 гг.) / А.А. Сорокин. – Минск : Наука и техника, 1968. - 204 с.

14. Хвірысюк, В. Палескае ваяводства ў 1920–1925 гг.: міжнацыянальныя дачыненні і палітычнае становішча / В. Хвірысюк. // Загароддзе-2: Матэрыялы навукова-краязн. канф. “Палессе – скрыжаванне культур і часу”, Пінск, 25–27 верасня 1999. – Минск : Тэхналогія, 2000. – С. 25–27.

15. Historia chłopów polskich / Pod redakcja Stefana Inglota. – Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995. – 395 s.

16. Stobniak-Smogorzewska, J. Kresowe osadnictwo wojskowe 1920–1945 / J. Stobniak-Smogorzewska // Warszawa : Instytut studiów politycznych PAN oficyna wydawnicza RYTM, 2003. – 431 s.

Harmatny V.P. Politycy of the plantation of Osadniks and its Peculiarities in the Polesie voivodeship (1921–1939)

This article is dedicated to the process of spreading by the Polish government osadniks in the Polesie Voivodeship (1921–1939). Osadniks were the former participants of the Soviet-Polish war (1919–1921). They received free agricultural lands and played the role of political support of the Polish government on this lands. The Polish government passed on the osadniks a lot of cattle, agricultural instruments without payment, gave privilegible credits to them.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 16.06.07

УДК 329(450)

*Н.М. Савченко***РЕФОРМА ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ИТАЛИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х ГГ.**

Статья посвящена реформе избирательной системы Италии в первой половине 1990-х гг. Подробно рассмотрены результаты референдумов 1991 г. о преференциальном голосовании и 1993 г. об изменении избирательного закона для Сената, проанализировано содержание избирательных реформ для Палаты депутатов и Сената. Данные по результатам голосования на референдумах представлены в таблицах. В заключительной части определена роль реформы в истории страны. Автор отмечает, что итальянскую политику на протяжении послевоенного времени определяла система пропорционального представительства, что создало ряд серьезных проблем. Реформа избирательной системы стала главным приоритетом для всех, кто хотел обновления и перемен. С августа по декабрь 1993 г. парламент одобрил всесторонний пересмотр избирательной системы, которая фактически отменила старую. Новые законы предусматривали выбор трех четвертей Сената и Палаты депутатов на основании мажоритарного принципа и одной четверти на пропорциональной основе. Благодаря принятию новой системы выборов был обозначен конец Первой Итальянской Республики и начался итальянский политико-институциональный переходный период.

Изучение вопроса о реформе избирательной системы Италии в первой половине 1990-х гг. и ее роли в истории страны является очень интересной и актуальной проблемой. Итальянскую политику на протяжении послевоенного времени определяла система пропорционального представительства. Избиратель отдавал свой голос партиям, а они, в свою очередь, делили места в парламенте относительно отданной за них доли голосов [1, с. 149]. На выборах в Палату депутатов избиратели могли выразить преференциальный голос, отдав его трем или более кандидатам, согласно размеру избирательного округа. Система пропорционального представительства в целом была предназначена для поощрения партий меньшинства. Однако она породила несколько проблем, создав более 50 нестабильных коалиционных правительств и фрагментацию партий. В начале 1990-х гг. их было не менее 16 [2, с. 41]. Это делало принятие решений более трудным и не предлагало электорату четкую альтернативу между потенциальными правительствами.

Система пропорционального представительства также предотвращала чередование партий у власти с 1861 г. (либеральный режим) до 1922 г. (появление фашизма) и с 1945 г. (антифашизм) до начала 1990-х гг. [3, с. 11]. Его отсутствие являлось одним из самых специфических аспектов итальянской системы до 1994 г.

Необходимо отметить, что в отечественной исторической науке отсутствуют исследования, посвященные этой проблеме. Статья написана преимущественно на основе источников на итальянском и английском языках. Важную информацию предоставили также материалы итальянской периодической печати. Все это позволило достаточно полно осветить данный вопрос.

Самым обычным предписанием для перестройки партийной системы долгие годы была реформа избирательной системы. Аргументировалось это тем, что менее сложная и менее пропорциональная система сократит количество партий или объединит их в альянсы.

Движение за избирательную реформу выбрало в качестве основного политического оружия референдум. В 1990 г. комитет по избирательной реформе в составе членов Христианско-демократической партии (ХДП) М. Сеньи и А. Де Маттео, специалиста по

Научный руководитель – В.С. Котелев, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Белорусского государственного университета

конституционному праву А. Барбера, члена либеральной партии (ИЛП) А. Баслини и лидера радикальной партии М. Паннелла предложил изменить избирательную систему для Сената [4]. После почти двух лет обсуждений его лидеры М. Сеньи и М. Паннелла убедились, что через Парламент провести реформу нельзя, и передали запрос в Конституционный суд о проведении трех избирательных референдумов. Каждый касался предложений аннулировать тогдашний закон, чтобы достичь одного из следующих изменений: 1) для Сената преобразовать 237 одномандатных округов в избирательные округа, использующие мажоритарную систему; 2) для муниципальных выборов проводить прямые выборы мэров во всех итальянских городах (тогда это было позволено только в городах с населением менее 5 000 жителей); 3) для Палаты депутатов сократить количество предпочтений, которые избиратель мог выразить по партийному списку, с четырех до одного [5, с. 81].

Собрать необходимые подписи не представляло никакой проблемы. Но Конституционный суд Италии объявил первые два предложения неконституционными и не позволил им быть представленными избирателям. Своим постановлением № 47/1991 он разрешил только референдум по третьей проблеме [6, с. 44]. Его результаты были беспрецедентными (таблица 1) [4].

Таблица 1 – Результаты референдума 1991 г. о преференциальном голосовании

	Количество	%	
Внесенные в списки	47 377 843		
Проголосовавшие	29 609 635	62,5	от числа избирателей
Недействительные и незаполненные бюллетени	1 464 748	4,9	от количества проголосовавших
«За»	26 896 979	95,6	
«Против»	1 247 908	4,4	

Согласно результатам референдума преференциальный голос следовало выразить путем написания имени кандидата, а не номера в списке партии [7, с. 2]. Это должно было предотвратить альянсы среди кандидатов и уменьшить или устранить возможность избирательного мошенничества, например, манипуляцию или добавление чисел в чистые избирательные бюллетени.

Референдум 9 июня 1991 г. показал, что общественное мнение в целом решительно уходило от традиционных партий. Благодаря его успеху была подготовлена почва для более тщательной реформы избирательной системы. Она должна была покончить с пропорциональным представительством, являвшимся, по мнению многих, причиной политического недуга Италии.

В 1993 г. были проведены восемь референдумов. Наиболее значительным из них, предложенным М. Сеньи и его Комитетом за избирательную реформу, было изменение избирательного закона для Сената (таблица 2) [8].

Таблица 2 – Результаты референдума 1993 г. об избирательном законе в Сенат

	Количество	%	
Внесенные в списки	47 946 896		
Проголосовавшие	36 922 390	77,0	от числа избирателей
Недействительные и незаполненные бюллетени	1 951 003	5,28	от количества проголосовавших
«За»	31 234 897	82,7	
«Против»	6 034 640	17,3	

Пропорциональную систему предлагалось сменить на мажоритарную с пропорциональным элементом. А ввиду факта, что две палаты имеют равные законодательные полномочия, любая реформа Сената неизбежно оказала бы давление на правительство и парламент, чтобы провести аналогичную реформу для Палаты депутатов. Новая избирательная система для обеих палат парламента расценивалась как фундаментальная для появления чередования у власти [9, с. 75].

Цель, наиболее часто выражавшаяся теми, кто инициировал референдумы 1993 г., состояла в том, чтобы увеличить «управляемость» Италии. Полагали, что нужно потребовать более безопасного парламентского большинства, в результате чего правительства были бы более долговечными, и сократить количество партий. Вторая цель состояла в том, чтобы увеличить «прозрачность» избирательного процесса и усилить контроль избирателей над избранными. Предполагалось также ослабить власть политических партий в целом и провести массовое обновление членов парламента.

Результаты референдума имели большое воздействие. Подавляющее большинство голосов избирателей в пользу изменений вызвало немедленную отставку правительства. Во главе нового правительства впервые с конца Второй мировой войны стоял не политик: К.А. Чампи 14 лет являлся управляющим Центрального банка Италии. Поскольку реформа избирательной системы стала главным приоритетом для всех, кто хотел обновления итальянской политики, правительство предприняло ряд шагов в соответствии с желаниями избирателей.

Избирательная реформа продвигалась христианским демократом С. Маттарелла, т. е. именно христианско-демократическое большинство в Парламенте, против которого и был направлен референдум, определило содержание закона. Существовало два основных подхода (если не считать предложение Демократической партии левых сил (ДПЛС) о двойном избирательном бюллетене): 1) сохранение частично пропорциональной системы (Коммунистическое воссоздание (КВ), Итальянское социальное движение (ИСД) и 2) принятие английской модели (Лига Севера, М. ПANNELЛА). В истинно христианско-демократическом стиле С. Маттарелла предложил компромиссное решение, которое должно было «примирить элементы мажоритарной системы с элементами пропорциональной» [6, с. 46].

Защитники реформы утверждали, что она решит несколько итальянских проблем. Во-первых, появилась бы четкая альтернатива между реформистами и консерваторами и уменьшилась бы партийная фрагментация. Во-вторых, соглашательской администрации государства, где было невозможно четко определить политическую ответственность, был бы положен конец. В-третьих, могло быть сформировано стабильное правительство, минуя постоянные межпартийные переговоры. В-четвертых, это позволило бы избирателям голосовать не за партии, а за отдельных кандидатов, которые были бы ответственными за свои политические действия. И, наконец, было бы покончено с политической коррупцией [5, с. 82]. В целом новая избирательная система представлялась как средство разрушения власти политических партий над государством и обществом.

В результате в августе 1993 г. были одобрены избирательные реформы для Палаты депутатов и Сената. Избирательные округа для обеих палат были полностью реорганизованы в декабре 1993 г. [3, с. 45]. Их размер (иногда включавший две-три области, в некоторых случаях превышающих 1 млн. избирателей) был значительно уменьшен. Теперь они включали не более 100–120 тыс. жителей [10, с. 300].

Для выборов в Сенат 20 областей сформировали первичные административные избирательные округа. Каждый округ затем делился на множество избирательных одномандатных округов, равняющихся по количеству трем четвертям мест, выделенных на административный округ. Существование этих двух разных уровней – административного и

избирательного округа – является прямым результатом смешанного характера системы. В одномандатных округах использовалась мажоритарная избирательная формула, тогда как на уровне административного округа – пропорциональная [11, с. 106].

Кандидаты для округов области могли быть представлены политическими группами, использующими общий символ и наименование, или отдельными гражданами, которые участвовали в выборах как независимые кандидаты [3, с. 43]. Избиратели выражали свое предпочтение с помощью единого избирательного бюллетеня, который сохранил имена кандидатов, выступающих в каждом из округов.

После того, как определялись победители, на региональном уровне подсчитывалось общее количество голосов, полученных всеми кандидатами каждой партии. Общее количество затем регулировалось путем вычитания голосов, полученных теми, кто был избран в одномандатных округах [12, с. 35]. Эти окончательные итоги затем использовались для того, чтобы разделить пропорциональные места, распределенные на области, между партиями. Здесь применялся метод пропорционального представительства д'Ондта¹, оставленный референдумом. Другими словами, используемые пропорциональные голоса каждой партии в каждом округе равнялись количеству голосов, полученных ее проигравшими кандидатами. Как только определялось количество мест, предназначенных каждой партии, ее кандидаты ранжировались согласно пропорции действительных голосов, полученных в их округах. Места, завоеванные партией, затем предоставлялись кандидатам, получившим самую высокую пропорцию голосов в их округе [3, с. 43]. Независимые кандидаты не участвовали в этой второй стадии.

В Сенат было разрешено баллотироваться только в одном одномандатном округе. Чтобы выставить свою кандидатуру, будь то независимый кандидат или представленный партией, необходимо было собрать определенное количество подписей (от 1 000 до 5 000 в зависимости от региона) [13, с. 80].

Для выборов в Палату депутатов страна была разделена на двадцать шесть административных избирательных округов. Закон приписывал каждому округу количество мест, пропорциональное его населению. Каждый административный округ разделен на множество избирательных округов. Их количество равно трем четвертям общего количества мест, назначенных на каждый административный округ [3, с. 45]. Это – мажоритарная квота; остальные места предоставлялись на основе пропорциональной системы.

На выборах в Палату депутатов каждый избиратель имел два бюллетеня и мог выразить два голоса: один он отдавал кандидату в своем одномандатном округе, а второй – партийному списку для распределения пропорциональных мест на уровне административного округа.

В отличие от системы выборов в Сенат, которая позволяла иметь независимых кандидатов (голоса, отданные за них, не учитывались в областном распределении пропорциональных мест), каждый униномиальный кандидат в Палату депутатов должен был присоединиться к одному или большему количеству партийных списков для пропорциональных мест в административном округе. В Палату депутатов можно было баллотироваться только в одном из 475 одномандатных округов либо в одномандатном округе и не более чем в трех административных округах для получения пропорциональных мест [13, с. 79]. Одновременно выставлять свою кандидатуру в Палату депутатов и Сенат было запрещено, в отличие от старой системы.

¹ Этот метод позволяет сразу распределить все мандаты в избирательном округе или по стране в целом. Он заключается в последовательном делении количества голосов, полученных каждым списком кандидатов, на ряд целых чисел, начиная с единицы: на 1, 2, 3, 4, и т. д., пока не закончится количество мест, выделенных на избирательный округ.

Как только определялись победители по округу, выбиравшему одного кандидата, вычислялось общее количество голосов по партийному списку для каждого округа. Механизм вычитания, однако, был другим, по сравнению с Сенатом. Во-первых, вычиталось не общее количество голосов, полученных каждым победившим кандидатом, а количество, необходимое этому кандидату для победы (т. е. на один голос больше, чем количество голосов, полученных кандидатом, занявшим второе место). Во-вторых, вычитаемое определялось на основе всех списков, к которым кандидат был присоединен, в пропорциональном отношении к их общему количеству по спискам, а не на основе всех голосов партии кандидата. В-третьих, остаток вычислялся на уровне административных округов. Распределение пропорциональных мест происходило на национальном уровне на основе общего количества голосов по окружным спискам, используя формулу квоты Хэра², и подчинялось национальному 4%-ному барьеру для включения в распределение пропорциональных мест. Чтобы определить, сколько пропорциональных мест партия, в конечном счете, получает, использовались только голоса после вычитания.

Наконец, места, предоставляемые каждой партии, распределялись по индивидуальным округам и давались кандидатам по ее списку в порядке, подготовленном партией. Если партия выигрывала больше пропорциональных мест, чем количество имен в ее списке (которое юридически ограничено до четырех или одной трети количества мест, распределенных на округ), оставшиеся места предоставлялись ее «лучшим проигравшим» в округах, в которых выбирался один кандидат, как и для Сената. Победители по мажоритарной системе исключались из общего количества мест, распределяемых по пропорциональной формуле.

У закона было достаточно противников и критиков, например, известный итальянский политолог А. Панебьянко, не менее известный журналист П. Мьели и др. [13, с. 81]. Реформу активно критиковал также М. ПANNELЛА, считая ее опровержением результатов референдума. Поскольку при наличии 25%-ной пропорциональной квоты, механизма вычитания, который обязывал каждого кандидата в унииномальном избирательном округе объединяться с партийным списком, партийными символами в бюллетенях, избирателей вынуждали голосовать, скорее, за символы, а не за личности. И все это противоречило целям референдума [14].

Тем не менее изменение избирательной системы имело большое политическое значение. Ее мажоритарный компонент был очень влиятельным. Он вынудил партии и политических деятелей выбирать союзников, чтобы быть конкурентоспособными в одномандатных округах. В то же время существование квоты пропорциональных мест осложняло расчеты партий относительно оптимальных политических стратегий.

Таким образом, в августе 1993 г. итальянский парламент одобрил новый избирательный закон для Палаты депутатов и Сената, который отметил радикальный уход от предыдущей системы пропорционального представительства, являвшейся одной из главных особенностей итальянской политической системы в послевоенный период. Согласно новой системе три четверти мест в обеих палатах парламента распределялись по одномандатным округам используя мажоритарную формулу. Оставшиеся места назначались на пропорциональной основе. Референдумы и последовавшие за ними законы разрушили старый стиль проведения политики в Италии, почти полностью ликвидировали все доминирующие партии Первой Республики и открыли путь сложному процес-

² Квота Хэра рассчитывается следующим образом: общее количество всех действительных голосов делится на количество мест, выделенных на административный округ. После определения квоты число голосов, набранное каждой партией, делится на эту квоту, и полученные от деления целые числа показывают, сколько мандатов положено партии.

су политической перестройки. В общем, был обозначен конец Первой Итальянской Республики, и начался итальянский политико-институциональный переходный период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Codevilla, A. A second Italian republic? / A. Codevilla // Foreign affairs. – N. Y., 1992. – Vol. 71, № 3. – P. 146–164.
2. Mignone, M.B. Italy today: At the crossroads of the new millennium / M.B. Mignone. – N.Y. : Lang, 1998. – viii, 464.
3. Deconstructing Italy: Italy in the nineties / ed. by Sechi, S. – Berkley : University of California. – 1995. – viii, 314 p.
4. Referendum abrogativo del 1991 // Wikipedia [Electronic resource]. – Mode of access : http://it.wikipedia.org/wiki/Referendum_abrogativo_del_1991. – Date of access : 13.08.2007.
5. Lo Verso, L. The Italian general election of 1994 / L. Lo Verso I. McLean // Electoral studies. – Guildford, 1995. – Vol. 14. – № 1. – P. 81–86.
6. Parker, S. Electoral reform and political change in Italy, 1991-1994 / S. Parker // The new Italian Republic: From the fall of the Berlin Wall to Berlusconi; ed. by Gundle, S. - L. : Routledge. – 1996. – P. 40–57.
7. Pasquino, G. Introduction: A Case of Regime Crisis / G. Pasquino // The end of post-war politics in Italy: The landmark 1992 elections; ed. by Pasquino, G. – Boulder : Westview press, 1993. – P. 1–11.
8. Referendum abrogativi del 1993 // Wikipedia [Electronic resource]. – Mode of access : http://it.wikipedia.org/wiki/Referendum_abrogativi_del_1993. – Date of access : 13.08.2007.
9. Bull, M.J. Italy changes course? The 1994 elections and the victory of the Right / M.J. Bull, J.L. Newell // Parliamentary affairs. – L., 1995. – Vol. 48. – № 1. – P. 72–99.
10. Mazzoleni, G. Towards a 'videocracy'? Italian political communication at a turning point / G. Mazzoleni // European journal of communication. – L., 1995. – Vol. 10. – № 3. – P. 291–319.
11. Bartolini, S. Plurality competition and party realignment in Italy: the 1994 parliamentary elections / S. Bartolini, R. D'Alimonte // European journal of political research. – Dordrecht, 1996. – Vol. 29. – № 1. – P. 105–142.
12. Katz, R.S. Electoral reform and the transformation of party politics in Italy / R.S. Katz // Party politics. – L., 1996. – Vol. 2. – № 1. – P. 31–53.
13. De Rosa, G. Verso la Seconda Repubblica?: Le nuove leggi per l'elezione della Camera e del Senato / G. De Rosa // Civiltà cattolica. – Roma, 1993. – A. 144, quad. 3439. – P. 75–83.
14. Legge Mattarella // Wikipedia [Electronic resource]. – Mode of access : <http://it.wikipedia.org/wiki/Mattarellum>. – Date of access : 13.08.2007.

Savchenko N.M. Electoral Reform in Italy in the first half of the 1990s

This paper deals with the reform of the electoral system in Italy in the first half of the 1990s. It describes the results of two referenda, i.e. 1991 concerning preference voting and 1993 which concerned changing the electoral law for the Senate by drastically reducing the number of proportionally-distributed seats (and thus effectively introducing a majoritarian system with a proportional element). The objective of the electoral reform was to create a bipolarizing effect, forcing parties together. The article discusses the main features of the new electoral system. The final section analyzes the role of the reform. The paper argues that the change in the electoral law was regarded by almost everybody as the crucial. The reason for this lies in the magnitude of the change that electoral reform was expected to bring. New laws signalled the end of the First Republic, and the political transition began.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.02.08

УДК 940.854(476)''19''

А.В. Радюк

СОЗДАНИЕ ПАРТИЗАНСКИХ ЗОН НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1944)

В статье анализируются причины создания партизанских зон. Автор показывает историю образования партизанских краев, возникновения в них органов Советской власти. Отмечается большое значение партизанских зон в развитии партизанской борьбы. В статье показана роль органов коммунистической партии в осуществлении руководства партизанскими зонами. Автор показывает трудности партизанского движения на первоначальном этапе. В статье говорится, что в 1943 году идет расширение партизанских зон. Партизанское движение становится массовым. В публикации уделено внимание социально-экономическим и культурным мероприятиям, проводимым в партизанских зонах. Описывая явления, процессы, факты, автор связывает их с областями и районами в соответствии с тем административным делением, которое существовало в БССР накануне Великой Отечественной войны.

Введение

К концу августа 1941 года вся территория БССР была оккупирована гитлеровскими войсками. Они начали проводить на оккупированных территориях политику геноцида, грабежа и насилия [4, с. 86–104]. Это способствовало распространению партизанского движения. Одним из показателей массовой борьбы с гитлеровскими захватчиками на оккупированной белорусской земле явились партизанские зоны – боевые форпосты, плацдармы, из которых партизаны наносили регулярные удары по врагу. В них дислоцировались не только партизанские формирования, но и находили убежище жители сел и городов.

Создание партизанских зон

Формирование первых партизанских зон началось осенью 1941 года и было связано с деятельностью первых партизанских отрядов. Следует отметить, что в период своего становления партизанское движение переживало большие трудности, которые увеличились с наступлением зимы 1941–1942 годов. Суровые холода, нехватка оружия, боеприпасов, медикаментов, обмундирования, выжидательная позиция местного населения и отсутствие опыта борьбы с врагом привели к распаду многих партизанских отрядов. Лишь немногим удалось преодолеть все трудности первой военной зимы.

В 1942 году на территории оккупированной Беларуси начинается широкое распространение партизанских зон, территорий одного или нескольких смежных административных районов, которые определенное время надежно удерживались или контролировались партизанами. Партизаны уничтожали живую силу и технику противника, совершали диверсии на вражеских коммуникациях, нападали на вражеские гарнизоны или опорные пункты врага. В результате активных боевых действий партизанских формирований значительная территория, захваченная противником, контролировалась или удерживалась партизанами. На этой территории образовались обширные партизанские зоны. Весной 1942 года развернулась борьба за изгнание оккупантов из населенных пунктов, целых районов Витебской, Могилевской, Минской,

Научный руководитель – В.К. Коршук, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени Белорусского государственного университета.

Гомельскай, Полескай і Пінскай абласцей. Партызаны ўдерживали в своих руках в разное время свыше 20 районных центров, являвшихся населенными пунктами городского типа [11, с. 7]. Всего на оккупированной территории Беларуси в разное время существовало 25 партизанских зон [18, с. 19]. По данным Белорусского штаба партизанского движения, к началу 1943 года партизаны прочно удерживали в своих руках более 15 тыс. кв. км. и контролировали около 50 тыс. кв. км. оккупированной территории республики [7, с. 419]. В 1943 году происходило расширение ранее созданных и создание новых партизанских зон. Партизанские зоны существовали в 9 из 10 областей республики. К началу 1944 года под контролем партизан находилось 108 тыс. кв. км. из 184,7 тыс. кв. км. территории, еще находившейся под оккупацией гитлеровцев (58,4% оккупированной территории). Свыше 38 тыс. кв. км. составляли партизанские зоны, куда врагу лишь временно удавалось прорваться, и то с помощью крупных воинских сил. Фактически под контролем противника находились только те места, где располагались его воинские охраняемые части, имелись крупные гарнизоны [8, с. 101].

Партызаны изгнали фашистских оккупантов полностью или частично из многих сельсоветов в Освейском, Россонском, Дрисенском, Полоцком, Ветринском, Ушачском, Суражском, Городокском, Сенненском, Богушевском, Толочинском, Бешенковичском, Лепельском районах Витебской области, где были образованы Суражская, Полоцко-Лепельская (Ушачско-Лепельская), Россоно-Освейская, Сенненско-Оршанская, Полоцко-Сиротинская партизанские зоны.

В Минской области партизаны контролировали территории ряда сельсоветов Бегомльского, Борисовского, Любанского, Узденского, Копыльского, Старобинского, Гресского, Краснослабодского, Плещеницкого, Логойского, Холопеничского, Крупского, Смолевичского, Червинского районов. Здесь были образованы Октябрьско-Любанская партизанская зона, которая также занимала территорию Полеской и Пинской областей, Борисово-Бегомльская, Минско-Червенская, Южно-Минская, Слуцко-Копыльская партизанские зоны.

В Могилевской области были заняты партизанами территории Кличевского, Осиповичского, Березинского, Кировского, Бобруйского, Бельничского, Круглянского районов. На территории области образовалась Кличевская партизанская зона.

В Полеской области партизанские формирования контролировали Октябрьский, Ельский, Копаткевичский, Паричский, Глусский, Лельчицкий, Хойникский районы. На юге была образована Южно-Припятская партизанская зона, которая также занимала территорию Украины.

В Гомельской области партизаны занимали сельсоветы Лоевского, Речицкого, Чечерского, Рогачевского районов. В области существовала Чечерская партизанская зона.

В Пинской области партизаны контролировали Ленинский, Лунинецкий и Ганцевичский районы. Здесь образовалась Ленинская партизанская зона.

В результате успешных боев летом 1942 года в Брестской области образовались три крупные партизанские зоны. Одна из них охватывала значительную часть территории Ружанского, Пружанского, Порозовского, Косовского, Березовского, Слонимского и Бытенского районов; вторая распространялась на Кобринский, Антопольский, частично на Березовский, Бытенский, Телеханский районы; третья зона сложилась на территории Малоритского, Жабинковского районов и на территории Украины [16, с. 119–120].

В Барановичской области были образованы Ивенецко-Налибокская, Щучинская, Лидская, Столбцовская партизанские зоны.

В Вилейской области образовались Нарочанская (Мядельская) и Северная зона Вилейской области.

После освобождения территорий от вражеских гарнизонов в этих районах восстанавливалась Советская власть. В партизанских зонах находились подпольные обко-

мы и райкомы коммунистической партии Белоруссии, подпольные комитеты комсомола и штабы партизанских соединений.

Рассмотрим историю формирования основных партизанских зон.

Так, уже в сентябре 1941 года начинает формироваться Октябрьско-Любанская партизанская зона. Она возникла в январе–феврале 1942 года в Октябрьском районе Полесской области. Ее контролировал «гарнизон Ф.И. Павловского», который в своем составе насчитывал 13 партизанских отрядов (свыше 1 300 человек). Партизаны распространили свое влияние на часть населенных пунктов соседних районов – Глусского, Стародорожского, Копаткевичского. 17 января 1942 года партизанские отряды Ф.И. Павловского и А.И. Далидовича разгромили немецкий гарнизон в райцентре Копаткевичи. В феврале 1942 года формирования Ф.И. Павловского, И.Р. Жулеги, А.Т. Михайловского, А.Ф. Коваленки разгромили гарнизон в райцентре Озаричи. В результате территория зоны расширилась. В сентябре 1942 года на острове Зыслав в Любанском районе начал действовать партизанский аэродром. Этот остров представлял собой возвышенность посреди болот.

В 1943 году зона объединилась со Слуцко-Копыльской и Ленинской партизанскими зонами. Территория партизанского края составила 8 тыс. кв. км. [3, с. 33]. Центром зоны являлся сельский населенный пункт – Рудобелка. От него произошло название «Рудобельская республика». В освобожденном партизанском районе находились партийные и советские органы, районные исполнительные комитеты и сельские Советы. На территории зоны действовали Минский и Полесский подпольные областные комитеты партии [12, с. 19]. В Октябрьско-Любанской партизанской зоне открылись первые школы. К началу 1943 года в партизанском крае насчитывалось 20 школ [7, с. 428].

В январе–марте 1942 года отряды А.С. Юрковцева, В.И. Ливенцева, В.П. Свистунова, В.М. Сырцова и другие разгромили более 70 немецких гарнизонов и полицейских участков в Кличевском и прилегающих к нему районах [6, с. 491]. После освобождения партизанами районного центра Кличев, которое произошло 20 марта 1942 года, 3 апреля 1942 года было принято Постановление Кличевского райкома КП(б)Б и исполкома районного Совета депутатов о восстановлении Советской власти в Кличевском районе, образована Кличевская партизанская зона. В Кличевскую партизанскую зону входила территория Кличевского, Бобруйского, Осиповичского районов общей площадью до 1 900 кв. км. В партизанской зоне действовали два райисполкома – Кличевский и Березинский. Кличевский начал действовать с апреля 1942 года, его возглавил П.М. Викторчик. Березинский – с июля 1942 года, его председателем был назначен К.А. Баранов. Также в Кличевской зоне возобновили работу 19 сельских Советов [5, с. 12–13]. На территории зоны базировался Могилевский подпольный обком КП(б)Б, действовал Кличевский оперативный центр, орган управления партизанского соединения. 4 июня 1942 года на территории Кличевского района начал действовать первый партизанский аэродром, построенный по инициативе В.И. Ничипоровича [3, с. 481]. В населенных пунктах действовали комендатуры, которые поддерживали там порядок. Кличев был вновь оккупирован в июле 1942 года.

Большое влияние на развитие партизанского движения оказала победа Красной Армии под Москвой. В результате контрнаступления советских войск образовался разрыв между немецкими группировками «Север» и «Центр», который существовал с февраля по сентябрь 1942 года и получил название «Суражские ворота». Эти «ворота» сыграли большую роль в развитии партизанского движения. В январе–марте 1942 года в ходе наступательных действий партизанских отрядов под руководством М.Ф. Шмырева образуется Суражская партизанская зона. На севере Витебской области в сентябре 1942 года партизаны освободили райцентр Россоны. Образовалась Россоно-Освейская партизанская зона. Особенностью зоны было то, что она примыкала к гра-

ницам России и Латвии. Россоно-Освейская зона просуществовала до осени 1943 года, когда одна ее часть была освобождена Красной Армией, а другая – занята немецкими войсками.

Одной из крупнейших в Беларуси была Борисово-Бегомльская партизанская зона. В нее входили в основном освобожденные от оккупантов Бегомльский, Борисовский, Заславский, Крупский, Логойский, Плещеницкий, Смолевичский и Холопеничский районы Минской области. В декабре 1942 года партизанская бригада «Железняк» под руководством И.Ф. Титкова освободила городской поселок Бегомль. Партизаны установили контроль над территорией Бегомльского и северной частью Борисовского районов. В результате этого была образована Борисово-Бегомльская партизанская зона. В 1943 году ее территория была расширена на соседние районы и включала около 6 тыс. кв. км. Здесь партизаны удерживали 1 088 населенных пунктов [9, с. 4]. На территории зоны была восстановлена Советская власть. Руководство в партизанской зоне осуществлял Минский подпольный обком КП(б)Б, Борисовский межрайпартцентр, райкомы партии, штаб партизанского соединения. После объединения Борисово-Бегомльской партизанской зоны с Полоцко-Лепельской и Сенненско-Оршанской партизанскими зонами территория освобожденная партизанами составила около 11 тыс. кв. км [3, с. 64–65].

Полоцко-Лепельская партизанская зона была образована осенью 1942 года. Осенью 1942 года партизаны захватили райцентр Ушачи. До конца 1943 года они освободили 3,2 тыс. кв. км. территории. На этой освобожденной земле находилось более 1 220 населенных пунктов [7, с. 420]. Органы Советской власти в партизанских зонах занимались организацией хозяйственной жизни. Так, в Полоцко-Лепельской партизанской зоне работали школы, больницы, 3 электростанции, заводы по производству растительного масла, 6 мельниц, 150 швейных и сапожных мастерских, 3 крупные рыболовецкие артели. На аэродромы с Большой земли регулярно прилетали самолеты, доставляя вооружение, боеприпасы, медикаменты, литературу. Обратными рейсами вывозились раненые и дети [20, с. 111]. На территории зон издавались газеты, проводились концерты художественной самодеятельности.

На территории зон базировались партизанские отряды и бригады. В Полоцко-Лепельской зоне в конце 1943 года находились 16 бригад, общая численность которых составила около 17 тыс. бойцов. Около 14 000 партизан располагались в Борисово-Бегомльской зоне. В Кличевской зоне находились до 18 000 партизан, Сенненско-Оршанской – свыше 8 000, Ивенецко-Налибокской – около 10 000 человек.

Важной особенностью управления партизанскими зонами является то, что партийное и военно-оперативное руководство почти повсеместно было сосредоточено в одних руках. Командиры партизанских соединений часто являлись секретарями подпольных обкомов КП(б)Б. Первый секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономоренко одновременно возглавлял Центральный штаб партизанского движения. Второй секретарь ЦК КП(б)Б П.З. Калинин возглавлял Белорусский штаб партизанского движения. Партизанским соединением Борисово-Бегомльской партизанской зоны командовал секретарь Минского подпольного обкома партии Р.Н. Мачульский. Гомельским областным партизанским соединением руководил первый секретарь обкома КП(б)Б И.П. Кожар, Полесским – первый секретарь обкома И.Д. Ветров, Брестским – первый секретарь обкома С.И. Сикорский, Барановичским – первый секретарь обкома В.Е. Чернышов, Вилейским – первый секретарь обкома И.Ф. Климов. Партизанским соединением Полоцко-Лепельской зоны руководил первый секретарь Лепельского райкома КП(б)Б В.Е. Лобанок.

В Могилевской области первые секретари обкома не являлись командирами соединений, однако последние находились в их непосредственном подчинении.

Эта система руководства давала возможность сконцентрировать в одних руках партийную, государственную и военную власть, что позволяло оперативно решать текущие вопросы. Такая власть руководителей партии поднимала их авторитет перед командирами партизанских бригад и отрядов, перед населением [12, с. 83–84].

Заключение

Создание и расширение партизанских зон имело большое значение для развития партизанского движения. Они являлись базами партизан. В партизанские зоны убегало население из городов. Из них партизаны наносили удары по коммуникациям противника. В партизанских зонах велась подготовка к боевым операциям. Когда партизанские зоны примыкали друг к другу, то создавались благоприятные условия для маневрирования партизанских отрядов и соединений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Армстронг, Джон. Партизанская война. Стратегия и тактика. 1941–1943 / Джон. Армстронг ; пер. с англ. О.А. Федяева. – М. : Центр-полиграф, 2007. – 429 с.
2. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А.А. Коваленя (рук. авторского коллектива) [и др.]. – Минск : БЕЛТА, 2005. – 544 с.
3. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 : Энцыклапедыя / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Минск : БелСЭ, 1990. – 680 с.
4. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны) / А.А. Коваленя [и др.] ; под ред. А.А. Ковалени, Н.С. Сташкевича ; пер. с бел. А.В. Скорохода. – Минск : Изд. центр БГУ, 2004. – 231 с.
5. Волчок, Г.И. Партизанское движение Могилевской области в годы Великой Отечественной войны. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2004. – 40 с.
6. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / гл. редкол. А.Т. Кузьмин [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – Т.1. – 591 с.
7. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / гл. редкол. А.Т. Кузьмин [и др.]. – Минск : Беларусь, 1984. – Т. 2. – 555 с.
8. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / гл. редкол. А.Т. Кузьмин [и др.]. – Минск : Беларусь, 1985. – Т. 3 – 531 с.
9. Грабовский, С.К. Борьба подпольщиков и партизан Борисово-Бегомльской зоны против немецко-фашистских оккупантов (июль 1941 – июнь 1944) : автореф. дис... канд. ист. наук / С.К. Грабовский. – Минск, 1986. – 18 с.
10. Залесский, А.И. В тылу врага. Борьба крестьянства Белоруссии против социально-экономических мероприятий немецко-фашистских оккупантов / А.И. Залесский. – Минск : Наука и техника, 1969. – 180 с.
11. Залесский, А.И. Героический подвиг миллионов в тылу врага. (Помощь населения партизанских зон народным мстителям) / А.И. Залесский. – Минск : Беларусь, 1970. – 184 с.
12. Залескі, А.І. Дарогамі партызанскай Беларусі / А.І. Залескі. – Минск : Беларусь, 1974. – 256 с.
13. Коваленя, А.А. Идеино-политическая работа подпольных партийных организаций КП(б)Б в партизанских зонах : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.А. Коваленя. – Минск, 1983. – 22 с.

14. Ковшаров, Н.Д. Партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны / Н.Д. Ковшаров. – Минск : МГПИ, 1988. – 98 с.

15. Наша перамога / уклад. М.Ф. Кадзет, У.П. Саламаха. – Минск : Литература и искусство, 2004. – 320 с.

16. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Краткие сведения об организации, структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / сост. А.Л. Манаенков [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – 765 с.

17. Пашкевич, В.Г. Становление и развитие партизанского движения в Минско-Червенской зоне (1941–1944) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Минск, 1978. – 24 с.

18. Савченко, И.И. Роль партизанских зон в развитии вооруженной борьбы против немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированной территории Белоруссии (июнь 1941 – июль 1944) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И.И. Савченко. – Минск, 1988. – 26 с.

19. Смирнов, А.И. Руководство коммунистической партии партизанской борьбой в Белоруссии в период Великой Отечественной войны (на материалах Ушачско-Лепельской партизанской зоны) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.И. Смирнов. – Киев, 1954. – 17 с.

20. Шиманский, М.Н. Это нужно живым / М.Н. Шиманский. – Минск : Парадокс, 2004. – 480 с.

Radziuk A.V. The Formation of Partisan Areas on the Territory of Belarus in the Years of the Great Patriotic War (1941–1945)

The analysis of the reasons which caused the creation of partisan areas on the territory of Belarus is carried out in this article. The author shows the history of the formation of partisan districts and the appearance of the Soviet Authority there. The great importance of the partisan areas is marked in the development of the partisan war. The article shows an administrative role of the communist authorities in ruling the partisan areas. The author describes difficulties of the partisan movement in the initial stage of the process. The article recounts an enlargement of the partisan areas in 1943 when the partisan movement became mass. In the publication the author also focuses attention on socio-economic and cultural actions that were held in the partisan areas. While recounting events, processes and facts the author correlates them with the same administrative districts and regions that used to exist in the BSSR before the Great Patriotic War.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 23.05.08

УДК 111

А.С. Табачков

ОНТОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В статье анализируется онтологический план исторического процесса, при этом автор исходит из тезиса, согласно которому историческое прошлое – это репрезентация начавшихся ранее, но все еще длящихся, раскрывающих себя событий и событийных рядов в культурных горизонтах настоящего. При этом неразрывность интенции будущего и ретенции прошлого делает индивидуального и коллективного деятеля субъектом истории как событийной длительности. Поэтому в истории любое событие – это, в том числе, со-бытие с прошлым.

Введение

Предлагаемый вниманию читателя анализ онтологии исторического процесса базируется на следующей интерпретации бытийного статуса минувшего: историческое прошлое это не то, что неким образом «прошло», сущее, которое было и уже никогда не будет. Напротив, событийно организованное сущее исторического прошлого это то, «что пришло и осталось», осталось в горизонте доступного рациональности бытия. От текущей ситуации настоящего оно отличается тем, что мы в большей степени вольны пускать или не пускать его в горизонт актуального бытия, вправе выбирать, чему наследовать, а что предать забвению. Историческое прошлое – это потенциально доступные для дискурсивной актуализации смыслы событий, предшествовавших настоящему этапам бытия сущего. Таким образом, «выбор памяти – это онтологическая селективность разума, решающего, какому событийному ряду длиться, а какому быть, по крайней мере, на время, прерванным, какому событию породить дихотомию смыслов, актуализирующихся в событиях настоящего-будущего, а какому пока оставаться в тупике архива» [1, с. 25]. Настоящее-будущее обладает ретроактивностью, уравновешивающей в динамике мирового процесса способность прошлого к перспективной трансляции своего влияния.

* * *

Актуальное бытие культуры разворачивается в пространстве, ограниченном двумя онтологическими горизонтами – областью бывшего, но сохраняющего важные смыслы, засвидетельствовавшего опыт чего-то трансвременного и экстраситуационно важного, и областью еще только формирующегося сущего, того, чему еще только предстоит сбыться – сбыться как сбывшемуся реальному осуществлению или как несбывшейся, но действительной возможности. Сама бытийная длительность времени задается континуальностью ретроспективных и перспективных связей, соединяющих все модальности пребывания сущего в нераздельный процесс креативной эволюции мира культуры. Движение актуального настоящего в конкретности своих осуществлений дает возможному возможность обрести, а затем и утратить, бытийное могущество действительного. Яркий, но всегда направленный назад ретроспективный свет контрастной – случилось или не случилось, да или нет – конкретности настоящего делает понятным, что из неслучившегося было еще не случившимся, было / стало частью вырастающей за спиной настоящего тени событийно осуществляющегося сущего.

Можно сказать, что ретро- и перспективные связи конституируют поле взаимосвязанных потенциальностей, в котором и разворачивается вся тотальность процессов эволюции человекосоразмерного сущего. Именно в этом первичном пространстве конституируются судьбы событий и именно это поле потенциальностей, поле Возможного

всех Возможностей, и является первичной топографией бытия мира культуры. Поэтому метаморфозы этого поля это, по сути, изменение самого пространства возможного, анализ этих метаморфоз можно считать абсолютно предельной задачей любой реалистической философии истории¹.

Разумеется, пространство возможного в каждый момент своего существования не является безграничным. Поэтому в синхроническом плане, оно, а точнее будет сказать, его границы, формируют горизонт возможного, только внутри которого и может происходить любое развитие. Поэтому у любого дискретного фрагмента исторического времени имеется сущностно-событийное содержание, бытие которого, актуально реализовавшееся или оставшееся потенциальным, было действительно возможным, и область невозможного. Но поскольку само пространство возможного в диахроническом плане никоим образом не инвариантно, то исторический процесс во всей целостности его становления обладает неограниченной потенцией креативности; он способен обеспечить субстратом возможности любой комплекс событий, но «в свое время», не ранее того, как реализация онтического сможет обрести причинный фундамент действительной онтологической возможности.

Любая используемая в анализе такого рода онтология должна как то позиционировать себя относительно проблематики так называемой всеобщей связи. При этом речь, как думается, не может идти о некоем радикальном, «либо то, либо другое, третьего не дано», выборе между детерминизмом и индетерминизмом. Обе эти крайности вообще применимы только по отношению к логике взаимодействия весьма примитивных объектов; разговор о таком феномене, как история, вряд ли совместим с подобным уровнем онтологического анализа. Поэтому мы будем интерпретировать всеобщую связь как, во-первых, связь транссобытийную. Это значит, что между двумя событиями, не являющимися членами одной событийной последовательности (событийного ряда), возможно взаимодействие путем прямой и/или дискурсивно опосредованной трансляции обладающих причинным потенциалом элементов. Во-вторых, эта транссобытийная связь у нас принципиально потенциальна по способу своей реализации: ее потенциальное наличие не означает, что между данными событиями в данный момент времени обязательно должна наличествовать актуальная, действительная связь. Наша интерпретация всеобщей связи, таким образом, может служить лишь для обоснования возможности трансвременного взаимодействия событий. Думается, что неправомерное отождествление Возможного и Обязательного как раз и превратило проблему всеобщей связи в некий камень преткновения онтологии.

Процессуальное понимание бытия, которое мы используем в данном анализе, предполагает наличие множества степеней и способов актуализации элементов прошлого и путей его трансляции. Эта множественность обеспечивает конститутивно необходимую для протекания процесса бытия вариативность. Однако вследствие этого прошлое не может быть определено как некая тотальность, как объект с единым для всех его элементов онтологическим статусом.

Вышеназванные обстоятельства тем не менее все же не дают повода уклониться от ответа на прямой вопрос «Что такое прошлое?». Ответ на него следует начать с констатации нетождественности, в том числе нетождественности онтологической, совокупного прошлого социокультурной эволюции и исторического прошлого. Первое – это сумма всего, что произошло ранее, глобальное прошлое всего настоящего, не под-

¹ Под таковыми в данном случае следует понимать любые версии философии истории, за исключением тех, где наличествует начало, замещающее или детерминистски замыкающее на себя каузально-референциальные структуры мира. К примеру, религиозная диалектика Ройса может считаться в такой классификации реалистической, любые версии провиденциализма и волюнтаристские концепции – нет.

дающееся тематизации ввиду своего недифференцируемого всеприсутствия. Никак не структурированное – ценностно, этически или еще как-либо – такое абсолютное, но в тоже время абстрактное прошлое лишено, подобно «третьему миру» К. Поппера, познающего (а значит и структурирующего, организующего) субъекта. Причем эту совокупность всего случившегося с людьми нельзя представить как некий космос, а обращающегося, подобно астроному, к его глубинам историка как некого исследователя-первооткрывателя ранее потаенного. Никаких «глубин» попросту еще не существует, как не существует в этой области познания самого момента погружения в ранее абсолютно неведомое. Это никак не структурированное «прошлое вообще» еще не является каким-либо порядком или даже его противоположностью, ведь само наличие хронологии уже предполагает рационализирующее вмешательство исследователя.

Последний тезис, конечно, нуждается в некоторой детализации: бытие прошлого, по крайней мере в контексте используемой нами в данной работе процессуальной онтологической схемы, является сообщающим предъявлением сущности, формой взаимодействия с иным. Заметим, что это верно (может быть верным, категоричность суждений здесь неуместна) не только в рамках процессуальной онтологии. Так, М. Хайдеггер полагал, что все наделенное историчностью само всегда пребывает во взаимосвязи становления. Можно утверждать, что в той единственно доступной нашему пониманию области реальности – в сфере действия сил рационализации – сообщение сущности происходит в динамике дискурсов культуры.

Что же касается непосредственно проблематики трансляции элементов прошлого, то следует отметить ее осложненность серьезными эпистемологическими парадоксами, генерируемыми, в первую очередь, самой историчностью субъектов познания, а также общественного сознания в целом. Несмотря на это, можно, и, как представляется, с достаточными на то основаниями, предположить, что транслируются лишь те элементы прошлого, которые обладают потенцией встраиваться в каузальные связи хронологически удаленных событий и событийных рядов, что, в свою очередь, обеспечивает их значимое и эффективное по своему характеру присутствие в других темпоральных горизонтах бытия. Это подразумевает их качественную стабильность, в дискурсивном плане они обязательно должны обладать определенной смысловой целостностью.

Вышеуказанные особенности транслируемых элементов прошлого являются одновременно проявлением их способности длительно бытийствовать в качестве одного из условий, определяющих динамику онтологического процесса. Такой способный к трансляции элемент должен, наряду с каузальной потенцией, обладать идентичностью, сохраняющейся, несмотря на вовлеченность в связи с качественно и генетически сильно от него отличающимся иным. В контексте данной онтологической схемы это свойство транслируемого прошлого может пониматься как его способность противостоять метаморфической силе актов интерпретации и, более узко, как стабильность при многократных концептуально-контекстуальных переходах.

Таким образом, историческое прошлое – это репрезентация начавшихся ранее, но все еще длящихся, развивающихся событий и событийных рядов в культурных горизонтах настоящего. Существование актуальной истории фундируется нашим вниманием к прошедшему, и серьезность этого внимания объясняется тем, что историческое прошлое ни в коем случае не является неким однажды полученным и более не требующим никакой заботы духовным наследством, напротив, его сохранение и пользование им требует непрерывной культурной работы. В социумах западного типа историческое прошлое не принимается как данность, каждая новая генерация критически модифицирует его в своих целях и сообразно со своими эпистемологическими и эстетическими стандартами. Заметим, что далеко не всегда можно даже по прошествии времени разглядеть в этих усилиях создать новое, «свое» прошлое прямую прагматическую необ-

ходимость, некий бесспорно рациональный мотив неприятия унаследованного исторического нарратива. Возможно, что такая «подвижность» прошлого служит залогом готовности создавать и обживать социокультурные пространства будущего.

Стоит также сказать, что релятивизма в таком креативном отношении к прошлому на самом деле немного. Подлинное историческое прошлое – это, выражаясь метафорически, отнюдь не требующий бережного сохранения след, оставленный машиной рационального бытия на ее пути «в сегодня», это неотъемлемая часть ее самой; бытие рациональности не одномоментно, оно ретроспективно и перспективно одновременно.

Нельзя не затронуть здесь и один из самых непростых для любой подобной онтологической концепции, вопросов: вопрос о судьбе тех феноменов, которые оказались по тем или иным причинам проигнорированными или забытыми [2, с. 61], не зафиксированы в дискурсах исторического знания и не оставили никаких дошедших до нас, пусть даже самых косвенных, следов. Исходя из вышеописанного понимания транссобытийной связи, достаточно очевидным выглядит следующее решение: можно допустить принципиальную возможность присутствия, хотя правильнее, с точки зрения данности или не данности, конечно, говорить об отсутствии – не проявляющих себя непознаваемых фрагментов прошлой реальности, уже более никак не связанных с остальными областями бытия сущего. Но это невозвратно прошедшее прошлое тоже является частью поля потенциальностей мира, пусть и парадоксальной. Эти области негативной каузальности суть тоже регионы первичной топографии мира. Области молчаливого отсутствия, не оставившие наделенных причинным потенциалом следов, они, тем не менее, «вмешиваются» в ход истории: самим своим отсутствием они привативно влияют на судьбы историчного сущего, ведь эти области пустоты навсегда утраченного неизбежно влияют на общую конфигурацию возможных каузальных и дискурсивно-каузальных транстемпоральных связей элементов бытия сущего. Эти утраченные области, области Небытия бывшего, находятся, тем не менее, внутри пространства взаимодействий разделенных временем событий истории, а раз так, то они тоже определяют его топографию, создавая в этом многомерном пространстве узкие места и запаздывания, влияющие на вероятность транссобытийных интеракций; пусть и слабо, но этот темный архипелаг Утраченного Навсегда все-таки участвует в формировании течений, заводей и водоворотов истории.

Движение познания, заранее не ограничивающее себя только ревизией онтически присутствующего, но стремящееся к действительному познанию своего объекта, в принципе может и даже должно выходить за пределы области предметно представленного сущего. И тогда построенная с учетом этого теоретическая конструкция может распространять свою реконструирующую деятельность «из области данного также и на не-данное» [3, с. 10].

Эта фраза В. Дильтея обращает внимание на очень важную онтогносеологическую особенность, присущую, по видимому, любому глубокому познавательному усилию, но особенно характерному для познания прошлого – на его способность к *движению за первоначально наличное*. Но ведь того, что не дано, нет. Познание не может просто пойти неким эпистемологическим крестовым походом на неведомое и двинуться за «не-данным» в пустоту его отсутствия. Поэтому единственным возможным выходом является создание объекта силами самого познания. То есть речь идет о том, что данное должно быть дополнено путем задействования креативных способностей сознания познающего. То, что все-таки было дано, некий неполный первоначальный объект, должно быть воссоздано до степени уже допускающей, в отличие от первоначального состояния, действительное познание восполненного до смыслосодержащей полноты объекта.

Мы видим, что описываемое как нельзя лучше подходит к типичной или, правильнее – ввиду обилия реинтерпретативных проектов в современной практике исторической науки – сказать, классической эпистемологической ситуации познания прошлого, провоцируемой нахождением новых, ранее неизвестных, фактических источников. Классический исторический объект дан всегда неполным, неполнота – это его онтологический атрибут, потому что объект прошлого всегда дан вне своего мира, он всегда в большей или меньшей степени деконтекстуализирован². Поэтому действительный девиз исторической эпистемологии, если бы у эпистемологий таковые должны были быть, мог бы быть таким: «Нет познания без воссоздания».

Прежде чем представить дальнейшее обоснование центральной для данной статьи онтологической схемы, стоит на время несколько изменить – в целях более полной экспликации особенностей времени и сущего истории – методологическую перспективу нашего анализа. Попробуем взглянуть на наш объект сквозь понятийную «призму» семиотического анализа. Итак, онтологическая предпосылка рассмотрения исторического события как семиозиса такова: событийно сбывшееся сущее, вытесненное ходом времени из актуальности бытия, под воздействием особых механизмов культуры претерпевают обратимую (обратимую потому, что иначе их познание будет бессмысленным и связь с актуальным процессом культурного бытия окажется с самого начала односторонней) символическую трансформацию. Это значит, что дискурс события переплавляется символизацией в бытийно иную вещь, смысл которой будет теперь ярким, но простым смыслом символа; смысл вернется на ступень назад, то, что он мог сказать раньше, сократится до акта символической саморепрезентации. В числе ответственных за осуществление этой трансформации механизмов, конечно, художественная литература, кино, средства пропаганды, СМИ и школьное историческое образование, причем если оценивать их исходя из силы влияния, то школьный учебник истории, с его часто причудливыми иллюстрациями и схемами («стрелой времени», «схемой трехполюя») и загадочными, похожими на заклинания, словесными формулами («вассал моего вассала не мой вассал»), – это некий сверхактивный источник массового семиозиса. И этот семиозис интересен следующим: поскольку через знакомство со стандартизированными учебниками проходят почти все члены общества, то это приводит к тому, что при помощи школьной истории закладывается стереотипическая картина прошлого, и именно к ней затем сознательно или по причине такой же индоктринации своих авторов, апеллируют все другие, имеющие какое-либо отношение к прошлому, культурные проекты.

Нельзя оспорить тот факт, что прошлое присутствует в культуре в форме различных символических структур, но это некая все-таки внешняя сторона его представленности, такое присутствие не обладает серьезным бытийным потенциалом. Символизированное прошлое – это прошлое, скорее, мимезиса, чем логоса. Конечно, первичное движение интенцирования некоего элемента прошлой реальности, что можно проверить интроспективно, предпочитает символ, но это лишь своего рода удобный мышлению адрес; впоследствии, на более поздних этапах, символы все равно заменяются полноценными интертекстуальными дискурсами знания, только они могут дать все необходимые для того или иного конкретного проекта смыслы – будь такой проект просто актом интеллектуальной жизни индивидуума, размышляющего об историческом прошлом, или это этап некоего профессионального научного исследования. Применение семиотических стратегий в анализе проблематики исторического прошлого, при

² Однако эта деконтекстуализация никогда не абсолютна, некий, пусть даже совсем неконгруэнтный эрзац-контекст референций к темпорально иному должен присутствовать при историческом объекте. В противном случае объект теряет сам статус исторического. Полностью лишенным контекста может быть только объект, не опознанный как исторический.

всем разнообразии операциональных и методологических возможностей, которые они могут предоставить, все же не является сколь либо серьезной альтернативой онтологическому, в собственном смысле этого понятия, исследованию свойств исторического прошлого.

Конечно, анализ таких превращений исторического прошлого, как символизация, символическая редукция, контекстуализация и деконтекстуализация символов и некоторых других, может дать очень многое, особенно в плане исследования конкретных элементов исторического знания. Но по способу своего бытия символ трансисторичен, ни один культурно-исторический локус не способен инкорпорировать его полностью, сколько бы своей аутентичности он не инвестировал в символ. Символы – это, до определенной степени, константы абстрактного надвременного целого культуры, подходящие кандидаты для того, что бы представлять различные культурные миры в некоем паноптикуме смысловых образований, наподобие «третьего мира» К. Поппера. При слишком сильном увлечении семиотическими техниками неизбежно возникает сложность и методологического характера: поскольку семиотический план аксиоматически вторичен по отношению к плану феноменальному, исследование рискует рано или поздно оказаться в весьма затруднительной ситуации бифуркации на два совсем не связанных друг с другом плана репрезентации объекта – статичный план трансформировавшегося в символические структуры прошлого и план его интерпретативных толкований, едва ли не полностью самостоятельный по отношению к первому. Историк в случае такого развития был бы смещен с позиции активного участника процессов трансформации культурного бытия, он оказался бы только неким оператором манипулятивного набора символических элементов, той или иной комбинацией которых может быть обозначено то или иное событие. Мы, с онто-гносеологической точки зрения, оказались бы в ситуации прошлого, данного лишь как эпифеномен, в ситуации разрыва онтологически действительной связи с ним.

Возвращаясь к нашему основному онтологическому плану, заметим, что креативностью связи между элементами прошлого, уже покинувшими актуальное бытие и находящимися еще только в процессе своего становления феноменами будущего, собственно, и оправдывается в конечном итоге существование истории. История как процесс эволюции сущего, базирующейся на экономии онтологически значимых смыслов, никак не может допустить потерю связи с ушедшими из горизонта актуального бытия событиями. Для современности бытия сущего это означало бы соотнесенность с горизонтом актуального Небытия, причем горизонтом, находящимся в начале, если смотреть «по ходу» времени, любого отрезка исторического развития.

Онтологически прошлое как составляющая бытия вовлечено в потенциально бесконечный процесс обеспечиваемого дискурсами культуры взаимодействия с гетеротемпоральным по отношению к нему сущим актуальной современности. Это взаимодействие конституируется актами дискурсивно опосредованного предоставления сущности – прошлое ведь суть осуществившееся, то есть уже располагающее сущностью как наличностью. В тоже время любой событийный момент актуального настоящего-будущего является становлением, и поэтому, не располагая еще в должной мере сформированной сущностью, он оказывается восприимчивым к уже наличествующему сущему прошлого. Еще окончательно не состоявшееся, но стремящееся к осуществлению сущее актуального «сейчас» мира культуры нуждается в наличном сущем прошлого как в компоненте транзитивной формы своего становления. В неопределенности событийного становления истории ставшее прошлого выступает как конкретно данное иное, положительная или отрицательная рецепция которого образует референциальный базис интенционального воления.

Выводы

1. Ретро- и перспективные связи конституируют поле взаимосвязанных потенциальностей, в котором и развертывается вся тотальность процессов эволюции человеко-соразмерного сущего. Именно в этом первичном пространстве конституируются судьбы событий, и именно это поле потенциальностей, поле Возможного всех Возможностей, является первичной топографией бытия мира культуры. Поэтому метаморфозы этого поля – это, по сути, изменение самого пространства возможного. Анализ этих метаморфоз можно считать абсолютно предельной задачей любой реалистической философии истории.

2. Историческое прошлое – это репрезентация начавшихся ранее, но все еще длящихся, развивающихся событий и событийных рядов в культурных горизонтах настоящего. Существование актуальной истории фундируется нашим вниманием к прошедшему, и серьезность этого внимания объясняется тем, что историческое прошлое ни в коем случае не является неким однажды полученным и более не требующим никакой заботы духовным наследством, напротив, его сохранение и пользование им требует непрерывной культурной работы.

3. Онтологически прошлое как составляющая бытия вовлечено в потенциально бесконечный процесс обеспечиваемого дискурсами культуры взаимодействия с гетеротемпоральным, по отношению к нему, сущим актуальной современности. Это взаимодействие конституируется актами дискурсивно опосредованного предоставления сущности, поскольку прошлое – суть осуществившееся, то есть уже располагающее сущностью как наличностью. В неопределенности событийного становления истории ставшее прошлого выступает как конкретно данное иное, положительная или отрицательная рецепция которого образует референциальный базис интенционального воления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Табачков, А. Интерпретация как способ познания исторического прошлого / А. Табачков. – Минск : РИВШ, 2007. – 94 с.
2. Дильтей, В. Описательная психология / В. Дильтей ; пер. Е. Зайцевой. – СПб. : Алетейя. – 2-е изд. – 1996. – 246 с.
3. Дильтей, В. Создание исторического мира в науке о духе / В. Дильтей. – М. : Азбука, 1997. – 376 с.

Tabachkov A.S. Ontology of Historical Process

In the article, the ontological plan of historical process is analyzed. The author starts with the thesis, according to which the historical past is the representation of events and events chains that had begun earlier, but still continuing and revealing itself in cultural horizons of the present. Thus indissolubility of intention of the future and retention of past makes the individual and collective doer the subject of history as duration of event. Therefore, in history, any event is co-existence with the past.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 20.12.07

УДК 130.3

В.И. Янковский

КОГНИТИВНО-РАЦИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

В статье анализируется когнитивно-рациональный уровень массового сознания. Определена содержательная организация каждого слоя данного уровня. Предложена структура следующих слоев: социальные представления масс, теоретико-идеологический, обыденное и практическое сознание, традиционное сознание. В качестве критериев для оценки состояния слоя социальных представлений масс предложены: социальные представления в пяти сферах общественных отношений – политической, правовой, экономической, культурной и социальной. В качестве основных единиц анализа состояния теоретико-идеологического слоя предложены: доминирующие идеологемы, идеологические ценности, доверие масс по отношению к проводимой в государстве идеологии. В качестве структурных элементов, выступающих предметом для сравнительного анализа состояния слоя обыденного и практического сознания предложены: потребность в безопасности, ориентировочная потребность, гедонистические потребности, потребность в эмоциональном насыщении, потребность в свободе, потребность в общении, потребность в познании, потребность смысла жизни, потребность в творчестве. В качестве единиц анализа состояния слоя традиционного сознания предложены следующие критерии: владение материальными благами, организация бытового пространства, образование, социально-ролевой статус в обществе, стереотипы социально одобряемого поведения, семейное жизнеустройство, социальная позиция, приобщенность к традиционной культуре, ориентированность на потребление духовных благ, духовные идеалы.

Введение

Согласно структурно-содержательной организации когнитивно-рационального уровня массового сознания, предложенной Л.Д. Столяренко, данный уровень представлен четырьмя слоями: слой кристаллизации устремлений масс, теоретико-идеологический слой, слой обыденного и практического сознания и слой традиционного сознания [1]. Мы разделяем авторскую позицию в отношении размежевания слоев, однако исходя из задач нашего исследования нами внесены некоторые коррективы в содержательную организацию и предложены единицы анализа состояния каждого слоя.

Слой социальных представлений масс

Семантическое значение слова «устремления» в толковом словаре русского языка трактуется как «тяготение; направленность к чему-либо; намерение; цель». Логично предположить, что устремления масс основываются на совокупности имеющихся у нее социальных представлений относительно всех сфер общественной жизни. Социальные представления, по мнению С. Московичи, – это «универсальный социально-психологический феномен, включающий все формы познания», объединяющий «идеи, мысли, образы и знание, которыми совместно пользуются члены коллектива (общности)» [2]. В его интерпретации природа социальных представлений – это ряд «понятий, высказываний и объяснений, возникающих в повседневной жизни в процессе межличностного общения. В нашем обществе они эквивалентны мифам и системам религиозных убеждений в традиционных обществах: их можно было бы даже назвать современным вариантом здравого смысла». Как отмечает Т.П. Емельянова, конструируя свое

Научный руководитель – Ч.С. Кирвель, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

представление о социальных изменениях, люди создают собственное видение существующих проблем, которое подчиняется определенным социально-психологическим закономерностям. Сформированные социальные представления ориентируют социальные действия масс и больших социальных групп. Анализ содержания этих представлений, с одной стороны, позволяет воссоздать отраженную в массовом сознании картину событий социальной, экономической и политической жизни, с другой – приблизиться к пониманию поведения масс. Как отмечено многими исследователями в этой области, пласт социальных представлений в массовом сознании достаточно велик и является основой для формирования массовых настроений, системы отношений масс к различным изменениям, происходящим в общественной жизни, а также целостной картины мира. Исходя из содержательной организации слоя кристаллизации устремлений масс, логичным представляется переименовать данный слой и обозначить его как «слой социальных представлений масс».

Учитывая, что в широком плане социальные представления – это свойства обыденного практического мышления, направленные на освоение и осмысление социального, материального и идеального окружения, обладающие особыми характеристиками в области организации содержания, ментальных операций и логики, изучить их содержание представляется возможным лишь опосредованно, через общественное мнение. Общественное мнение, совпадающее с вербальной реакцией масс и отдельных групп на различные события и факты социальной жизни, может выступать в качестве показателя изменений, происходящих в массовом сознании, что представляется особенно значимым в прогнозировании развития массовых форм реагирования на то или иное событие.

Анализ литературы по данной проблеме свидетельствует о том, что исследователи выделяют в области общественных отношений пять основных сфер: политическую, правовую, экономическую, культурную, социальную. Каждой сфере общественных отношений соответствует свой вид массового сознания, для которого характерен и свой спектр общественных мнений. Такой подход к анализу содержания и динамики общественного мнения в структуре массового сознания, на наш взгляд, не только создает условия для установления взаимосвязей между феноменом общественного мнения и другими элементами сознания масс, но и позволяет определиться с выбором критериев для оценки трансформаций массового сознания.

Таким образом, согласно логике нашей модели массового сознания, первым словом в когнитивно-рациональном уровне выступает слой социальных представлений масс. Критерием оценки состояния данного слоя являются социальные представления в пяти сферах общественных отношений – политической, правовой, экономической, культурной и социальной, выступающие предметом общественного мнения.

Теоретико-идеологический слой

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о возрастании в ходе исторического развития роли не только идеологических, но и социально-антропологических аспектов общественного сознания. На сегодняшний день все более очевидным становится тот факт, что дальнейшее продуктивное развитие анализа идеологического феномена в социальной теории невозможно без прояснения того аспекта, как в действительности реально существующие люди участвуют в процессе духовного производства, как и какие конкретные социально-практические действия индивидов опосредуют возобновление и изменение процесса общественного функционирования института идеологии. Кроме того, концептуально важным становится вопрос о том, каким образом идеи помогают людям конструировать пространство их повседневного социального существования и каким образом идеологический компонент отражается в массовом сознании.

В контексте настоящего исследования за основу был принят принцип социальной обусловленности происхождения и характера идеологических представлений как отдельных индивидов, так и масс в целом.

Согласно Ю.Г. Волкову, идеология может рассматриваться как определенная система производства, распределения и потребления духовных продуктов, включающая в себя систему идей, идеологических отношений субъектов по поводу создания и реализации элементов общей системы, деятельность идеологических институтов, а также объекта и субъекта идеологического воздействия [3]. В приведенной интерпретации идеология в широком смысле выступает в качестве основы социальной структуры общества, а в узком – как основа структурно-содержательной организации сознания отдельных групп, классических и неклассических сообществ.

Очевидно, что сама возможность существования какой-либо идеологии в рамках большой социальной общности определяется тем, насколько ее концепты будут приняты большинством, и не просто приняты, а трансформированы в необходимую духовную среду, в которой отдельные индивиды, входящие в это большинство, готовы проживать свои отношения с социальными структурами. При этом идеологические убеждения приобретают своеобразные мыслительные формы, мотивированные социальными интересами большинства и проявляющиеся на психологическом уровне как система инструментальных ценностей, на социально-психологическом – как феномен общественного знания, на социальном – как когнитивная составляющая феномена общественного мнения.

Возникая первоначально в рамках одного социально активного поколения (слоя, класса), идеологические концепты транслируются в последующие поколения, и идеология приобретает процессуальный характер производства значений, знаков и ценностей в общественной жизни. Ярким примером тому может выступить развитие советской идеологии, анализ этапов которой позволяет акцентировать внимание на двух принципиально важных моментах в контексте интересующей нас проблемы представленности в массовом сознании идеологического компонента. Во-первых, в конкретных исторических условиях массы выступают не только объектом, но и субъектом общественного сознания, не сводимого к развитию лишь официальной идеологии. Характерная особенность идеологического продукта состоит в том, что он не может быть потреблен иначе как путем одновременного его воспроизводства самим потребителем. Следовательно, массы выполняют роль активного начала в устройстве общественной жизни. Во-вторых, жизнеспособность идеологии определяется мерой включенности в массовое сознание идеологических ценностей, значений, знаков; превращением репрезентирующих природно-социальный мир абстрактных идеологем в инкорпорированную систему средств социальной ориентации; встраиванием идеологем в систему повседневных практик, которые в силу своей стандартности, типичности могли бы выступать в качестве шаблонов идеологически одобряемого или осуждаемого поведения. При этом, как отмечает ряд исследователей, важную роль в процессе постепенного принятия новых идеологических ценностей играет доверие масс по отношению к новой совокупности идей как смыслообразующей системе [4].

Таким образом, идеологический компонент в массовом сознании представлен, в отличие от элитарного, не системой теоретических идеологем, а системой отраженных идеологических ценностей.

Проведенный в рамках обозначенной нами проблемы социально-философский анализ отраженности идеологического компонента в массовом сознании позволяет обозначить несколько позиций:

1. Устойчивое функционирование идеологической системы определяется глубиной процесса интериоризации массами официальной идеологической концепции, на-

чало которого осуществляется в форме усвоения массовым сознанием идеологических концептов; в то же время завершение этого перехода характеризуется освоением идеологием в повседневной практике. В качестве конечного результата процесса интериоризации может рассматриваться включение идеологических ценностей в структуру менталитета масс и репродукция их в последующих поколениях.

2. В качестве основных единиц анализа состояния теоретико-идеологического слоя массового сознания конкретного культурно-исторического сообщества могут выступать:

- доминирующие идеологемы, оцениваемые по степени их включенности в массовое сознание;
- идеологические ценности, критерием для оценки которых являются шаблоны идеологически одобряемого или осуждаемого поведения;
- доверие масс по отношению к проводимой в государстве идеологии.

Слой обыденного и практического сознания

Выделение в структуре общественного сознания особого слоя (пласта, уровня), именуемого обыденным и (или) практическим сознанием, имеет давнюю исследовательскую традицию. История его изучения сопряжена с основными этапами философского осмысления сущности и организации массового общественного сознания [5]. Как свидетельствует проведенный нами анализ литературы по данной проблеме, на сегодняшний день большинство исследователей разделяют марксистскую точку зрения на содержание, определение и функции обыденного сознания. Согласно представлениям К. Маркса и Ф. Энгельса, обыденное (повседневное) сознание возникает как сознание повседневных нужд и потребностей людей. «Этот уровень сознания, не систематизированный в целом, включает опыт народных масс и разнообразные эмпирические знания, выработанные в процессе исторического развития» [6]. При этом Ф. Энгельс характеризует повседневное сознание как «здоровый человеческий рассудок» с присущим ему метафизическим способом мышления. Объединяя в данном определении повседневное и теоретическое (практическое) сознание, классики марксистской философии подчеркивают прежде всего целостность данного слоя общественного сознания и указывают на невозможность четкого разделения его на сознание повседневное, связанное с обыденными нуждами и потребностями, и сознание практическое, определяемое в большей степени «народными знаниями». Этот вопрос является принципиально важным в контексте определения основных критериев для оценки состояния этого слоя в массовом сознании. Учитывая отсутствие общепринятого определения и структурно-содержательной организации данного слоя, в качестве исходного понятия, семантически отражающего содержание слоя обыденного и практического сознания, мы будем использовать характеристику Ф. Энгельса, определяющего его как слой «здорового человеческого рассудка». При этом, исходя из общефилософского смысла, вкладываемое в понятие «рассудок» содержание данного слоя отражает жизнь массы через призму задач ее повседневного взаимодействия с миром. Очевидно, что эффективность этого взаимодействия предполагает направленное движение к рационализации; удовлетворению бытовых потребностей и нужд, используя возможности, связанные с научно-техническим прогрессом; стремление к улучшению качества повседневной жизни; приобретением возможностей для комфортной жизни. В таком понимании слой обыденного и практического сознания характеризуется поступательным движением в плоскости, которую условно можно обозначить как «обновление – преемственность – утрата». Обновление содержательной организации данного слоя осуществляется под воздействием развития науки и техники, достижения которой, с одной стороны, посредством массового производства становятся доступными для массового потребления, а с другой – позволяют

снизить долю физического труда. Преемственность обыденного и практического сознания выражается в сохранении ими некоторой части прежних привычек организации повседневного жизнеобустройства. Одновременно с преемственностью и обновлением происходит утрата многих привычек, навыков, стереотипов, противоречащих понятию «здорового человеческого рассудка» в новых изменившихся условиях обыденной жизни. Рассмотрение динамики обыденного и практического сознания в представленной плоскости весьма условно, схематично и не претендует на полноту его описания. Вместе с тем выделенные динамические характеристики (обновление, преемственность, утрата) могут выступить в качестве критериев оценки состояния данного слоя.

Логично предположить, что содержательная организация обыденного и практического сознания должна, во-первых, отражать его специфику и, во-вторых, быть описана в категориях, приемлемых для сравнительного анализа. Как показал анализ литературы, содержательная организация данного слоя не выступала предметом социально-философских исследований, в связи с чем в нашей модели мы будем использовать элементы схемы потребностей, предложенной С.Б. Кавериным [7].

Таким образом, структурно-содержательная организация слоя обыденного и практического сознания в нашей модели представлена совокупностью потребностей как фундаментальных свойств массы, определяющих ее воздействие с миром. Структурными элементами, выступающими предметом для сравнительного анализа состояния данного слоя, являются: потребность в безопасности и самосохранении; ориентировочная потребность; гедонистические потребности; потребность в эмоциональном насыщении; потребность в свободе; потребность в общении; потребность в познании; потребность смысла жизни; потребность в творчестве, творческом труде. Динамические характеристики (обновление, преемственность, утрата) могут выступить в качестве критериев оценки состояния данного слоя.

Слой традиционного сознания

Наличие в структуре массового сознания особого слоя, именуемого традиционным сознанием, – факт, который принимается большинством авторов социально-философских исследований.

С нашей точки зрения, слой традиционного сознания может быть представлен системой ценностей относительно основных сфер жизни массы. При этом структура такой системы должна носить универсальный характер вследствие универсального характера жизненных сфер любого массового общества, а содержание – отражать специфику ценностей массового сознания конкретного культурно-исторического сообщества.

Необходимо отметить, что в качестве основных сфер ценностных представлений масс исследователями выделяются следующие: потребительская, социальная, нравственная и духовная.

Таким образом, в разрабатываемой нами модели массового сознания слой традиционного сознания выступает как система ценностных представлений масс в потребительской, социальной, нравственной и духовной сферах. В качестве единиц анализа состояния данного слоя нами предлагаются следующие: владение материальными благами, организация бытового пространства, образование, социально-ролевой и профессиональный статус в обществе, социальная стратификация, стереотипы социально одобряемого поведения, семейное жизнеустройство, социальная позиция, приобщенность к традиционной культуре, ориентированность на потребление духовных благ, духовные идеалы.

Заклучение

Таким образом, в результате проведенного исследования нами сделаны следующие выводы:

1) в качестве критериев для оценки состояния слоя социальных представлений масс в когнитивно-рациональном уровне выступают: социальные представления масс в пяти сферах общественных отношений – политической, правовой, экономической, культурной и социальной, являющиеся предметом общественного мнения;

2) в качестве основных единиц анализа состояния теоретико-идеологического слоя массового сознания могут выступать: доминирующие идеологемы, оцениваемые по степени их включенности в массовое сознание; идеологические ценности, критерием для оценки которых являются шаблоны идеологически одобряемого или осуждаемого поведения; доверие масс по отношению к проводимой в государстве идеологии;

3) в качестве структурных элементов слоя обыденного и практического сознания являются: потребность в безопасности и самосохранении; ориентировочная потребность; гедонистические потребности; потребность в эмоциональном насыщении; потребность в свободе; потребность в общении; потребность в познании; потребность смысла жизни; потребность в творчестве, творческом труде;

4) в качестве единиц анализа состояния слоя традиционного сознания нами предлагаются следующие: владение материальными благами, организация бытового пространства, образование, социально-ролевой и профессиональный статус в обществе, социальная стратификация, стереотипы социально одобряемого поведения, семейное жизнеустройство, социальная позиция, приобщенность к традиционной культуре, ориентированность на потребление духовных благ, духовные идеалы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Столяренко, Л.Д. Трансформация массового сознания российского общества: социально-философский анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Л.Д. Столяренко. – Ростов н/Д, 2000. – 59 с.
2. Московичи, С. Социальное представление: исторический взгляд / С. Московичи // Психол. журнал. – 1995. – № 2. – С. 36–37.
3. Волков, Ю.Г. Идеология / Ю.Г. Волков. – СПб. – Ростов н/Д., 1996. – С. 8–20.
4. Бурдые, П. Практический смысл / П. Бурдые ; пер. с фр.: А.Т. Бикбов [и др.] ; отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2001. – 131 с.
5. Быстрицкий, Е.К. Научное познание и проблема понимания / Е.К. Быстрицкий. – К. : Модерн, 1986. – 168 с.
6. Маркс, К. Собрание сочинений : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Прогресс, 1984. – Т. 20. – 751 с.
7. Каверин, С.Б. Психологическая классификация потребностей / С.Б. Каверин // Вопросы психологии. – 1987. – № 5. – С. 121–129.

Yankouski V.I. Cognitive-rational Level of Consciousness of Mass

In the article is analyzed Cognitionly-rational level of consciousness of mass is analyzed in the article. On the basis of socially-philosophical analysis is certain the substantial organization of each layer of the given level. The structure is offered: social representations, theoretically-ideological, the ordinary and practical consciousness, traditional consciousness. We have revealed the attempt to find units of the analysis of each structural element.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 29.03.08

ПРАВА

УДК 347:17+347(476)

Ю.Н. Беспалый

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ, РАЗУМНОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

В статье автор исследует принципы гражданских правоотношений: добросовестность, разумность и справедливость. Актуальность исследования обоснована существованием диспропорций в понимании принципов различными субъектами гражданских правоотношений, ролью принципов в формировании гражданского законодательства, наличием пробелов в применении, а также необходимостью формирования единых подходов к пониманию принципов национальной правовой доктрины. Отличительной чертой исследования является обоснование взаимозависимости принципов, что подтверждается выводами автора, основанными на анализе функций принципов в регулировании гражданско-правовых отношений. На примере гражданского законодательства Нидерландов показана возможность совместного применения принципов добросовестности, разумности и справедливости. Исходя из особенностей применения данных принципов в регулировании гражданско-правовых институтов, учитывая исторические особенности их применения, автор дает определение принципов добросовестности, разумности и справедливости и показывает возможные перспективы их использования в гражданско-правовом регулировании в Республике Беларусь.

Современные гражданские правоотношения регулируются нормами, содержащими такие понятия, как добросовестность, разумность и справедливость. Об этом свидетельствует использование законодателем таких словосочетаний, как «разумные действия», «разумный срок», «разумное поведение», «разумная цена», «действовать добросовестно», «недобросовестное лицо», «добросовестный приобретатель», «справедливая цена», «справедливые расходы».

Основы гражданского законодательства Республики Беларусь включают в том числе и принципы добросовестности, разумности, а также справедливости, в определенной степени выраженной, по мнению автора, в закрепленном Гражданском кодексе Республики Беларусь принципе социальной направленности регулирования экономической деятельности. Многие институты гражданских правоотношений невозможно раскрыть без использования данных принципов, к примеру, добросовестное владение, пределы осуществления гражданских прав и обязанностей и др. Принципы выполняют свои особенные функции, а именно: регулятивную, системоформирующую, воспитательную, охранительную и др. Влияние принципов на систему гражданского законодательства как определяющих и регламентирующих гражданские отношения представляется очевидным. В то же время в правоприменительной практике существуют некоторые «затруднения» в применении, в частности, исследуемых принципов. Отчасти такие «затруднения» существуют в силу новизны данных принципов для субъектов правоприменительной деятельности, а также и потому, что этим правовым категориям не

Научный руководитель – В.А. Витушко, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Белорусского института правоведения

уделено должного внимания научной доктриной. Ранее место принципов добросовестности, разумности и справедливости было ограничено институтами аналогии права и добросовестного владения. В настоящее время принципы добросовестности, разумности и справедливости охватывают практически любые виды гражданских обязательств, что требует выработки новых подходов в их толковании и применении. Использование в правоприменительной практике принципов добросовестности, разумности и справедливости является предварительным условием возникновения судебного усмотрения или правотворчества, института, ранее не знакомого гражданско-правовой системе Республики Беларусь.

Исследуемые принципы всегда рассматривались как начало всей гражданско-правовой системы, основанное на стремлении участников гражданского оборота выстраивать упорядоченные, разумные, справедливые отношения. Однако можно полагать, что все участники гражданских правоотношений имеют свою точку зрения на понятия добросовестности, разумности и справедливости и соответственно по-разному стремятся к их соблюдению. Существование многих мнений может создавать затруднения при необходимости использования и применения данных принципов. Таким образом, существует острая необходимость выработки единых подходов в толковании принципов добросовестности, разумности и справедливости, и прежде всего в определении особенностей их применения как регулирующих гражданские правоотношения.

Полагаем, что принципы добросовестности, разумности и справедливости должны рассматриваться как взаимно дополняющие друг друга, как неотделимые. Такой подход основан на особенностях их применения, функций и целей в системе принципов гражданских правоотношений. Сравнивая различные нормы отечественного гражданского законодательства, можно заметить, что во многих нормах разумность, добросовестность и справедливость используются как в качестве самостоятельных понятий, так и взаимосвязанных. Принципы добросовестности, разумности и справедливости исторически развивались вместе, что подтверждается совместным их использованием в гражданском законодательстве как континентальной, так и англо-американской систем права, а также в международном частном праве. В качестве примера обратимся к гражданскому законодательству Нидерландов. В этой стране кодификация гражданского законодательства проводилась в 70–90-е гг. XX в. Законодатель использовал все современные подходы к данной проблеме, а именно – попытался найти компромисс между позитивным правом и судебским правотворчеством. Несмотря на детально разработанный массив гражданских норм, законодатель Нидерландов ввел концепцию «генеральных» норм, на наш взгляд, аналогичных принципам гражданских правоотношений Республики Беларусь. К ним, в первую очередь, относятся положения Гражданского кодекса Нидерландов, воплощающие концепцию добросовестности, которая пронизывает все основные составные части гражданского права. В кодексе понятие «добросовестность» (*bona fides*) раскрывается выражением «разумный и справедливый» [1, с. 92]. При этом законодатель установил, что «генеральные» нормы являются источником регулирования прав и обязанностей сторон договора. В силу этого «...суд при принятии решения не обязан применять условия договора, обычая или нормы закона, если в данных обстоятельствах их применение будет несовместимо с разумностью и справедливостью» [1, с. 93]. В то же время законодатель Нидерландов четко определил, что судебные органы не толкуют гражданские нормы на соответствие критерию добросовестности (разумности и справедливости). Критерии применяют для определения, насколько нормы гражданского законодательства, регулирующие данную сделку, будут совместимы с требованиями добросовестности (разумности и справедливости).

Принципы справедливости, добросовестности и разумности выражают характерные особенности своей отрасли права, что говорит о специфических свойствах, выявить которые можно в результате анализа практики правового регулирования. Учитывая дозволительный характер гражданских правоотношений, основанный прежде всего на предоставлении свободы участникам гражданских правоотношений и постулирующий принцип равенства участников гражданских правоотношений и защиту всех форм собственности, законодатель должен был ограничить проявление абсолютной свободы. Ограничение предпринимательской деятельности административными рычагами не всегда позволяет достичь повышения экономических результатов, но во многих случаях вызывает негативные тенденции. В таком случае субъекты хозяйствования будут для минимизации затрат стремиться преодолеть административные барьеры, закрывающие им прямой путь к получению прибыли, при этом бюрократический аппарат будет использовать все возможные способы для установления более «прочных» и «высоких», скорее, «непреодолимых» барьеров. Принципы добросовестности, разумности и справедливости конкретизируют гражданско-правовые запреты и дозволения, не приносят чуждый гражданскому праву административный метод, а, наоборот, требуют соответствия предпринимательской деятельности наиболее универсальным, совершенным, естественным запретам, вытекающим из дозволительного характера гражданских правоотношений и ограничений прав и свобод, установленных ст. 23 Конституции Республики Беларусь.

О том, что данные принципы представляют определенную структуру, свидетельствует и попытка некоторых исследователей расчленить ее на элементы. И если присоединиться к мнению, что структура есть закон связи ее элементов [2, с. 5], то структура принципа добросовестности, согласно В.А. Белову, может представляться как сочетание элементов «целесообразности, здравомыслия, разумности, экономичности, иногда сотрудничества и взаимопомощи» [3, с. 51]. Согласно другим исследователям, «добрая совесть» отражает осмотрительность, разумную осторожность, уважительное отношение к праву и контрагенту, исправное отношение к выполнению своих обязанностей», т. е. субъективные качества участника гражданско-правовых отношений [4, с. 80]. Принцип разумности отражает объективную сторону его действий и раскрывается через оценочные понятия «разумное предвидение», «разумное понимание», «разумная цена», «нормально необходимое» и др. [5, с. 115–117]. Содержание принципа справедливости одними исследователями выражается через такие понятия, как равенство, долженствование, соразмерность поступков, стремление к поиску компромиссов и т. д. [6, с. 15], другими – как равновесность и равная мера в праве [7, с. 8]. Можно рассматривать и такой вариант: справедливость есть итог проявления добросовестности и разумности. Таким образом, главными характеристиками рассматриваемых принципов является их интеллектуально-волевое содержание, тесно связанное с действиями субъекта правоотношений. Содержание данных принципов взаимодополняемо и взаимозависимо, что образует их единую структуру.

При определении изучаемых принципов мы полагаем необходимым исключение из области исследования морально-нравственных характеристик принципов добросовестности, разумности и справедливости. Такое исключение необходимо оправдать тем, что оно подведет данное исследование к более точному определению принципов. Исторически добросовестность, разумность и справедливость были категориями, лежащими в основе права. Право и справедливость, право и разумность, что разумно, то справедливо, – такие дихотомии были распространены в понимании права, в том числе и гражданского, вплоть до современности. Распространенная теория позитивного права устанавливала приоритет государства над естественным правом. Доктрина позитивного права исключала возможность неоднозначного толкования правоотношения или при-

менения оценочных норм. Однако в силу невозможности отделить право от принципов добросовестности, разумности и справедливости, они были отнесены теорией позитивного права к морально-нравственным категориям права и исключены из объектов изучения данной теорией. Очевидное влияние на понимание изучаемых принципов как морально-нравственных внесли различные теологические теории права, которые включали добросовестность, разумность и справедливость в область нравственности и морали и, наоборот, ставили последние выше норм, установленных государством, а включали их в естественное или, точнее, божественное право как открытые благодаря божественному откровению или изначально установленные.

В то же время, по нашему мнению, благодаря многомерности изучаемых принципов они не просто исключались из гражданско-правового метода регулирования, но трансформировались в нормы более высокого порядка. Об этом свидетельствуют такие функции, как воспитательная и системоформирующая, осуществление которых невозможно без обращения к морально-нравственным сторонам личности субъектов гражданских правоотношений.

Принципы добросовестности, разумности и справедливости являются своего рода «правовым маяком» в многообразии гражданских правоотношений, целью и идеалом гражданско-правовой системы и всех субъектов гражданско-правовых отношений. Но для применения данных принципов к регулированию гражданско-правовых отношений их морально-нравственные характеристики не имеют определяющего значения. Поэтому необходимо искать основания, особенности, помогающие определить изучаемые принципы не в области субъективной (моральной, психологической), а в объективной, т. е. в области реального поведения и действий участников гражданско-правовых отношений.

Принцип добросовестности получил наибольшее использование и признание в институтах добросовестного владения, недобросовестной конкуренции. Эти институты различаются по времени возникновения и по определению содержания добросовестности. Институт добросовестного владения известен со времен римского права. Еще римские юристы вывели формулу добросовестного владельца: добросовестный владелец «не знал, не должен знать о правах третьего лица на имущество», т. е. о своем неправомерном владении. Содержание добросовестности включило в себя действия нового владельца, соответствующие требованиям законодательства, предъявляемым к такого рода сделкам, и исключило любые действия владельца, допускающие нарушение прав третьих лиц на имущество. Только при этих условиях владелец вещи может быть признан добросовестным. Следовательно, в институте «добросовестного владения» добросовестность является критерием оценки поведения владельца по отношению к объективно существующим обстоятельствам.

Акты недобросовестной конкуренции можно сформулировать как заведомо ложные действия, наносящие вред репутации конкурента. В данном институте добросовестность определяется через недобросовестное поведение – использование ложных утверждений, введение в заблуждение и т. п. Недобросовестность – это заведомо противоправное поведение в отношении прав, интересов конкурентов. Такое поведение выражается в реальных действиях, например распространении ложной информации и т. п.

На примере вышеперечисленных институтов можно утверждать, что недобросовестность – это действия субъектов хозяйствования, направленные прежде всего на получение преимуществ, но осуществляемые в нарушение прав и законных интересов не только в отношении своих контрагентов, но и третьих лиц. При этом недобросовестность предполагает понимание (в некоторых случаях даже знание) субъектом противоправности своего деяния. Принцип добросовестности предполагает отношение к чужим правам и интересам как к своим собственным. Это требование является не вымышлен-

ным, а требованием реальным, т. е. предусматривающим заботливое и осмотрительное соблюдение прав и интересов всех участников гражданских правоотношений.

В широком смысле под принципом добросовестности участников гражданских правоотношений нами понимается правило поведения, устанавливающее необходимость заботливого, осмотрительного поведения, при котором исключается любое проявление неосмотрительности, небрежности, незнания в отношении прав, обязанностей и законных интересов участников гражданских правоотношений.

Категория «разумность» часто используется в регулировании гражданских правоотношений применительно к расходам, срокам, цене товара и т. п. Определяющее значение при использовании таких понятий, как разумная цена товара, разумный срок, разумные расходы и т. п., по нашему мнению, имеет некий абстрактный, общий для всех эквивалент поведения, то, как бы поступил в конкретном случае добросовестный субъект хозяйствования. Поэтому, определяя разумность, необходимо учитывать объективную реальность, в которой реализуются сроки, формируется цена или расходы и т. д. Учитывать такие объективные обстоятельства необходимо на основе сложившихся обычаев и профессиональных правил, действующих в данной области предпринимательской деятельности. Обычай и практика являются исторически выработанными в определенной области хозяйствования эквивалентами поведения. Полагая, что каждая сделка имеет свои особенности, при определении разумных сроков, цены товара и т. д., необходимо соотносить критерий «разумность» с целью и характером сделки. В таком случае исполнение не потеряет интереса для контрагента.

Принцип разумности участников гражданских правоотношений определяется нами как такое поведение лица, которое соответствует условиям и явлениям объективной реальности, социально-экономическим требованиям, общепринятым обычаям и профессиональным правилам, цели и характеру соответствующего правоотношения.

Принцип справедливости выведен еще в римском частном праве, где подчеркивалось, что справедливость заключается в воздаянии каждому своего, равного за равное. «Заслуживает внимание то обстоятельство, что Цельс (и другие римские юристы) для выражения справедливости права использует не понятие *justitia*, а понятия *boni* (добра) и *aequi* (эквивалента)...» [7, с. 533]. Справедливость всегда ассоциировалась с эквивалентностью, соразмерностью и представлялась в виде определенного стандарта поведения независимого от неправовых явлений. Категория справедливости также используется в таких понятиях, как «справедливые расходы», «справедливая цена» и в институте морального вреда как требование, т. е. принцип. Кроме приведенных примеров, по нашему мнению, принцип социальной направленности, закрепленный в ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь, есть не что иное, как принцип справедливости. Такой вывод следует из того, что принцип социальной направленности закреплен в Конституции Республики Беларусь, и то, что сам по себе принцип социальной направленности «не вписывается» в систему принципов гражданских правоотношений, но по содержанию он представляет эквивалент, равенство, равновесие между правами и интересами участников гражданских правоотношений, общества и третьих лиц.

Учитывая что принцип справедливости должен получить свое дальнейшее выразительное закрепление в регулировании гражданских правоотношений, применительно к современным гражданским правоотношениям этот принцип может быть определен следующим образом: справедливость заключается в таком поведении лица, которое не нарушает формальное равенство субъектов гражданских правоотношений и соответствует определенному стандарту поведения, предполагающему соблюдение соразмерности прав и законных интересов участников, третьих лиц и публичных институтов.

Исходя из вышеизложенного, автор хотел бы отметить, что принципы добросовестности, разумности и справедливости являются неотъемлемой частью гражданско-

правовой системы. Данные принципы представляют собой систему и должны применяться совместно, что предопределено их историческими и функциональными особенностями. Применяя принципы в регулировании гражданско-правовых отношений, необходимо учитывать объективные явления действительности, особенности гражданско-правового регулирования и другие факторы, имеющее значение в каждом конкретном случае. Применение принципов добросовестности, разумности и справедливости в гражданско-правовых отношениях Республики Беларусь не только подымет роль судебной власти, но и потребует достаточно высокого уровня профессионализма, а гражданским правоотношениям придаст менее «формальный характер».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданское и торговое право зарубежных государств : в 2 т. / отв. ред. Е.А. Васильев, А.С. Комаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Междунар. отношения, 2006. – Т. 1. – 560 с.
2. Протасов, В.Н. Правоотношение как система / В.Н. Протасов. – М. : Юридич. лит., 1991. – 142 с.
3. Белов, В.А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права / В.А. Белов // Законодательство. – 1998. – № 8. – С. 49–52.
4. Склоцкий, К. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России / К. Склоцкий // Хоз-во и право. – 2002. – № 9. – С. 79–94.
5. Емельянов, В.И. Разумность, добросовестность и злоупотребление гражданскими правами / В.И. Емельянов. – М. : Лекс-книга, 2002. – 158 с.
6. Ведяхина, К.В. Основные нравственно-этические и социально-политические принципы российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / К.В. Ведяхина ; Волгоград. акад. МВД. – Волгоград, 2001. – 29 с.
7. Веревичев, И.И. Справедливость и проблемы ее отражения в праве / И.И. Веревичев, А.И. Чучаев // Учен. зап. Ульянов. гос. ун-та. Сер. Право. – 1997. – № 1. – С. 3–13.
8. Нерсесянц, В.С. Философия права : учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2006. – 848 с.

Bespaly Y.N. Civil-law Principles of Honesty, Rationality and Justice: Definition and Perspectives of Use

In the article the author studied the principles of conscientiousness, reasonability and justice in the civil legal relations. The author explains the actuality of the existence of disproportions in the understanding of the principles by different subjects of the legal relations, the role of principles in the formation of law and the gaps in its application, as well as the necessity of the formation of single approaches to the understanding of the principles of the national law doctrine. The outstanding feature of the research is that the author singles out the mutual dependence of the principles, which is supported by the author's conclusions based on the functions of the principles in the regulation of the legal relations, their role and character. In the article the author gives a definition of the principles of conscientiousness, reasonability, justice and shows possible influence of the principles on the legal system of the Republic of Belarus.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 12.03.09

УДК 341.9:339.726.5

Э.Л. Король

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЧАСТНОПРАВОВЫХ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ НАЧАЛ В РЕГУЛИРОВАНИИ ИНСТИТУТА РЕСТИТУЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Настоящая статья посвящена исследованию вопросов соотношения частных и публичных начал в правовом регулировании института реституции культурных ценностей. В работе акцентировано внимание на соотношение и взаимодействие международного и международного частного права с позиции размежевания права публичного и частного, проанализированы различные теории правовой природы норм международного частного права, дана попытка определить место международного частного права в правовой системе. Исследуется проблема реституции, показано наличие различных смысловых аспектов данной проблемы, а также неоднозначность ее понимания в правовой науке. В статье обосновывается частно-публичная природа института реституции культурных ценностей, его вещно-правовой характер, тесная связь института реституции с институтом собственности, а также необходимость исследования проблемы реституции культурных ценностей в рамках науки международного частного права.

Введение

Вопрос о делении права на частное и публичное и их соотношении имеет давнюю историю развития. С первых попыток теоретического осмысления права как феномена общественной жизни фактически и берет начало проблема дуализма в праве. К исследованию данной проблемы обращались такие ученые дореволюционного и советского периода, как Г.Ф. Шершеневич, Д.И. Мейер, С.А. Муромцев, Ю.С. Гамбаров, И.А. Покровский, М.М. Агарков, Б.Б. Черепяхин. Из современных исследователей можно назвать С.С. Алексеева, В.В. Лазарева, Ю.А. Тихомирова, Л.П. Ануфриеву, В.С. Белых и др. Но если на предыдущих этапах развития теории права главным был вопрос об отличиях публичного права от частного, их качественных особенностях, то в современном правоведении на первое место вышла проблема их *взаимосвязи и взаимодействия*. Поэтому целью настоящей работы является попытка выявить особенности взаимопроникновения частных и публичных начал в разрезе их воздействия на институт реституции культурных ценностей.

Природа норм международного частного права

Для С.С. Алексеева публичное право – сфера власти и подчинения, построенная на принципах подчиненности, субординации. Частное право – сфера господства «горизонтальных» отношений, основанных на юридическом равенстве субъектов, координации их воли и интересов [1, с. 73–74]. «...в практической жизни, – пишет С.С. Алексеев, – особенно на нынешних этапах развития общества, публичное и частное право во многих случаях оказываются «перемешанными»: в жизненных отношениях довольно часто наличествуют разнопрофильные элементы, одни из которых относятся к частному праву, другие – к публичному» [2, с. 26].

По мнению В.В. Лазарева, частное право – это область свободы, децентрализации, а не централизованного регулирования, а публичное право – это сфера господства императивных начал, необходимости, а не автономии воли и частной инициативы [3, с. 176]. Ученый отмечает также взаимопроникновение частных и публичных элементов, их комбинирование применительно к каждой конкретной отрасли права.

С точки зрения Ю.А. Тихомирова, частное право не может существовать без публичного права, его институтов. Элементы публичного права все глубже проникают в ткань отраслей частного права. Ю.А. Тихомиров подчеркивает также существенное

изменение и самого публичного права, в котором складывается определенный паритет частных и публичных начал [4, с. 26].

Таким образом, современная теория права не проводит строгой линии между публичным и частным правом. Деление права на отрасли публичные и частные производится с оговоркой о взаимосвязи и взаимопроникновении частных и публичных элементов. Именно такое взаимопроникновение хотелось бы рассмотреть в плоскости *соотношения и взаимодействия международного (международного публичного) и международного частного права*.

Как отмечает Л.П. Ануфриева, изучение взаимодействия международного и международного частного права «способствует их внутреннему самораскрытию и развитию, ибо любой объект может быть понят и определен лишь в системе отношений и взаимодействия с другими окружающими явлениями, их частями, гранями и свойствами – познание вещей означает познание их взаимодействия» [5, с. 42–43].

Предметом международного права являются *межгосударственные отношения*. Отличительной особенностью данных отношений является особое качество, присущее их основному субъекту (государству), – *суверенитет*, а также наличие хотя бы у одной из сторон *властных полномочий*. Субъектами международного права могут быть только участники межгосударственных отношений: государства, межправительственные организации, вольные города и другие государствовподобные образования [6, с. 30–31; 7, с. 22].

Большинство современных исследователей сходятся в понимании предмета международного частного права как частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом (частноправовых отношений трансграничного характера). Отличительной особенностью этих отношений является отсутствие у субъектов властных полномочий по отношению друг к другу и, следовательно, их взаимодействие на «горизонтальной», равноправной основе.

Вопрос о соотношении международного и международного частного права имманентно связан с проблемой существования международной и национальной систем права и должен быть рассмотрен через призму соотношения этих систем. Общеизвестным в науке является положение, что международное и национальное право являются самостоятельными правовыми системами, которые в то же время находятся в постоянном соприкосновении, взаимовлиянии друг на друга. Поиск места международного частного права в юридической системе порождает неослабевающие дискуссии среди ученых-правоведов.

Существует несколько точек зрения. Одни относят международное частное право к международному праву в широком смысле (С.Б. Крылов, С.А. Малинин, Л.Н. Галенская). Другие относят международное частное право к национальному законодательству государства (М.М. Богуславский, Г.К. Дмитриева, В.П. Звеков, А.Л. Маковский). Есть и третья точка зрения, которая выступает определенным «компромиссом» между двумя вышеперечисленными теориями: международное частное право – это «полисистемный комплекс», который частично относится к международному праву и частично – к внутригосударственному (А.Н. Макаров, Р.А. Мюллерсон, В.Г. Тихиня).

Взгляд на международное частное право только как на область международного права, как представляется, игнорирует то, что большинство норм международного частного права (в частности коллизионных) создается на национальном уровне, которые являются неотъемлемой частью внутреннего законодательства государства. Отнесение же международного частного права только к национальному законодательству приводит к констатации того, что его нормы должны содержаться только во внутригосудар-

ственных источниках права. Таким образом, недооценивается роль международных договоров и обычаев.

Представителя теории международного частного права как части национального права обосновывают необходимость трансформации (имплементации) норм международного договора во внутреннее право для того, чтобы они могли применяться в регулировании соответствующих отношений трансграничного характера, на основании чего и делается вывод о национальном характере всех действующих в этой сфере правовых норм. Но нельзя полностью согласиться с тем, что нормы международных договоров могут применяться к субъектам частноправовых отношений лишь после их превращения в нормы национального права. Как обоснованно возражает этому положению В.Г. Храбсков, в области международного частного права трансформированные нормы становятся национальными лишь по форме; по своему существу они являются международными, являются выражением согласованной воли сотрудничающих государств. «Подлинным источником здесь выступает именно международносогласованная норма, а не ее национальная оболочка, – пишет В.Г. Храбсков, – которой может вообще не быть, если по праву данной страны для доведения до субъектов таких норм достаточно простого акта ратификации... Поэтому утверждение о том, что все источники в МЧП национальны, не соответствует действительности» [8, с. 46–48].

По нашему мнению, наиболее адекватно отражает место международного частного права в правовой системе и раскрывает суть этой сложной правовой материи *теория международного частного права как «полисистемного комплекса»*. Международное частное право в соответствие с названной теорией включает в себя как конкретные части национально-правовых систем, так и определенные части международного права, не исключая при этом из последних соответствующую совокупность норм. Эта точка зрения была высказана еще в 20-е годы А.Н. Макаровым [9, с. 67], а затем разработана Р.А. Мюллерсоном [10, с. 64–83]. Среди современных представителей этой теории можно назвать В.С. Белых [9, с. 66–67], В.Г. Тихиню [11, с. 13–14].

Представителями названной теории за основу берется положение, что нормы, регулирующие частноправовые отношения с иностранным элементом (международные отношения невластного характера), одновременно принадлежат к различным системам права – национальному и международному праву, поскольку содержатся как в источниках внутригосударственного права, так и в источниках международного права – в международных договорах и обычаях.

Ученые отмечают также тесную взаимосвязанность содержащихся в различных системах права норм, призванных регулировать общественные отношения, входящие в предмет международного частного права. «Без их взаимодействия, – пишет Р.А. Мюллерсон, – невозможно правовое регулирование международных отношений невластного характера, т. е. между ними существует функциональная зависимость, непосредственные связи осуществляются посредством коллизионных либо отсылочных к международному праву норм. Все это позволяет говорить об МЧП как об определенном полисистемном комплексе, состоящем из относительно самостоятельных «блоков», совокупностей норм, которые, не образуя целостной системы, сохраняя свое место в соответствующих «базисных» системах права (в национальном или международном праве), взаимодействуют определенным образом друг с другом при регулировании международных отношений невластного характера» [10, с. 81].

Специфичность международного частного права как правового комплекса порождает порой в своей правовой материи сложную научную проблематику, в основе которой лежит тесное взаимодействие частных и публичных элементов. Данные проблемы имеют большой научный интерес, поскольку возникают на пересечении частных и публичных начал в разрезе международных отношений, отражают в себе взаимодей-

стве международного и международного частного права. Одной из таких проблем является *проблема реституции культурных ценностей*.

Частные и публичные аспекты проблемы реституции культурных ценностей

С точки зрения этимологии термин «реституция» (от лат. *restitutio*) означает «восстановление», «возврат», «возмещение». В самом широком смысле – это восстановление некоторого состояния или объекта. Семантическое значение слова «реституция» сводится к «восстановлению (возвращению) в первоначальном положении». Применительно к культурным ценностям термин «реституция» употребляется обычно в смысле возвращения культурных ценностей собственнику или в страну происхождения.

Следует обратить внимание, что проблема реституции изучается современной доктриной и в рамках гражданского права. Так, в цивилистике под реституцией понимается обязанность каждой из сторон возвратить все полученное по недействительной сделке, а в случае невозможности возместить полученное в натуре – возместить его стоимость в деньгах [12, с. 485].

Проблема реституции в международном аспекте рассматривается с позиции международного права преимущественно как *форма материальной ответственности государства*, виновного в совершении акта агрессии или иного международно-противоправного деяния, выражающейся в обязанности данного государства устранить или уменьшить причиненный другому государству материальный ущерб, восстановив прежнее состояние [6, с. 645; 7, с. 200].

Несколько иную от общепризнанной позицию занимает Л.Г. Галенская, по мнению которой проблему реституции можно рассматривать в рамках института ответственности в международном праве, но с некоторыми оговорками: во-первых, возврат культурных ценностей представляет собой возмещение ущерба, причиненного в ходе военных действий; во-вторых, возврат похищенного не следует рассматривать в качестве формы ответственности, поскольку никакой кары такой возврат не несет, просто все возвращается в прежнее состояние [13, с. 215].

В основе правовой проблемы реституции лежат сложившиеся еще до Второй мировой войны нормы обычного международного права о возвращении имущества, незаконно изъятого и вывезенного одним государством с оккупированной им территории другого. Правило о реституции получило свое отражение в системе мирных договоров Версальской системы, заключенных после окончания Первой мировой войны [14, с. 246]. Обязательства по реституции незаконно вывезенного имущества, в том числе и предметов культурного наследия, были отражены в последующем и в нормах Мирных договоров 1947 г. Как отмечает М.М. Богуславский, именно в Мирных договорах 1947 г. был заложен, а во многочисленных последующих международных соглашениях получил свое закрепление общий принцип реституции: **культурные ценности, незаконно вывезенные из одной страны в другую, подлежат возврату** (выделено мной – Э.К.) [15, с. 114].

В соглашениях универсального характера указанный принцип впервые был отражен в нормах Конвенции о защите культурных ценностей во время вооруженного конфликта 1954 г., а точнее – в Протоколе 1954 г. к ней [16], в котором получили закрепление основные положения о возвращении культурных ценностей, незаконно вывезенных с оккупированных территорий.

Таким образом, проблема реституции культурных ценностей в науке международного права рассматривается в разрезе института ответственности государства и имеет с этой позиции исключительно публичный оттенок, поскольку охватывает именно межгосударственные отношения.

Развитие международной торговли, расширение сферы международного гражданского оборота, создание единого экономического пространства в своей совокупно-

сти привели к тому, что в качестве товара наряду с другими вещами все чаще стали выступать культурные ценности. Но способы, по которым культурные ценности попадают в международный оборот, зачастую являются незаконными: хищение культурных ценностей из музеев, архивов, библиотек, частных коллекций, их незаконный вывоз за пределы государства, их продажа в нарушение норм права и др.

Именно на пресечение незаконного оборота культурных ценностей направлен ряд международных конвенций, в частности, Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 г., Конвенция УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям 1995 г. (Республика Беларусь на сегодняшний день является лишь участницей Конвенции 1970 г.).

В свете данных международных актов, и в особенности Конвенции УНИДРУА 1995 г., проблема реституции, как представляется, приобрела несколько другую смысловую нагрузку. Наряду с понятием реституции как формы ответственности государства в международном праве, *сформировалось понятие реституции культурных ценностей как определенного средства защиты права собственности, направленного на возвращение похищенных культурных ценностей собственнику или в страну происхождения в условиях международного гражданского оборота*. То есть проблема реституции в названном аспекте уже не связывается с причинением материального ущерба культурному достоянию одним государством другому во время вооруженных действий. Проблема реституции культурных ценностей получила частноправовую окраску и стала самостоятельным предметом исследования науки международного частного права.

Возникая на почве международного оборота культурных ценностей, проблема реституции неразрывно связана с такими частноправовыми вопросами, как собственность на культурные ценности и ее защита, добросовестность приобретения культурных ценностей и статус добросовестного приобретателя, приобретательная давность на культурные ценности, виндикация культурных ценностей и др. Вместе с этим проблема реституции культурных ценностей сохраняет в себе и определенные публичные начала: субъектами реституционного правоотношения наряду с гражданами и юридическими лицами может быть государство.

Таким образом, можно говорить о том, что сформировался новый *частноправовой институт реституции культурных ценностей*, который, несмотря на наличие публичных элементов, все же тесным образом примыкает к институту собственности и его защиты и имеет вещно-правовой характер. Тем самым, на наш взгляд, *проблема реституции культурных ценностей* в рассматриваемом аспекте является *предметом изучения науки международного частного права*.

Между тем, значение термина «реституция» как в науке международного, так и в науке международного частного права имеет, на наш взгляд, общий правовой смысл, который сводится к *восстановлению в первоначальном положении*, то есть в положении, существовавшем до совершения определенных действий (будь то акт агрессии государства или факт хищения культурной ценности). ***Правовая идея реституции заключается в восстановлении имущественного (материального) положения путем возвращения всего неправомерно полученного.***

Подводя итог настоящей работе, отметим, что проблема реституции является сложной частно-публичной правовой проблемой, которая возникает при взаимодействии международного и международного частного права, частных и публичных начал в правовом регулировании международных отношений с участие культурных ценностей и требует самостоятельного научного исследования и анализа.

Заключение

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. Вопрос о соотношении международного (международного публичного) права и международного частного права имманентно связан с проблемой существования международной и национальной систем права, а также с определением природы норм международного частного права и его места в системе права. Международное частное право представляет собой «полисистемный комплекс», в который входят определенные части национально-правовых систем и соответствующие части международного права.

2. Проблема реституции культурных ценностей в ее международном аспекте является предметом изучения как науки международного права, так и науки международного частного права, может рассматриваться соответственно в разрезе института ответственности государства и средства (способа) защиты права собственности на культурные ценности в условиях международного гражданского оборота.

Несмотря на содержательное различие с позиции международного и международного частного права, проблема реституции культурных ценностей, тем не менее, имеет общий правовой смысл, который сводится к восстановлению в первоначальном положении, т.е. в имущественном (материальном), всего неправомерно полученного путем возвращения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : БЕК, 1995. – 320 с.
2. Алексеев, С.С. Частное право / С.С. Алексеев. – М. : Статут, 1999. – 158 с.
3. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В.В. Лазарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 1996. – 472 с.
4. Тихомиров, Ю.А. Публичное право : учебник / Ю.А. Тихомиров. – М. : БЕК, 1995. – 496 с.
5. Ануфриева, Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 ; 12.00.10 / Л.П. Ануфриева ; Рос. госуд. торгово-экон. ун-т. – М., 2004. – 53 с.
6. Международное право : учебник / отв. ред. В.И. Кузнецов. – М. : Юристъ, 2001. – 675 с.
7. Международное право : учебник для вузов / отв. ред. проф. Г.В. Игнатенко и проф. О.И. Тиунов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2004. – 624 с.
8. Храбсков, В.Г. Проблема разграничения международного публичного и международного частного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 ; 12.00.10 / В.Г. Храбсков ; Дипломатич. акад. МИД СССР. – М., 1990. – 55 с.
9. Белых, В.С. О соотношении частного и публичного права в правовом регулировании общественных отношений / В.С. Белых // Цивилистические записки : межвуз. сб. науч. тр. / Ин-т част. права – М. : Статут, 2004. – Вып. 3. – С. 61–73.
10. Мюллерсон, Р.А. Международное публичное и международное частное право: соотношение и взаимодействие / Р.А. Мюллерсон // Советский ежегодник международного права, 1985. – М., 1986. – С. 64–83.
11. Международное частное право : учебник / В.Г. Тихиня. – Минск : Право и экономика, 1995. – 345 с.
12. Гражданское право : учебник : в 2 ч. / под общ. ред. проф. В.Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2000. – Ч. 1. – 976 с.
13. Галенская, Л.Н. Музы и право. Правовые вопросы международного сотрудничества в области культуры / Л.Н. Галенская. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1987. – 220 с.

14. Богуславский, М.М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты / М.М. Богуславский. – М. : Юристъ, 2005. – 425 с.

15. Богуславский, М.М. Международная охрана культурных ценностей / М.М. Богуславский. – М. : Международные отношения, 1979. – 192 с.

16. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта («Гаагская конвенция») и Исполнительный регламент; Протокол к Конвенции, Резолюции Конвенции (14 мая 1954 г.); Второй Протокол к Конвенции (26 марта 1999 г.) // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции, Рекомендации). – М. : ЮниПринт, 2002. – С. 5–60.

Korol E.L. The Problem of the Parity of Private-law and Public-law Beginnings in Regulation of the Institute of Cultural Values Restitution

The article is devoted to the investigation of the questions connected with the problem of the existence the private and public law, the view of modern science on the law dualism, as well as various theories of the legal nature of norms of the international private law, its place in the legal system. The author of the article investigates various semantic aspects of the restitution problem and also ambiguity of its understanding in the law science. The author makes an attempt to prove that the institute of cultural values restitution have the private-public nature, real-legal character, and also its close connection with property institute.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 22.01.08

УДК 342.5

И.А. Плышевский

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Настоящая статья посвящена исследованию института главы Правительства Республики Беларусь, его роли в государственном механизме. В результате анализа конституционных норм, регламентирующих формирование данного органа, предлагается установить срок внесения кандидатуры Премьер-министра Президентом Республики Беларусь на рассмотрение в Палату представителей Национального собрания.

Автором рассматриваются отдельные моменты в механизме взаимодействия двух высших должностных лиц государства, Президента и Премьер-министра. Особое внимание в статье уделяется рассмотрению вопроса замещения поста Президента Премьер-министром при различных обстоятельствах, последовательно проведено изучение конституционно-правового статуса исполняющего обязанности. Приводятся примеры по регулированию подобных вопросов в практике иностранных государств.

По итогам проведенного исследования сделаны предложения по совершенствованию некоторых действующих норм национального законодательства.

Введение

Правительство занимает важное место в системе органов государственной власти. Оно является основным, центральным институтом управления государственными делами. В связи с этим можно констатировать, что ни одно государство не может обойтись без него.

Институт главы Правительства в Республике Беларусь довольно многогранен и интересен. Однако белорусское законодательство не позволяет нам утверждать, что действующие нормы ясно, точно и в полной мере регламентируют статус Премьер-министра. В частности, не получили своего отражения аспекты, определяющие срок, в течение которого вносится кандидатура Премьер-министра на обсуждение Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, а также не характеризуется положение, роль и компетенция института исполняющего обязанности Премьер-министра.

Премьер-министр неизменно занимал и занимает особое положение в государственном механизме любого государства. Более значимое – в политических системах, где он является фактическим главой исполнительной власти, а глава государства обладает символическими полномочиями, то есть в государствах с парламентарной формой правления. В президентских республиках должности премьер-министра может и не быть вообще, а главными, ключевыми полномочиями в сфере исполнительной власти обладает президент. Тем не менее, в составе правительства в той или иной мере есть лицо, занимающее и фактически и юридически приоритетное положение по отношению к другим членам, выполняющее задачи по согласованию, координации их деятельности.

Целью настоящей статьи является анализ действующих норм законодательства, регламентирующих правовой статус Премьер-министра в Республике Беларусь, а также его взаимодействие с Президентом страны. Данная публикация является частью комплексного изучения института правительства в республике.

Научный руководитель – Г.А. Василевич, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Беларусь, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета

В историографии советского времени по изучаемому вопросу не проводилось комплексных исследований, посвященных анализу конституционно-правового статуса первого лица Правительства. Вместе с тем заслуживают внимания труды И.Ш. Муксимова, Б.Н. Топорнина, И.Н. Ананова, Т.П. Коржихиной, Б.М. Лазарева, П.Т. Василенкова, Ю.М. Козлова, В.В. Лазарева, Б.Н. Габричидзе, предметом изучения которых являлся правовой статус органов государственной власти.

В отечественной научной литературе данная проблема также не поднималась. Однако особую ценность по данной тематике представляют работы таких известных ученых-конституционалистов, как Г.А. Василевич, А.Г. Тиковенко, А.В. Матусевич.

Основная часть

В осуществлении исполнительной власти Конституция Республики Беларусь [1] и действующее законодательство наделяет Премьер-министра особым статусом. В частности, Премьер-министр руководит работой всего Правительства, заседаниями Правительства и председательствует на них (Президент Республики Беларусь вправе также председательствовать на заседаниях Правительства). Представляет Парламенту программу деятельности, утверждает план заседаний Правительства и его Президиума, одобряет проект повестки дня конкретного заседания, распределяет обязанности между своими заместителями, подписывает акты Правительства, несет персональную ответственность за работу всего Правительства, вправе принимать собственные распоряжения по отдельным вопросам, а также выполняет другие функции, связанные с его организацией и деятельностью.

В ряде зарубежных государств особая роль первого лица Правительства также закреплена в Конституции. Так, согласно статье 65 Основного закона ФРГ «Федеральный канцлер устанавливает основные положения политики и несет за них ответственность». В соответствии со статьей 95 Конституции Италии «Председатель Совета министров руководит общей политикой Правительства и несет за нее ответственность. Он поддерживает единство политического и административного направления, поощряя и согласуя деятельность министров» [2, с. 200, 438].

Формирование Правительства в белорусском государстве – сфера компетенции Президента Республики Беларусь. В свою очередь, в частях 6 и 7 статьи 106 Основного Закона говорится только о его руководстве Премьер-министром.

Важно отметить, что в ряде стран, даже с президентской формой правления, члены правительства могут занять свой пост только с согласия законодательного органа. В свою очередь, в конституционной практике нашей республики такие примеры уже имели место. В соответствии с Конституцией Республики Беларусь в редакции 1994 года Президент имел право производить назначение и освобождение с ключевых должностей, таких, как премьер-министр, его заместители, министры иностранных дел, финансов, обороны, внутренних дел, председатель Комитета государственной безопасности только с согласия Верховного Совета. Также в бывшем СССР Президент назначал и освобождал от должности членов Правительства СССР по согласованию с Председателем Совета Министров СССР с последующим представлением на утверждение Верховного Совета, то есть окончательное решение принимал высший законодательный орган страны [3, с. 12].

Следует подчеркнуть, что формирование правительства, как правило, начинается с назначения Премьер-министра. В Республике Беларусь Президент назначает Премьер-министра с согласия Палаты представителей, и только он имеет право выдвигать кандидатуру Премьер-министра на обсуждение депутатов. Законодательством не предусматривается обязанность вносить альтернативные кандидатуры. Следует обратить внимание на то, что ни Конституция Республики Беларусь, ни другие нормативные акты не определяют срок, в течение которого Президент вносит в нижнюю палату предложение по кандидатуре Премьер-министра. В отечественной практике известны случаи, когда должность

первого лица Правительства была достаточно долгое время вакантной. Так, в 1996 году обязанности Премьер-министра в течение трех месяцев исполнял С.С. Линг, согласие на назначение которого Палата представителей дала только 19 февраля 1997 года [4, с. 737]. В свою очередь, действующий Премьер-министр С.С. Сидорский, прежде чем был назначен на должность в первый раз, исполнял обязанности Премьер-министра более пяти месяцев (с 10 июля по 19 декабря 2003 года).

На наш взгляд, таких долгих промежутков, когда пост одного из высших должностных лиц государства остается не утвержденным, следует избегать. Можно констатировать, что за это время глубоко подвергаются проверке деловые качества претендента на должность Премьер-министра, успешно ли он справляется со своими обязанностями. Тем не менее такое положение не может в полной мере способствовать нормализации политической обстановки в стране, стабильности в деятельности одного из высших органов государственной власти. Кроме того, другие члены Правительства также получают приставку «исполняющие обязанности». В Российской Федерации подобный вопрос получил свою регламентацию в части 2 статьи 8 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» [5], где Президент поручает исполнение обязанностей Председателя Правительства одному из его заместителей на срок до двух месяцев.

В этой связи предлагаем часть 5 статьи 106 Конституции Республики Беларусь и статью 19 Закона «О Совете Министров Республики Беларусь» дополнить следующей нормой: «Кандидатура Премьер-министра вносится Президентом Республики Беларусь в Палату представителей на рассмотрение не позднее двухнедельного срока со дня своего вступления в должность, после отставки Правительства или со времени начала первого дня работы нового состава Палаты представителей, в случае роспуска предыдущего состава (состава)».

Что касается кандидатуры на должность Премьер-министра, то действующее белорусское законодательство не определяет круг лиц, из числа которых следует выбирать кандидата, а также не устанавливает каких-либо специальных требований, сроков, цензов для назначения на пост Премьер-министра. Полагаем, этот вопрос должен найти свою нормативную регламентацию. В противном случае не исключена парадоксальная ситуация, которая имела место в практике Российской Федерации, где Президент в результате принятия своего же Указа № 281 от 23 марта 1998 года возложил на себя функции исполняющего обязанностей Председателя Правительства, правда, только на несколько часов [6, с. 45].

В государствах с парламентской формой правления существует следующий механизм формирования высшего исполнительного органа. К примеру, в Молдове Президент после консультаций с парламентским большинством выдвигает кандидатуру на должность Премьер-министра и на основании вотума доверия, выраженного парламентом, назначает Правительство (статья 82). Однако на практике существует сложный характер их взаимоотношений. Происходит это в результате того, что назначение Премьер-министра и все формирование исполнительного органа полностью зависит от вотума доверия парламента программе деятельности и всему составу Правительства, которую представляет в 15-дневный срок после выдвижения кандидат на должность Премьер-министра [7, с. 398–399, 403].

Показательна в своем роде и практика Украины. В декабре 1997 года парламентом был принят Закон «О временном исполнении обязанностей должностных лиц, которых назначает Президент или Верховная Рада Украины по представлению Президента Украины», устанавливающий правовой механизм регулирования этого вопроса. Так, предложение относительно кандидатуры на освободившуюся должность вносится Президентом по истечении 2 недель с момента увольнения должностного лица, следовательно, и Премьер-министра. Причем предложенные главой государства кандидатуры, согласие на назначе-

ние которых парламент не дал, повторно вноситься на рассмотрение не могут. Кроме этого, законом предусмотрено, что обязанности уволенного руководителя, который назначается на должность Верховной Радой по представлению Президента, временно, не более одного месяца, исполняет первый заместитель (заместитель) этого должностного лица [8, с. 215].

Следует обратить внимание на то, что Премьер-министр, как и лица, входящие в состав Правительства, не имеет права работать в других государственных органах, коммерческих организациях, заниматься предпринимательской деятельностью, а также любой оплачиваемой работой, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности. Но в то же время часть 3 статьи 92 Конституции Республики Беларусь допускает возможность депутату нижней палаты Парламента, Палаты представителей, быть одновременно членом Правительства. Из сказанного вытекает, что гражданин, являющийся государственным служащим, может работать в двух органах государственной власти, Совете Министров и Парламенте Республики Беларусь, одновременно. Следовательно, Премьер-министром может стать любой парламентарий, поскольку Премьер-министр является членом Правительства. Нам представляется, что депутату Палаты представителей, который при этом назначается на должность Премьер-министра, целесообразно отказаться от осуществления депутатских полномочий.

Кроме того, теоретически это предполагает и практически допускает возможность, когда представитель законодательной власти при стечении определенных обстоятельств реально может и должен (во исполнение Конституции Республики Беларусь) будет исполнять обязанности Президента Республики Беларусь, то есть выполнять функции главы государства. Это произойдет в том случае, когда Президент не в состоянии выполнять свои обязанности, так как их временно исполняет Премьер-министр.

Налицо прямое нарушение конституционных норм, в частности, части 1 статьи 86 (запрет Президенту занимать другие должности) и иных актов законодательства, а также противоречие принципу разделения властей, провозглашенному в статье 6 Конституции Республики Беларусь. Очевидно, все это не может не сказаться как на механизме функционирования отдельных высших органов государственной власти, так и государства в целом.

Более того, возникает еще одна коллизия. Так, депутатом Палаты представителей может являться гражданин Республики Беларусь, достигший 21 года (ч. 1 ст. 92), а Президентом возможно стать только тогда, когда кандидату исполнится не менее 35 лет. Следовательно, резонно возникает вопрос, кто будет замещать Президента в случае, когда Премьер-министром является лицо, не достигшее разрешительного возрастного ценза для главы государства? Появляется такая ситуация, которую действующее законодательство никак не регулирует.

Как известно, в соответствии со статьей 89 Основного Закона, в случае вакансии должности Президента или невозможности исполнения им своих обязанностей по основаниям, предусмотренным Конституцией, его полномочия до принесения Присяги вновь избранным Президентом переходят к Премьер-министру. При анализе данной конституционной нормы возникает множество вопросов. Во-первых, что значит «... полномочия ... переходят»? Следует ли понимать это так, что Премьер-министр слагает с себя полномочия первого лица Правительства и приступает к исполнению обязанностей Президента или же лицо фактически занимает пост премьер-министра, при этом исполняет еще президентские полномочия? Если имеет место первый вариант, то кто тогда будет исполнять обязанности Премьер-министра? Во-вторых, Премьер-министр наделяется полным объемом полномочий Президента или какой-то частью? То есть существуют ли определенные ограничения в полномочиях, как, например, в Российской Федерации, где исполняющий обязанности Президента Российской Федерации не имеет права распускать Государст-

венную Думу, назначать референдум, а также вносить предложения о поправках и пересмотре положений Конституции Российской Федерации (пункт 3 статьи 92) [7, с. 466]. В-третьих, при невозможности исполнения полномочий Президентом по состоянию здоровья допускается ли передача их на время, то есть с последующим возвращением Президента к исполнению своих обязанностей? В-четвертых, как регулируется процесс перехода полномочий Президента к Премьер-министру, при этом издается или нет кем-нибудь акт, фиксирующий все стадии данного процесса? Если да, то кем и в каких случаях? Все эти вопросы нуждаются в тщательном анализе.

Полагаем, стандартное для любого государственного органа (учреждения) положение, когда полномочия временно отсутствующего руководителя исполняет его заместитель, при этом продолжает фактически выполнять свои функциональные обязанности, не совсем применима в случае замещения должности Президента.

Если допустить, что Премьер-министр, являясь исполняющим обязанностей Президента, не слагает с себя функции руководителя Правительства, то возникает ситуация, когда одно лицо будет совмещать два высших государственных поста одновременно – Президента и Премьер-министра. Полагаем, подобная ситуация автоматически влечет за собой нарушение основных конституционных принципов, на которых базируется любое демократическое государство. Это принципы разделения властей, системы сдержек и противовесов, которые закреплены в статье 6 Конституции Республики Беларусь.

Логично предположить, что Премьер-министр при исполнении обязанностей Президента прекращает осуществление полномочий Премьер-министра. В свою очередь, функции первого лица Правительства переходят к его первому заместителю, который будет иметь статус исполняющего обязанностей, впрочем, как и весь состав Правительства в целом.

При ответе на следующий вопрос нужно принимать во внимание не только то, что Президент является главой государства и обладает обширным кругом полномочий, распространяющийся на все три власти: законодательную, исполнительную и судебную. Надо иметь в виду, что это еще и представительный, выборный орган. То есть человек, занимающий должность Президента, избирается и такой властью наделяется непосредственно народом Республики Беларусь. А в данном случае функции Президента, пусть и временно, придется выполнять гражданину, не получившему прямо такого доверия, несмотря на занятие другого важного поста в государстве.

Необходимость регламентации ограничений осуществления полномочий для исполняющего обязанности Президента представляется еще в том, что занятие данного поста носит временный характер и не должно кардинально повлиять как на существование, функционирование отдельной составляющей государственного механизма, так и республики в целом.

Следует согласиться с В.В. Лазаревым, по мнению которого «... значение ограничений видится в запрете предпринимать различные действия, которые могли бы нарушить существующий политический баланс, инициировать изменение основных правовых правил, на основе которых действуют различные ветви власти. ... Задача исполняющего обязанности Президента состоит только в решении текущих вопросов управления страной, обеспечения согласованного функционирования государственных органов, непрерывности власти до избрания нового Президента» [9].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что действующее законодательство Республики Беларусь не определяет каких-либо ограничений в полномочиях и для лица, которое является исполняющим обязанности Премьер-министра.

Для ответа на последующие два вопроса проанализируем конституционные нормы и действующее законодательство, регулирующие эти проблемы. Так, часть 1 статьи 88 Конституции, гласит «Президент Республики Беларусь может быть досрочно освобожден

от должности при стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять обязанности Президента...». Согласуются с ней и часть 1 статьи 214 Регламента Палаты представителей [10] и часть 1 статьи 246 Регламента Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь [11]. Решение принимается палатами Парламента на основании заключения специально создаваемой ими комиссии.

Кроме того, характер статьи 88 Конституции Республики Беларусь не позволяет однозначно определить, кто выступает инициатором освобождения от должности в данном случае: сам Президент по собственному желанию или какой-то другой орган государственной власти? Не исключается, что допустимы сразу два варианта. Заметим, что при возникновении определенных оснований, не позволяющих Президенту постоянно находиться при исполнении своих обязанностей или осуществлять их в полной мере и носящих временный характер, он не может после разрешения таких обстоятельств обратно занять свой пост. Другими словами, регулируемая нормами текущего законодательства процедура досрочного освобождения Президента от должности исключает возможность сложить полномочия на время. На наш взгляд, именно словосочетание «досрочно освобожден» исключает вариант возвращения Президента. К тому же, крайне сложно определить момент передачи полномочий президента Премьер-министру, то есть время, когда Премьер-министр приступает к исполнению обязанностей президента. Заметим, что и эта процедура на законодательном уровне не разрешена.

Собственно принятием соответствующей нормы можно урегулировать данный пробел. Для этого следует наделить парламент полномочием издавать акт, который позволит определить начало того, когда исполнение обязанностей Президента возлагается на Премьер-министра.

Вызывает интерес практика иностранных государств в регулировании подобных вопросов. В странах с президентской формой правления, например, США и некоторых других, где существует пост вице-президента, нет института исполняющего обязанности. Дело в том, что Президентом автоматически становится Вице-президент до окончания срока выполнения полномочий своего предшественника. В парламентских республиках глава государства обычно замещается председателем верхней палаты законодательного органа. В ФРГ – это президент Бундесрата, а в Италии – председатель Сената. Обратим внимание, что подобная ситуация была закреплена в Конституции Республики Беларусь редакции 1994 года, когда функции исполняющего обязанности Президента налагались на Председателя Верховного Совета (п. 1 ст. 105).

По-своему своеобразен пример Франции. Так, Конституция Франции устанавливает двухступенчатую схему замещения Президента. Функции главы французского государства, если этот пост по каким либо причинам вакантен, временно осуществляются председателем Сената, а если у последнего, в свою очередь, возникают препятствия, то Правительством. как и в России, где замещающее Президента лицо не может распустить Национальное собрание или назначить референдум. Подобная двухступенчатая схема замещения, кроме того, что выполняет подстраховочную функцию, еще и подчеркивает смешанную форму правления и некоторый паритет ветвей власти [12].

В свою очередь, «во всех бывших социалистических странах Центральной и Восточной Европы, за исключением Болгарии, Боснии и Герцеговины, в случае вакансии поста президента назначаются досрочные президентские выборы, а полномочия президента переходят к председателю парламента (в Словакии – к Председателю Правительства). Это связано с тем, что в данных странах, кроме Болгарии, Боснии и Герцеговины, нет поста вице-президента» [13, с. 79].

Об отношениях между двумя высшими органами государственной власти красноречиво говорит тот факт, что кроме Премьер-министра право председательствовать на заседаниях Правительства имеет и Президент Республики Беларусь, который также вправе

отменять его акты (п.п. 15, 25 статья 84 Конституции). Такое право свойственно, как правило, государствам с президентской или смешанной формой правления. Подобные формулировки предполагают, на наш взгляд, что глава государства реализовывает их по различным основаниям, то есть при решении вопросов в различных сферах деятельности, а нормы Закона «О Совете Министров Республики Беларусь» только дублируют конституционные нормы, не давая расширенного пояснения. Однако не совсем понятно, когда Президент председательствует на заседании, участвует ли он в голосовании, при принятии решения Правительством или нет? Следует заметить, что нормы, запрещающей Президенту участвовать в голосовании, нет. Более того, в соответствии с частью 4 статьи 32 Закона при равенстве голосов принятым считается решение, за которое проголосовал председательствующий [14].

Из сказанного следует, что теоретически Президент имеет право участвовать в голосовании. Однако на практике этим он ни разу не воспользовался. Но надо иметь в виду, что может наступить ситуация, когда количество голосов при принятии решения разделится на две равные части. Резонно возникает вопрос, какое решение принимает Правительство? Вместе с тем очевидно: даже если Президент и не имеет права голосовать на заседаниях Правительства, то аналогичная ситуация также не исключается. Кроме того, законодательство не определяет, имеет ли право Президент присутствовать на заседании, не председательствуя на нем? По всей видимости, Президент имеет право присутствовать на любых заседаниях Правительства и непременно будет являться Председателем, независимо от того, какие вопросы рассматриваются.

Обратим внимание, что некоторыми российскими учеными делались предложения об исключении из Конституции Российской Федерации нормы статьи 83 п. «б», предоставляющей Президенту право председательствовать на заседаниях Правительства [15, с. 21].

Заключение

Таким образом, проведенный анализ отдельных действующих правовых норм и практики их применения относительно определения статуса Премьер-министра в Республике Беларусь позволяет говорить о некотором их несовершенстве. Предлагается на законодательном уровне регламентировать сроки внесения кандидатуры Премьер-министра на рассмотрение, ограничения для лиц, являющихся исполняющими обязанностей Президента и Премьер-министра, а также основы их взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.
2. Конституции государств Европейского Союза. – М. : НОРМА-ИНФРА М, 1997. – 816 с.
3. Лазарев, Б.М. Президент СССР / Б.М. Лазарев // Советское государство и право. – 1990. – № 7. – С. 3–14.
4. Василевич, Г.А. Конституционное право Республики Беларусь : учебник. – Минск : Книжный Дом; Интерпрессервис, 2003. – 832 с.
5. О Правительстве Российской Федерации Федеральный конституционный закон : – М. : Ось-89, 2003. – 32 с.
6. Звягин, Ю.Г. О чем заставил задуматься правительственный кризис / Ю.Г. Звягин // Журнал Российского права. – 1999. – № 5–6. – С. 44–50.
7. Конституции государств – участников СНГ. – М. : НОРМА-ИНФРА М, 1999. – 736 с.

8. Опрышко, В.Ф. Конституционный статус Верховной Рады Украины / В.Ф. Опрышко // Журнал Российского права. – 1998. – № 4–5. – С. 211–218.
9. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. В.В. Лазарев // СПС «Гарант»: РФ [Электрон. ресурс]. – 2003.
10. О Регламенте Палаты представителей Национального собрания Респ. Беларусь : постановление Палаты представителей Национального собрания Респ. Беларусь, от 4 дек. 1997 г., № 415-П/III (ред. 30.06.2000) // Консультант Плюс : Беларусь [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – Минск, 2001. – № 4/2560.
11. О Регламенте Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь : Постановление Совета Респ. Национального собрания Респ. Беларусь, апр. 1998 г., № 278-СР/IV // Консультант Плюс : Беларусь [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – Минск, 1999. – № 4/832.
12. Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий / Отв. ред. В.А. Четвернин. – М., 1997. – 702 с.
13. Кынев, А.В. Сравнительный метод в исследованиях института президентства (на примере стран Центральной и Восточной Европы) / А.В. Кынев // Вестник Московского ун-та. Сер. 12. Политические науки. – 2002. – № 6. – С. 73–85.
14. О Совете Министров Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г., № 424-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 184. – 2/1521.
15. Материалы круглого стола «Современное состояние Российского законодательства и его систематизация» / подгот. Л.А. Морозова // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 21–37.

Plyshevski I.A. Certain Characteristics of the Prime-minister's of the Republic of Belarus Constitutional Status

Present article is devoted to the investigation of the institute of the government's head of the Republic of Belarus and his role in a state mechanism. It is proposed to establish a concrete period of nomination candidate to a prime-minister by the president for consideration of the House of Representatives of the Republic of Belarus by the analyzing of the constitutional norms regulated forming of present body.

It is considered by the author certain aspects in the mechanism of the cooperation between two chief executive state persons: president and prime-minister. It is given special attention in the article to the consideration of a question of a replacement of a president's post by the prime-minister in different circumstances. It is made the constitutional investigation of acting minister's status. There are a lot of examples of the regulation similar questions in a practice of modern countries.

Propositions on improvement of existent legislation certain norms' of national legislation are made in the issue of the present investigation.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 15.09.08

УДК 37.015.3

Е.И. Медведская

ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ ЛИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКА ВЗРОСЛЫМИ НЕПЕДАГОГАМИ

В статье представлены результаты сравнительного анализа особенностей понимания личности учеников с различными уровнями успеваемости взрослыми непедагогами. С помощью психосемантических методов выявлены принципиальные отличия стереотипа оценивания личности школьника от ранее зафиксированных у учителей, а именно: редукция формы и изменение содержания. Моделирование категориального строя сознания непедагогов в области понимания личности ученика показало, что оно отличается большей когнитивной сложностью и вариативностью личностных категорий, чем у педагогов.

Введение

В рамках педагогической психологии существует значительное количество эмпирических исследований когнитивного компонента педагогического общения, результаты которых, как правило, демонстрируют недостаточное для эффективного взаимодействия знание учителем личности школьника. Рассмотрение традиционной проблемы понимания учителем личности ученика в русле конструктивистской парадигмы психологии позволяет поставить ее по-новому, а именно, заменить привычный вопрос «Как полно и точно понимает учитель ученика?» на следующие вопросы: «Что именно учитель знает об ученике?», «Какие категориальные структуры сознания опосредуют понимание педагогом личности школьника?».

Для подобного изменения проблемы есть весомые теоретические основания, ведущим из которых выступает современное понимание сознания как некой созидательной силы, не только отражающей, но и конструирующей реальность: «Отражение – это то же порождение...» [1, с. 124]. Существование этой общей созидательной силы сознания в области межличностного взаимодействия демонстрируется в довольно широком круге феноменов, которые часто рассматриваются как частные случаи «самоисполняющихся пророчеств» (self-fulfilling prophecy). Например, «эффект Хоторна» (испытуемые, зная гипотезы исследования, ведут себя так, как ожидают экспериментаторы), «эффект плацебо» (одно только знание больных о полученном лечении приводит к изменению состояния), «эффект Пигмалиона» (ожидания руководителя влияют на показатели работоспособности у его подчиненных). В области педагогического познания эффект Пигмалиона более известен по экспериментальными исследованиям Р. Розенталя (1963, 1966, 1968) и заключается в том, что желание учителя зафиксировать определенное поведение учащихся существенно повышает вероятность такого поведения. Поэтому обозначенные выше вопросы можно с полным правом перефразировать и так: «Что именно созидает учитель в личности ученика?», «Какова та реальная, а не декларируемая, программа строительства личности ребенка, которая осуществляется педагогом?».

В предыдущих исследованиях автора, осуществленных в традициях конструктивистской парадигмы психологии и направленных на изучение категориального строя педагогического сознания в области понимания личности ученика [2–4], были выделены общие для учителей начальной и средней школы личностные категории-обобщения. Эти категории не только в равной мере присущи педагогам, работающим в различных звеньях школы, но и опосредуют понимание ими различных типов учеников, а именно школьников с различными уровнями успеваемости: высоким, средним и низким. Выбор именно этих объектов в качестве предмета изучения связан с феноменом субъективиз-

ма педагогической оценки учеников в зависимости от уровня их успеваемости, выявленным Б.Г. Ананьевым (1935) и неоднократно подтвержденным в последующих исследованиях (С.В. Кондратьева, 1984; Л.М. Митина, 1991; Л.М. Пулято, 1998; А.А. Реан, Я.Л. Коломинский, 2000 и др.). Иначе говоря, выявлена инвариантная для педагогического сознания система категорий, образованная тремя составляющими, легко соотносимыми с универсальными координатами человеческого сознания – «оценкой», «силой» и «активностью» (С.Е. Osgood, G. Suci, P. Tannenbaum, 1957; С.Е. Osgood, 1962).

Ведущей по субъективной значимости для педагогов выступила категория, обозначенная как «аморальность». Содержание этой основной категории представляет собой соединение разнопорядковых, но обязательно негативных личностных качеств. Хотя не все качества личности относятся собственно к моральному облику, однако именно негативные моральные качества (лицемерный, хитрый, лживый) являются в этой категории теми образующими, с которыми оказываются склеены и характеристики неадаптированности личности, ее психопатизации, завышенного самомнения. Именно внутренняя структура данной категории и аналогия с традиционно ведущим оценочным личностным фактором «моральность» в восприятии знакомых людей [5; 6] позволяет обозначать обсуждаемую категорию как «аморальность».

Выделение категории «аморальность» как наиболее значимого средства познания различных учеников (даже стереотипно наиболее личностно привлекательных для учителей и переоцениваемых отличников) является выражением особой педагогической позиции, заключающейся в понимании ребенка как «носителя зла» [7]. Такое обесценивающее отношение к ребенку присуще средневековой европейской культуре и еще более ранним архаическим сообществам, в которых господствовало отношение к детям как к неполноценным, маргинальным членам общества до прохождения ими обряда инициации (Ф. Арьес, 1999; А.Я. Гуревич, 1984; И.С. Кон, 1988; В.Т. Кудрявцев, 1998).

Другой личностной категорией, соотносимой с универсальной категорией «силы», вступила категория «послушание». Ведущие шкалы данного фактора отражают подчиняемость ребенка воздействиям взрослого (послушный, уважительный). С этими характеристиками внешнего контроля оказываются склеены и характеристики самоконтроля (организованный, ответственный). Но самое главное, что в сознании учителя управление ребенком соединено с характеристиками его нравственного развития (скромность, доброта, отзывчивость). Иначе говоря, учителя в отношении школьника имплицитно полагают, что «послушный» – это и есть «моральный».

Третьей инвариантной категорией, соответствующей универсальной категории «активность», является категория «коммуникабельность». В содержании данной категории оказались соединены: собственно коммуникативные черты (общительный, открытый, искренний), показатели нейродинамической активности (активный, энергичный) и характеристики позитивного нервно-психического состояния ребенка (веселый, жизнерадостный).

Выявленные особенности когнитивной организации знаний о личности ученика в педагогическом сознании позволяют считать это знание:

- житейским по происхождению;
- устаревшим по содержанию;
- стереотипным по форме;
- простым по внутренней организации;
- антигуманистическим по ценностно-мотивационной направленности.

Выявленная инвариантность категорий «аморальность», «послушание» и «коммуникабельность» позволяет говорить также и о культурно-исторической природе обозначенных категорий. Основанием для подобного утверждения выступают экспериментальные исследования А.Р. Лурии, посвященные изучению феномена культурной

опосредованности познавательных процессов: у людей с различной степенью образованности выявлена устойчивость и идентичность категорий мышления, которая «отражает исторически развившийся и унаследованный способ классификации предметов в окружающем нас мире» [8, с. 50]. Таким образом, А.Р. Лурия пришел к заключению, что и процессы обобщения и их результаты (категории мышления) «сами являются продуктами культурной среды» [8, с. 66].

На основании приведенного вывода А.Р. Лурии, можно считать инвариантные категории-обобщения, опосредующие понимание педагогом личности школьника, именно «продуктом культурной среды». Однако возникает следующий вопрос: продуктом какой именно культурной среды являются выявленные особенности понимания ученика? Выступают ли названные категории продуктом общекультурным, отражающим присущее нашему менталитету понимание ребенка взрослым как «носителя зла»? Или они являются специфическим продуктом именно профессионально-педагогической культуры? Поиск ответа на поставленный вопрос и является целью настоящего исследования. Можно предположить, что категории обыденного сознания будут частично совпадать с представленными выше категориями профессионально-педагогического сознания. Эта гипотеза основывается на следующих двух посылах. Первая – наличие у каждого человека длительного и разнообразного опыта общения с педагогами. Вторая – юный (а значит, и малокритичный к чужому мнению) возраст школьников, благодаря чему многие когнитивные модели учителей, в том числе и модель личности человека, усваиваются ребенком. Дополнительной задачей исследования выступает изучение феномена субъективизма педагогической оценки в обыденном сознании.

Организация исследования

В исследовании принимало участие 100 взрослых не педагогов. Эта случайная выборка была максимально приближена по гендерному и возрастному составу к изученных ранее групп учителей (95% женщин; возраст от 23 до 55 лет). В качестве основного инструмента исследования выступал метод семантического дифференциала, в котором экспериментальным материалом выступали 36 шкал – личностных характеристик. Отбор дескрипторов осуществлялся по следующим основным правилам: 1) были представлены все шесть суперфакторов, обозначающих ведущие личностные категории носителя русского языка [9]; 2) шкалы являлись однополюсными, чтобы увеличить «степени свободы» проекции когнитивных структур респондентов на экспериментальный материал [5].

По заданным шкалам семантического дифференциала респондентам предлагалось оценить трех учеников, отличающихся по уровню их успеваемости (высокий, средний, низкий), по 7-балльной шкале: от 1 – «качество выражено минимально» до 7 – «качество выражено максимально». В инструкции специально оговаривался свободный выбор респондентами учеников для оценивания, а именно: им предлагалось самостоятельно выбрать наиболее, на их взгляд, знакомых школьников с различными уровнями успеваемости – либо хорошо знакомых одноклассников своих детей, либо собственных одноклассников.

Для выявления категорий, опосредующих понимание взрослыми личности детей с различными уровнями успеваемости, строились групповые матрицы данных отдельно для каждого ученика – объекта шкалирования (всего шесть матриц: шкалы \times испытуемые). Обработка исходных матриц осуществлялась посредством факторного анализа (центрированный метод с подпрограммой поворота факторных структур varimax). Полученные в итоге факторы-категории соответствуют следующим критериям: 1) значимы по критерию Кайзера и 2) не случайны по субъективной значимости для респондентов (т. е. процент общей дисперсии фактора превышает 5%-ный порог).

Результаты и их обсуждение

Изложение полученных результатов производится в соответствии с основными этапами обработки данных. Первоначально представлены усредненные оценки, выставленные личности ученика по шкалам семантического дифференциала, затем излагаются результаты факторного анализа.

Усредненные профили оценок личностных качеств учащихся с различными уровнями успеваемости представлены на рисунке: школьник с высоким уровнем успеваемости (ряд 1), со средним уровнем (ряд 2) и с низким уровнем (ряд 3). Точки 1–22 на графике отражают оценки позитивных личностных качеств, точки 23–36 – негативных.

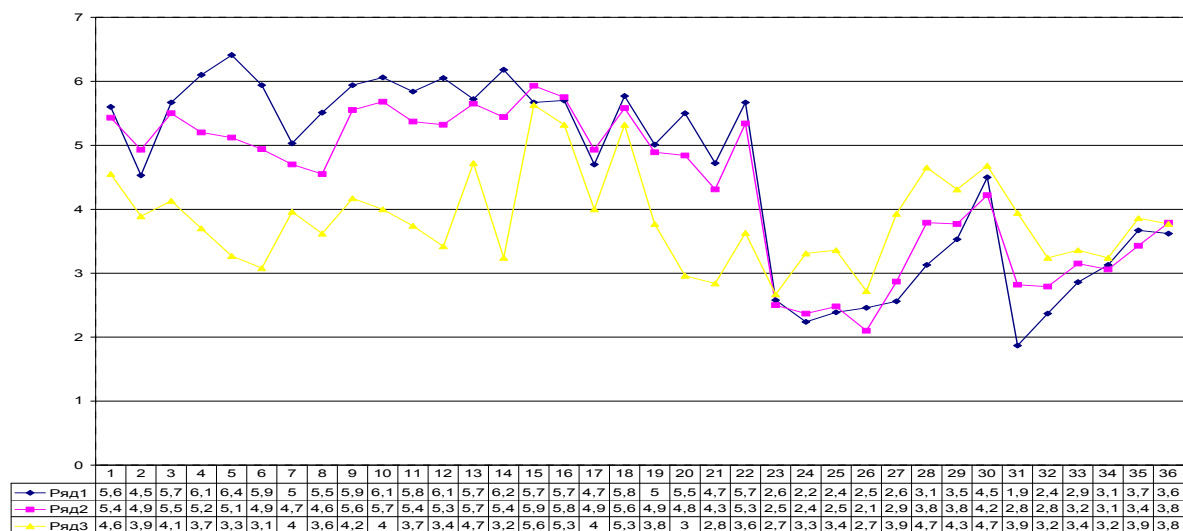

Рисунок – Усредненные профили оценок личности учеников с различными уровнями успеваемости

Данные, представленные на рисунке, демонстрируют фактическое совпадение общих конфигураций линий оценок для учеников с высокой и средней успеваемостью; профиль же оценок позитивных личностных качеств слабоуспевающих школьников несколько отличается. Однако в целом между всеми тремя объектами оценивания статистически достоверных отличий не обнаружено: коэффициент Стьюдента расположен в диапазоне от 0,018 до 0,585 при критическом $t = 2,63$ для $p \leq 0,01$.

Сравнительный анализ полученных в настоящем исследовании оценок взрослых непедагогов с описанными в литературе данными педагогических оценок показывает следующее.

Во-первых, феномен субъективизма педагогической оценки присутствует и у взрослых не педагогов. Во-вторых, он присутствует в несколько редуцированной форме и относится только к позитивным личностным качествам, а именно: сохраняется зависимость, чем выше успеваемость, тем выше и оценка личностных качеств. Относительно же негативных личностных качеств наблюдается тенденция к обратной зависимости: чем ниже успеваемость, тем ниже и оценка отрицательных черт.

В оценке личностных качеств учеников выявлены следующие семантические универсалии (при 10%-ном интервале допуска) [10]:

– Ученик с высоким уровнем успеваемости – умный (5), организованный (12), ответственный (14). Высокая оценка названных качеств большинством респондентов свидетельствует о наличии того же типа структурирования представлений педагогов о сильных учениках, который был зафиксирован Б.Г. Ананьевым: «Первый ученик» психически одноро-

ден в интеллектуально-волевом отношении... Эта однородность заключается в интеллектуализации всех психических процессов и в их волевой напряженности» [11, с. 192].

– Ученик со средним уровнем успеваемости – веселый (15) и общительный (16). Полученные в настоящем исследовании данные также соответствуют результатам исследования педагогической оценки Б.Г. Ананьева, а именно: при оценивании среднего ученика по сравнению с сильным становится иным принцип подхода в определении, который перемещается «в плоскость характеристики способа общительности» [11, с. 194].

– Ученик с низким уровнем успеваемости – веселый (15), общительный (16) и жизнерадостный (18). В структурировании представлений о личности слабоуспевающего школьника наблюдаются существенные отличия с приводимыми ранее данными Б.Г. Ананьева. Согласно исследованиям Б.Г. Ананьева этот тип структурированный представляет собой «последовательно негативное определение» [10, с. 211], центральным моментом которого выступает «инертность, пассивность и бездеятельность в учебной работе» [10, с. 212]. Современные же взрослые, как следует из представленных данных, вообще мало обращают внимание на эти параметры, например: активный (10), трудолюбивый (11), организованный (12), энергичный (13).

Семантические универсалии негативных личностных качеств учащихся выглядят следующим образом: хорошоуспевающий школьник – упрямый (30), самодовольный (35) и обидчивый (36); среднеуспевающий школьник – вспыльчивый (28), упрямый (30) и обидчивый (36); низкоуспевающий – вспыльчивый (28), упрямый (30). Здесь оценка значимых для большинства респондентов отрицательных качеств фактически совпадает и относится в первую очередь к качествам, провоцирующим сложности общения.

Для удобства анализа выявленные в обыденном сознании категории, опосредующие понимание учащихся с различными уровнями успеваемости, содержатся в таблице. Чтобы по возможности избежать субъективизма в интерпретации выделенных факторов-категорий, их названия даются с опорой на имплицитную концепцию личности (ИКЛ) носителя русского языка А.Г. Шмелева [9]. В таблице рядом с названием категории указана ее субъективная значимость для респондентов (% общей дисперсии) и приведена нагрузка образующих категорию шкал (только тех дескрипторов, чей вес превышает 1%-ный уровень статистической достоверности, а именно: $r \leq 0,43$).

Таблица – Категории понимания личности учеников с различными уровнями успеваемости

Ф	Ученик с высокой успеваемостью		Ученик со средней успеваемостью		Ученик с низкой успеваемостью	
1	«Активность» (26,6%)		«Самомнение» (27%)		«Самомнение» (23,6%)	
	яркий	0,813	капризный	0,857	завистливый	0,893
	общительный	0,780	грубый	0,830	капризный	0,873
	энергичный	0,773	самодовольный	0,819	высокомерный	0,831
	веселый	0,676	высокомерный	0,799	лицемерный	0,826
	открытый	0,640	агрессивный	0,783	самодовольный	0,717
	активный	0,619	вспыльчивый	0,774	ябеда	0,712
	ответственный	0,506	хитрый	0,761	лживый	0,678
			обидчивый	0,755	обидчивый	0,664
			ябеда	0,660	жадный	0,656
			жадный	0,655		
			завистливый	0,648		
			лицемерный	0,615		
			упрямый	0,610		

продолжение таблицы

2	«Хитрый зазнайка» (14,92%)		«Послушание» (15%)		«Послушание» (17%)	
	лицемерный	0,785	послушный	0,786	уважительный	0,848
	самодовольный	0,742	ответственный	0,752	скромный	0,835
	высокомерный	0,727	трудолюбивый	0,751	послушный	0,762
	жадный	0,696	организованный	0,539	искренний	0,715
	хитрый	0,683			трудолюбивый	0,592
	лживый	0,666				
	ябеда искренний	0,501 -0,543				
3	«Психопатизация» (7,42%)		«Коммуникабельность» (7,3%)		«Коммуникабельность» (10%)	
	агрессивный	0,808	открытый	0,762	общительный	0,796
	капризный	0,783	жизнерадостный	0,733	веселый	0,789
	обидчивый	0,774	веселый	0,558	жизнерадостный	0,721
	вспыльчивый	0,756	искренний	0,551	открытый	0,620
	грубый	0,538			энергичный	0,616
	завистливый	0,534			ответственный	0,458
4	«Рациональный самоконтроль» (6,3%)		«Умная индивидуальность» (6%)		«Психопатизация» (5,5%)	
	аккуратный	0,728	разносторонний	0,783	вспыльчивый	0,791
	организован- ный	0,717 0,630	любопытный	0,766	грубый	0,683
	трудолюбивый	0,614	умный	0,595	агрессивный	0,651
	внимательный	0,602	яркий	0,557	упрямый	0,643
	умный		внимательный	0,556		
5	«Моральный облик» (5,34%)		«Активность» (5,12%)		«Умная индивидуальность» (5%)	
	добрый	0,838	активный	0,732	разносторонний	0,889
	ласковый	0,711	энергичный	0,704	любопытный	0,618
	отзывчивый	0,679	общительный	0,528	умный	0,553
			аккуратный	0,516	яркий	0,511
			скромный	-0,486	активный	0,456

Анализ данных таблицы по горизонтали показывает одинаковую когнитивную сложность в сознании респондентов личности учеников с различными уровнями успеваемости. Необходимо также отметить, что она выше, чем для учителей, у которых по тем же критериям отбора было выделено по четыре личностных категории. Теперь перейдем к обсуждению данных таблицы по вертикали.

Ученик с высоким уровнем успеваемости. Первый фактор, условно названный «Активность», соответствует позитивному полюсу Ф 3 в ИКЛ «Актуальная энергия», отражающему в основном симптомокомплекс экстраверсии [10, с. 31].

Второй фактор представляет собой дихотомию «лицемерный – искренний», которая по содержанию близка Ф 8 в ИКЛ «правдивость – лживость». Обращает на себя внимание, что лживость прямо коррелирует с характеристиками завышенной самооценки (Ф 13 в ИКЛ). В целом эту категорию можно обозначить как «Хитрый зазнайка».

Основное содержание третьей категории максимально соответствует содержанию Ф 6 «вспыльчивость, агрессивность», обозначенному в ИКЛ как «Психопатизация»

личности» [10, с. 32], которое, однако, также оказывается склеенным в сознании респондентов с параметрами завышенного самомнения.

Четвертая категория является довольно однородной и полностью соответствует Ф 4 в ИКЛ «Рациональный самоконтроль».

Интерпретация пятой категории также не вызывает особых затруднений, т. к. все образующие ее шкалы являются составляющими Ф 1 в ИКЛ «Моральный облик».

Ученик со средним уровнем успеваемости. В первой категории обыденного сознания (подобно первой категории «аморальность», присущей педагогам), оказались соединены различные негативные личностные качества. Однако есть и особенности внутренней организации данного конструкта. Если для учителей главными образующими (т. е. имеющими наибольшую нагрузку) выступают отрицательные нравственные качества, то для непедагогов такими главными образующими являются черты, отражающие завышенное самомнение и психопатизацию личности, поэтому более точно данная категория может быть обозначена как «Невыдержанный зазнайка» (ср. с третьей категорией в описании ученика с высоким уровнем успеваемости – «Хитрый зазнайка»).

Содержание второй категории в основном соответствует категории «послушание», выделенной у педагогов, однако в ней не представлены нравственные характеристики ребенка.

Третий фактор в группе взрослых непедагогов в основном совпадает с категорией «Коммуникабельность».

Четвертая категория обыденного сознания образована слиянием содержания двух факторов ИКЛ: это Ф 2 «интеллектуальное развитие» и Ф 15 «уникальность личности». В целом выделенное содержание может быть зафиксировано как «умная индивидуальность».

Пятая категория уже встречалась в описании личности хорошо успевающего школьника (первый фактор) и была обозначена как «Активность».

Ученик с низким уровнем успеваемости. Все категории, опосредующие понимание этого типа школьников, уже встречались в описании других типов учащихся, поэтому и названы соответствующим образом.

В заключение необходимо отметить, что для оценки устойчивости полученных факторных решений внутри двух групп респондентов использовался психометрический прием «расщепления выборки пополам», т. е. факторизация исходных матриц проводилась также и отдельно для случайных групп респондентов ($n = 50$). Для группы взрослых непедагогов величина коэффициента корреляции Спирмена, полученная при попарном сопоставлении факторных матриц, относительно невелика: от 0,32 до 0,65. Имеющиеся исследования В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелева и др. позволяют считать, что «коэффициент конгруэнтности не ниже 0,8 свидетельствует об идентичности факторов» [6, с. 131] или о высокой внутригрупповой согласованности респондентов, в силу чего «результаты среднегрупповой матрицы могут репрезентировать всю выборку в целом» [5, с. 92]. Поэтому представленные выше категории не могут быть экстраполированы на генеральную выборку, а являются выражением только достаточно частного случая понимания, присущего именно нашим респондентам.

Заключение

Зафиксированы определенные отличия стереотипа педагогической оценки у взрослых непедагогов. Во-первых, присутствует переоценка позитивных личностных качеств у хорошо успевающих школьников, но отсутствует переоценка негативных качеств у слабоуспевающих школьников. Даже, напротив, отмечается более лояльное отношение к этим качествам. Во-вторых, наблюдается трансформация содержания оценки наиболее значимых личностных качеств, которые в традиционном виде сохраняются

для учащихся с высокой и средней успеваемостью, но отличаются для слабоуспевающих школьников. Для понимания этой категории учащихся наиболее значимым для взрослых выступает не их безразличное отношение к учебе, а их позитивное нервно-психическое состояние, которое, кстати, не фиксировалось у школьников с более высокими уровнями успеваемости. Такие представления выявляют образ современного успешного в учебном плане школьника как «замученного ученика», воплощая в себе мнение взрослых о современных учебных программах как об информационно перегруженных. Полученные данные открывают новые перспективы изучения данного феномена, например, представляла бы интерес дифференциация взрослых непедагогов по уровню их собственной школьной успеваемости и др.

В итоге сравнительного анализа категориального строя профессионально-педагогического и обыденного сознания в области понимания личности школьника были, как и предполагалось, выделены некоторые общие категории («Послушание», «Коммуникабельность»), однако обнаружено существенно больше различий. Основными из них выступают:

во-первых, большая когнитивная сложность, присущая взрослым не педагогам, в понимании всех категорий учеников;

во-вторых, большая вариативность категорий обыденного сознания (выявленная и для разных групп школьников и внутри разных групп респондентов), что свидетельствует о более личностном, а не конвенциональном, характере приобретения знания об учениках.

Таким образом, представленные данные доказывают, что инвариантность категорий, опосредующих понимание различных типов учеников, присуща только педагогам, но не носителям обыденного сознания. Это позволяет ответить на главный вопрос настоящего исследования следующим образом: концепция «зла в ребенке» является специфическим, узкопрофессиональным продуктом именно педагогической среды, а не общекультурным феноменом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зинченко, В.П. Проблема объективного метода в психологии / В.П. Зинченко, М.К. Мамардашвили // Вопросы философии. – 1977. – № 7. – С. 109–125.
2. Медведская, Е.И. Семантическое пространство личности учеников с разными уровнями успеваемости у педагогов начальной школы / Е.И. Медведская // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. – 2007. – № 1(28). – С. 14–24.
3. Медведская, Е.И. Семантическое пространство личности учеников с разными уровнями успеваемости у педагогов средней школы / Е.И. Медведская // Психологический журнал. – 2007. – № 2 (14). – С. 48–56.
4. Медведская, Е.И. Семантическое пространство личности школьников с разными уровнями успеваемости в сознании педагога / Е.И. Медведская // Вопросы психологии. – 2007. – № 5. – С. 47–56.
5. Петренко, В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. – 2-е изд., доп. – СПб. : Питер, 2005. – 480 с.
6. Шмелев, А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности // А.Г. Шмелев. – М. : Изд-во МГУ, 1983. – 158 с.
7. Каган, В.Е. Тоталитарное сознание и ребенок: семейное воспитание / В.Е. Каган // Вопросы психологии. – 1992. – № 1–2. – С. 14–21.

8. Лурия, А.Р. Культурные различия и интеллектуальная деятельность / А.Р. Лурия // Этапы пройденного пути: Научная биография. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – С. 47–69.

9. Шмелев, А.Г. Репрезентативность личностных черт в сознании носителя русского языка / А.Г. Шмелев, В.И. Похилько, А.Ю. Козловская-Тельнова // Психологический журнал. – 1991. – Т. 12. – № 2. – С. 27–41.

10. Серкин, В.П. Алгоритм метода семантических универсалий / В.П. Серкин // Психологическая диагностика. – 2007. – № 5. – С. 5–10.

11. Ананьев, Б.Г. Психология педагогической оценки / А.А. Ананьев // Избр. психол. труды : в 2 т. / под ред. А.А. Бодалева [и др.] – М. : Педагогика, 1980. – Т. 2. – С. 128–271.

Medvedskaya E.I. The Peculiarities of Adults' (non-educators') Understanding of a Pupil's Personality

The article presents the results of the comparative analysis of the peculiarities of adults' (non-educators') understanding of the personality of pupils with various levels of educational progress. On the basis of psychosemantic methods the author reveals the essential differences in the stereotype of a pupil's personality assessment from those which have been recorded earlier in relation to the teachers, namely: the reduction of the form and the change of the content. The process of modeling of the categorical structure of non-educators' consciousness in the sphere of a pupil's personality understanding revealed that it had a higher degree of cognitive complexity and variety of personality categories in comparison with that of educationalists'.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 16.06.08

УДК 159.922.1

Г.В. Лагонда

ПЕРСПЕКТИВЫ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ СУПРУГОВ В БЕСПЛОДНОМ БРАКЕ

В статье поднимается проблема источников самоактуализации взрослого человека. Традиционно считается, что одну из основных ролей в данном процессе играют семейные (в первую очередь родительско-детские) отношения. Как следствие, бесплодный брак представляется «ущербным», ограничивающим возможности личностного роста взрослого человека. На основании данных эмпирического исследования автор статьи доказывает несостоятельность этой точки зрения, а значит, наличие компенсаторных свойств у иных источников самоактуализации личности.

Введение

Психология семьи является динамично развивающейся на постсоветском пространстве отраслью психологической науки. Имея относительно молодой возраст, она ещё недостаточно чётко «отрефлексовала» как предмет своих исследований, так и стоящие перед ней задачи. На наш взгляд, как это ни парадоксально, можно говорить о двух предметах, изучением которых занимается психология семьи. Ими являются брак и собственно семья.

Такая двойственность предмета порождает целый ряд методологических, теоретических и прикладных проблем, которые на данный момент частично выпадают из поля зрения исследователей. В предлагаемой статье мы хотели бы остановиться на некоторых из них. Речь идёт о соотношении самих феноменов «брак» и «семья», а также о соотношении процессов развития брачных (супружеских) отношений, развития семейных отношений и личностного развития (самоактуализации) взрослых субъектов этих отношений.

Теоретические основы исследования

Наиболее подходящим объектом, позволяющим рельефно выделить соответствующие проблемы, на наш взгляд, является бесплодный брак. Именно он «бросает вызов» существующим представлениям о развитии семейных отношений, обнажая тенденциозность представленных в литературе теоретических разработок. Тенденциозность эта заключается прежде всего в том, что существующие психологические теории оказываются малопригодными для объяснения принципов функционирования нетрадиционных семей, то есть тех семей, которые основаны на альтернативных формах брака. Да и сам брак очень часто выпадает из поля зрения теоретиков.

Обычно супружество рассматривается как некоторый эпизод в жизни взрослого человека, как своеобразная прелюдия к созданию семьи. Психологические теории брака носят скорее частный характер. Каждая из них затрагивает отдельные стороны супружества, такие, как готовность к браку, выбор супруга, супружеская совместимость, супружеские конфликты. В подобных теориях проблема развития если и затрагивается, то увязывается она, главным образом, с задачами супружеской адаптации, но не с задачами самоактуализации супругов. В настоящее время нет метатеории брака, которая являла бы собой подробную «карту» супружеских отношений, которая обладала бы объяснительным потенциалом для самых разных аспектов супружества, которая, наконец, раскрыла бы процессы и механизмы развития брачных отношений, связав их с процессом личностного роста супругов.

Существует и другой подход к анализу супружества, при котором оно попросту рассматриваются как составной элемент семьи. В этом случае термин «семейные отношения» заменяется термином «брачно-семейные отношения». Такие взгляды представляются несколько упрощёнными и неадекватными реальности. Термин «брачно-семейные отношения» создаёт иллюзию этакого двуединства проблемы, сводит два феномена в один. Данное словосочетание порождает впечатление, будто брак и семья идентичны и функционируют по единым законам. При этом, как правило, внимание направляется на законы развития и существования семьи.

Ярким примером такого смешения понятий является выделение некоторыми авторами (Э.Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис, А.Н. Елизаров) сексуально-эротической функции семьи. Как известно, главным отличием семейных отношений от брачных является наличие в семье детей. Как отмечал В.Н. Дружинин «...семья – не брак, она предполагает детей» [1, с. 103]. Ведь семья изначально являлась тем социальным институтом, целью которого была социализация детей. С позиций психологии только с появлением детей супруги примеряют на себе социальные роли родителей, и только с появлением детей в жизни взрослых возникает такая подсистема отношений, как родительско-детские отношения. Кроме того, расширенная семья включает в свой состав и старшее поколение бабушек и дедушек. Учитывая наличие в семье подсистем детей и пожилых людей, огульное приписывание ей сексуально-эротической функции выглядит как-то противостоестественно.

Приведенный пример смешения понятий «брачные отношения» и «семейные отношения» является скорее неким несущественным теоретическим казусом. Однако существуют и серьёзные последствия такой подмены понятий. В первую очередь это касается проблемы развития отношений и их субъектов. Практически все периодизации развития брачно-семейных отношений определяются динамикой отношений родительско-детских. Е.М. Дюваль, М. Эриксон, В. Сатир, Дж. Зильбах, Ш. Гордецки, М. Плзак, Э.К. Васильева – вот далеко не полный список авторов, придерживающихся такой точки зрения. Соответственно остаётся не ясным вопрос о том, развиваются ли отношения сознательно бездетных и бесплодных супружеских пар. Подобного вопроса в теории как будто не существует. На практике же он имеет место однозначно. Число таких браков растёт. Каковы их перспективы? И как они связаны с процессом личностного роста самих супругов?

Вопросы не праздные. Ведь теоретически процессы развития семейных отношений и самоактуализации членов семьи тесно взаимосвязаны. С одной стороны, создание семьи рассматривается как важнейшая жизненная задача, стоящая перед человеком в период взросления (Э. Коуэн, А.Е. Айви и М.Б. Айви, З. Шнабль, Г.С. Абрамова, Г.С. Васильченко и др.). С другой стороны, семья представляет возможность взрослому человеку реализовать заложенные в нём творческие возможности (К. Роджерс, К. Витакер, В. Сатир, К. Аронс, А.Н. Елизаров, Л.Б. Шнейдер и др.) Наиболее лаконично и ёмко эта идея выражена Л.Б. Шнейдер: «Именно семья предоставляет человеку все ресурсы для самоактуализации» [2, с. 462]. При этом изначально семья подразумевает наличие детей и, соответственно, задач по их воспитанию.

Если попытаться обобщить преобладающие в психологии семьи теоретические представления по интересующему нас вопросу, выстраивается определённая логическая система. Чтобы в полной мере реализовать свой творческий потенциал, взрослый человек должен вступить в брак, являющийся основой для создания семьи. Семья, в свою очередь, подразумевает рождение детей. Именно процесс взаимодействия с детьми обеспечивает личностный рост родителей (и по совместительству мужа и жены). Соответственно бездетный брак препятствует самоактуализации супругов. Цепь рассуждений может быть и продлена. Поскольку брак не реализует две такие важные функ-

ции, как продолжение рода и самоактуализация партнёров, постольку снижается и его стабильность.

Следует отметить, что существует по меньшей мере две разновидности бездетного брака: сознательно бездетный и бесплодный. В первом случае фертильные супруги целенаправленно отказываются от реализации своих репродуктивных возможностей. В настоящее время количество таких браков растёт. Своей стабильностью они ставят под сомнение справедливость представленной выше логической системы. Можно возразить, что сознательно бездетный брак не очень корректный пример. Ведь он никак не фрустрирует потребность супругов в продолжении рода по причине её отсутствия (хотя в своих исследованиях В.В. Васильева [3] выдвигает контраргументы этому тезису). Поэтому обратимся к бесплодному браку. Именно он может подтвердить или опровергнуть правомерность описанных выше теоретических посылок.

Бесплодный брак по своей практической многозначности может рассматриваться как биологическая, медицинская, медико-генетическая, социальная и психологическая проблема. Соответственно различными могут быть и определения, и классификации этого явления. Большинство авторов сходится во мнении, что диагноз «бесплодие» должен выставляться с учётом возраста супругов, состояния их соматического здоровья, длительности регулярных сексуальных отношений без использования контрацептивов. Тем не менее И.Ф. Юнда, один из наиболее авторитетных в этом вопросе специалистов, высказывает мнение о том, что «предположение о бесплодии в семье должно возникать в том случае, если зачатие не наступает в течение 6–12 месяцев нормальной ритмичной половой жизни» [4, с. 4].

В зависимости от того, кто из супругов является инфертильным, можно выделить мужское бесплодие; женское бесплодие; бесплодие, обусловленное нарушениями репродуктивного здоровья обоих супругов; бесплодие неясного генеза, при котором генитальная патология не обнаруживается ни у одного из супругов. Эта классификация имеет принципиальное значение с точки зрения психологических последствий бесплодия. По данным Д.И. Кичи [5] возможны три варианта реакции супругов на нарушения репродуктивного здоровья: индифферентная, сближение и отчуждение. Если обследование устанавливает, что оба супруга в какой-то мере ответственны за отсутствие беременности, то, как правило, это известие сплачивает их. Такая же (или индифферентная) реакция имеет обычно место при мужском бесплодии. Наиболее значимыми негативными последствиями чревато женское бесплодие.

Нарушения в характере межличностных отношений при женском бесплодии отмечают Г.Я. Лаштаева, Ю.С. Парщук, А.А. Логинов, Я.С. Жерновая, Е.А. Волкович. По данным Г.Я. Лаштаевой уровень разводов в бездетных семьях выше, чем среди пар, имеющих детей. При этом большая часть таких браков распадается по инициативе мужа. Ю.С. Парщук в 76% случаев обнаружил нарушения в межличностных отношениях супругов в связи с диагностированным женским бесплодием. Более содержательными и более интересными представляются данные, полученные Я.С. Жерновой [6] при изучении психологической адаптации к женскому бесплодию у 124 супружеских пар. Она установила, что заключение о бесплодии всегда вызывает кризис в семье. Преодолевая его, супруги проходят ряд универсальных этапов. Отдалённые последствия этого кризиса различны для разных супружеских пар. Для одних это мобилизация сил и перенос «репродуктивной неполноценности» на другие сферы деятельности; для других – безразличие, за которым следует желание усыновления; для третьих – ипохондрия и депрессия, которые могут сохраняться даже при успешном лечении бесплодия и появлении ребёнка.

Нарушения психического здоровья женщин в связи с диагностированным у них бесплодием зафиксировали Ф.В. Дахно, А.В. Колчин, В.Д. Менделевич, Э.В. Макары-

чева, В.В. Васильева. В частности, Ф.В. Дахно отмечает у инфертильных женщин снижение общей активности и страх перед будущим. А.В. Колчин обнаружил у женщин, страдающих бесплодием, неудовлетворённость собой, сниженную самооценку и противоречия между самооценкой и своими идеалами. В.Д. Менделевич и Э.В. Макарычева считают, что бесплодные женщины склонны к депрессивным состояниям и невротическим расстройствам в целом. Для них характерны внешний локус контроля, эмоциональная неустойчивость и конфликтность поведения.

При анализе результатов перечисленных работ обращают на себя внимание несколько важных деталей. Во-первых, большинство исследований психологических последствий бесплодия в браке выполнены более десяти лет назад. И семья, и общество за истекшее время претерпели существенные изменения. Во-вторых, иногда даже авторитетные специалисты делают высказывания, которые не имеют эмпирического обоснования, но продиктованы, скорее, идеологической позицией либо субъективным мнением учёного. К примеру, у И.Ф. Юнды можно найти следующую сентенцию: «...душевная ущербность бесплодных браков в полном объёме прослеживается и в добровольно бездетных семьях» [4, с.11]. В-третьих, ряд авторов всё же отмечает неоднозначность психологических последствий бесплодия. Это заставляет предположить существование у супругов резервов развития, способных компенсировать отсутствие созидательного потенциала родительско-детских отношений в семье. И, в-четвёртых, практически отсутствуют исследования, непосредственно изучающие связи бесплодия и самоактуализации супругов. По сути дела вопрос о перспективах личностного развития супругов вне контекста родительско-детских отношений остаётся открытым.

Результаты эмпирического исследования и их обсуждение

Нами была предпринята попытка эмпирически исследовать данный вопрос. Поскольку самым неблагоприятным вариантом (в смысле психологических последствий) является женское бесплодие, в качестве испытуемых были выбраны 50 инфертильных женщин в возрасте от 25 до 30 лет. Их супружеский стаж составил от 3 до 7 лет, а длительность диагностированного бесплодия 1–5 лет. Согласно мнению многих из вышеперечисленных авторов именно в этом возрасте и именно в первые годы после обнаружения нарушений репродуктивного здоровья бесплодие переживается супругами наиболее остро. Логично предположить, что именно эта категория женщин должна испытывать наиболее серьёзные трудности в самоактуализации, если она задаётся главным образом наличием и динамикой родительско-детских отношений.

Для решения поставленной задачи мы воспользовались тестом измерения уровня самоактуализации личности (САТ), разработанным Ю.Е. Алёшиной [7] на основании методики РОІ Э. Шострема. Данный тест включает в себя 14 шкал (2 базовые и 12 дополнительных). Они характеризуют те особенности личности, которые, согласно положениям гуманистической психологии, определяют уровень её развития. Это шкалы компетентности во времени, поддержки (независимости), ценностных ориентаций, гибкости поведения, рефлексивности, спонтанности, самоуважения, самопринятия, представлений о природе человека, синергии, принятия агрессии, контактности, познавательных потребностей и креативности.

Кроме того, в своём исследовании мы решили использовать и тест самооценки Дембо–Рубинштейн. Это решение было обусловлено несколькими причинами. С одной стороны, нам было интересно сравнить результаты современного исследования с теми, что были получены в начале 90-х годов. С другой стороны, самооценка имеет много общего с такими показателями самоактуализации, как рефлексивность, самоуважение и самопринятие. Кроме того, методика Дембо–Рубинштейн позволяет конкретизировать информацию о самооценке, представив её в виде таких составляющих, как «здоровье»,

«ум», «характер» и «счастье». Каждый из параметров представлен в тесте десятибалльной шкалой.

В состав контрольной группы также вошли 50 женщин в возрасте от 25 до 30 лет и с супружеским стажем от 3 до 7 лет. В отличие от экспериментальной группы, в семьях этих женщин растёт и воспитывается как минимум один ребёнок. Следует отметить, что значение других побочных переменных в работе не отслеживалось.

Для сравнения данных, полученных в выборках фертильных и инфертильных женщин, мы использовали λ -критерий Колмогорова–Смирнова [8]. Основные результаты этого сравнения представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты обработки данных, полученных при использовании методики Дембо–Рубинштейн

Наименование шкалы	Инфертильные женщины (среднее значение)	Фертильные женщины (среднее значение)	Максимальная разность между накопленными частностями	Значение критерия Кломогорова–Смирнова, λ	Уровень статистической значимости различий, p
Здоровье	4,84	6,18	0,382	1,91	0,00136
Ум	6,98	7,46	0,238	1,19	0,11774
Характер	6,54	7,38	0,286	1,43	0,03348
Счастье	4,16	6,71	0,48	2,4	0,00002

Полученные нами данные носят отнюдь не однозначный характер. Средние показатели как в целом, так и по каждому параметру свидетельствуют о более высокой самооценке женщин без нарушения репродуктивного здоровья. Тем не менее уровень статистической значимости этих различий существенно варьирует. Наиболее высок он в отношении критериев здоровья и счастья ($p < 0,001$). С меньшей уверенностью можно констатировать наличие достоверных различий по параметру «характер» ($p < 0,05$). Резонно предположить, что преодоление психологических последствий диагноза «бесплодие» требует от женщин «силы духа» и мобилизации волевых качеств, что находит отражение в самооценке женщин. Наконец, в оценке своих умственных возможностей фертильными и инфертильными женщинами статистически значимых различий не прослеживается ($p > 0,05$). Подобный результат удивления не вызывает, поскольку бесплодие затрагивает эмоциональную сферу человека в значительно большей степени, чем когнитивную.

Полученные нами в ходе исследования самооценки результаты в целом соответствуют тем, которые были зафиксированы ранее другими исследователями. Однако следует ещё раз подчеркнуть тот факт, что самооценка человека является многокомпонентным феноменом. Разные её составляющие оказываются в разной степени вовлечёнными в круг негативных переживаний, обусловленных нарушениями репродуктивного здоровья.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют те данные, которые были собраны при использовании теста САТ. Для их обработки мы воспользовались теми же математическими методами, что и в предыдущем случае. Результаты этой работы представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты обработки данных, полученных при использовании методики САТ

Наименование шкалы	Инфертильные женщины (среднее значение)	Фертильные женщины (среднее значение)	Максимальная разность между накопленными частностями, d	Значение критерия Кломогорова–Смирнова, λ	Уровень статистической значимости различий, p
Компетентность во времени	14,78	15,12	0,148	0,74	0,64402
Поддержка (независимость)	59,15	61,2	0,246	1,23	0,09703
Ценностные ориентации	12,11	11,65	0,23	1,15	0,14196
Гибкость поведения	15,88	17,51	0,25	1,25	0,08787
Сензитивность (рефлексивность)	9,21	8,84	0,174	0,87	0,43545
Спонтанность	7,12	7,44	0,128	0,64	0,80732
Самоуважение	3,81	6,18	0,324	1,62	0,01051
Самопринятие	15,65	16,01	0,158	0,79	0,56050
Представления о сути человека	4,36	4,14	0,202	1,01	0,25943
Синергия	5,58	5,91	0,26	1,3	0,06809
Принятие агрессии	12,25	11,84	0,164	0,82	0,51197
Контактность	14,09	14,74	0,254	1,27	0,07944
Познавательные потребности	6,54	6,08	0,232	1,16	0,13556
Креативность	8,27	8,75	0,184	0,92	0,36571

По большинству шкал средние показатели в контрольной группе оказались несколько выше. Тем не менее имели место и обратные соотношения. Они сопряжены со шкалами ценностных ориентаций, представлений о природе человека, принятия агрессивности и познавательных потребностей. Подвергнув первичные данные математической обработке, мы получили более упорядоченную картину самоактуализации испытуемых в обеих группах.

Статистически значимые различия результатов были обнаружены касательно лишь одной шкалы – шкалы самоуважения ($p \approx 0,01$). Данная шкала, по мнению автора методики САТ, измеряет способность субъекта ценить свои достоинства. По всей видимости, параметр «самоуважение» содержательно имеет отношение не только к феномену самоактуализации, но и к феномену самооценки. Это предположение косвенно подтверждается существованием прямой тесной корреляционной зависимости между самоуважением инфертильных женщин и их самооценкой, определявшейся по сумме всех четырёх шкал методики Дембо–Рубинштейн. Полученный при расчетах коэффициент линейной корреляции Пирсона r_{xy} равен 0,29. Такое значение r_{xy} при пятидесяти степенях свободы свидетельствует о том, что выявленная корреляционная связь положительна и статистически значима на пятипроцентном уровне (для $p = 0,05$ при $k = 50$

$r_{кр} = 0,27$). Таким образом, можно предположить, что бесплодие снижает оценку женщиной собственного Я, нанося тем самым существенный урон её самоуважению.

По всем остальным критериям статистически значимых различий в самоактуализации испытуемых обеих групп выявлено не было. Они примерно в равной степени способны жить настоящим, независимы в своих поступках, разделяют ценности, характерные для самоактуализирующихся личностей. Обе категории женщин проявляют одинаковую гибкость и спонтанность в поведении, отдают себе отчёт в своих потребностях и чувствах. Несмотря на низкую оценку своих достоинств, женщины с нарушением репродуктивного здоровья регистрируют уровень целостного принятия себя, соизмеримый с испытуемыми контрольной группы. Подобная же сопоставимость результатов выявлена и по таким параметрам, как общее восприятие мира и людей, понимание связанности противоположностей, способность принимать своё раздражение, гнев и агрессивность как естественные проявления человеческой природы, контролируя при этом меру воздействия на окружающих в пределах социальных норм. Творческой направленностью личности, стремлением к приобретению знаний и умением устанавливать контакты с окружающими испытуемые обеих групп также отличаются в незначительной степени.

Заключение

Полученные нами результаты заставляют под новым углом зрения взглянуть на бездетные (в том числе бесплодные) браки, оценивая возможности развития как супружеских отношений отношений, так и их субъектов. Бесспорно, бесплодие влечёт за собой целый комплекс негативных для супругов психологических последствий. Такие браки можно назвать не вполне счастливыми. Однако ущербными они не являются. По-видимому, не только родительско-детские отношения содержат в себе потенциал для личностного развития супругов. Супружеские отношения включают и иные источники самоактуализации. И эти источники в состоянии (в этом плане) компенсировать отсутствие возможности заботиться о собственных детях, общаться с ними, расти вместе с ними. В пользу этой точки зрения свидетельствуют и существование большого количества устойчивых бездетных браков, и наше исследование. Напомним, что оно было проведено на основе самой неблагоприятной категории бесплодных браков – тех, в которых диагностировано женское бесплодие. К сожалению, теоретические взгляды современной психологии семьи чрезмерно сконцентрированы на нуклеарной и в какой-то мере на неполной семье. Брак с разнообразием его форм всё ещё мало исследован, как мало исследованы и динамика его развития вне контекста родительско-детских отношений, и связь развития супружеских отношений с процессом личностного роста супругов. Особенно актуальным представляется изучение этих проблем с позиций психологического консультирования бесплодных пар. Для них-то уж точно брак не является эпизодом от свадьбы до рождения ребёнка. Для них – это форма отношений, которая может так и не трансформироваться в нуклеарную семью, а посему желательнее максимально использовать заключённые в ней возможности самоактуализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дружинин, В.Н. Психология семьи / В.Н. Дружинин. – Екатеринбург : Деловая книга, 2000. – 199 с.
2. Шнейдер. Л.Б. Психология семейных отношений : курс лекций / Л.Б. Шнейдер. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. – 501 с.
3. Васильева, В.В. Психологические особенности женщин с бесплодием / В.В. Васильева [и др.] // Вопросы психологии. – 2003. – № 6. – С. 93–98.

4. Бесплодие в супружестве / под ред. И.Ф. Юнды. – Киев : Здоровья, 1990. – 463 с.
5. Кича, Д.И. Здоровье и потребность семьи в медико-социальной помощи / М. : Изд-во Университета дружбы народов, 1973. – 154 с.
6. Жернова, Я.С. Особенности психологической адаптации супружеских пар к бесплодию / Я.С. Жерновая // Медико-психологические аспекты брака и семьи : материалы областной науч.-практ. конф. сексопатологов, Харьков, 17 мая 1985 г. / Украинский ин-т усовершенствования врачей. – Харьков, 1985. – С. 38–41.
7. Диагностика семьи: методики и тесты : учеб. пособие по психологии семейных отношений / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. – Самара : БАХРАХ-М, 2004. – 736 с.
8. Сидоренко, Е.В. Методы математической обработки данных в психологии / Е.В. Сидоренко. – СПб. : Речь, 2001. – 350 с.

Lagonda G.V. The Perspective of Self-actualization of Spouses in Infertile Wedlock

The article deals with the problem of sources of self-actualization of an adult human. It is traditionally considered, that family relations play one of the main roles in the given process (parent–children in the first turn). Consequently, an infertile wedlock is considered to be “defective”, restricting possibilities of a person growth. On the basis of the data of empiric research the author of the article proves insolvency of this point of view, and it means, other sources of a personal self-actualization process availability of compensating qualities.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 24.03.08

УДК 159.9922.8

Н.В. Чурило

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК С РАЗНЫМ ТИПОМ ЖИЗНЕННОЙ СТРАТЕГИИ

Работа посвящена изучению уровня субъективного благополучия юношей и девушек с разным типом жизненной стратегии. Жизненная стратегия – это искусство ведения собственной жизни, главной целью которой является поиск и осуществление своего уникального смысла. Уровень субъективного благополучия личности является показателем эффективности реализации жизненной стратегии. Субъективное благополучие является тем психологическим феноменом, которое олицетворяет стремление человека к внутреннему равновесию, комфорту, ощущению удовлетворённости и счастья и включает оценку отношения человека к своей жизни и самому себе. У современных юношей и девушек выделяются три основных типа жизненной стратегии: стратегия «материального благополучия», «социального престижа» и «самореализации». Наиболее распространенной в молодежной среде является стратегия жизни, основанная на ценностях материального достатка и комфорта. Уровень субъективного благополучия у молодых людей, выбирающих жизненную стратегию «самореализации» ниже, чем у юношей и девушек, следующих стратегии «материального благополучия».

Ключевые слова: юношеский возраст, жизненная стратегия, ценности, самоотношение, отношение к другим, интернальность, субъективное благополучие.

Введение

В условиях глобальных социальных перемен, интенсивных социально-экономических и психологических изменений, происходящих сегодня в стране, проблема выбора молодым человеком определенной жизненной стратегии приобретает особую актуальность. В юношеском возрасте молодой человек оказывается перед объективной необходимостью выбора своего жизненного пути, идеалов, способов самоопределения и самореализации. На основе соотнесения своих ценностей и отношений к окружающему миру с личностной активностью и жизненными требованиями молодой человек выбирает некий способ, универсальных закон самоосуществления в различных сферах жизни, который в психологии определяется как «жизненная стратегия».

Анализ научной литературы по проблеме жизненного ориентирования позволяет понимать стратегию жизни как сознательный способ конструирования человеком собственной жизни в соответствии на основе присущих ему систем ценностей и отношений. По мнению К.А. Абульхановой-Славской, которая ввела данное понятие в категориальный аппарат современной психологии и рассматривает в качестве основы для его анализа понятие «активность личности», жизненная стратегия является основным регулятором социального поведения личности, организует целостность жизнедеятельности, определяет способ бытия, выступает важнейшим критерием зрелости и психологического благополучия [1].

В самом общем виде выбор жизненной стратегии проявляется, по мнению Э. Фромма, в ориентацию на обладание «Иметь» или бытие «Быть», как на «.. два основных способа существования, два разных вида самоориентации в мире..., преобладание одной из которых является определяющим для всего, что человек думает, чувствует, делает» [2, с. 203]. Ориентация на обладание диктуется человеку современным рыночным обществом и характеризует отношение к миру, себе, окружающим как к объектам владения, лишенным индивидуальных качеств вещам, стремление превратить все в свою собственность. Ориентация на бытие присуща человеку в силу специфики его психологической природы, ее главной характеристикой является внутренняя активность, направленная на развитие собственной

индивидуальности, достижение более полного контакта с реальностью, окружающими, самим собой.

На основе работ К.А. Альхановой-Славской и в русле работ Э. Фромма М.Ю. Резник, Т.Е. Резник и Е.И. Смирнов в качестве основных жизненных стратегий наряду со «Стратегией материального успеха» («Иметь»), «Стратегией самореализации и творчества» («Быть») выделяют «Стратегию социального признания». По мнению авторов, основной для выбора жизненной стратегии в данном случае является стремление к общественной значимости и влиянию. Ценностное содержание жизненной стратегии такого типа характеризуется в терминах качества, стиля жизни и деятельности человека и сопряжено, прежде всего, с такими чертами, как мастерство, профессиональность, организованность, требовательность к себе и к своим партнерам, высокое и устойчивое социальное положение, возможность подчинять и оказывать влияние на других людей [3].

Ряд исследователей (Ю.Р. Вишневский, Л.Я. Рубина, В.Т. Лисовский) указывает на тот факт, что в современных условиях обостряется противоречие между ценностями обладания и бытия и чрезвычайно актуален вопрос об их соотношении и согласовании. Российские исследователи жизненных стратегий молодежи (О.С. Васильева и Е.А. Демченко, Н.И. Лапин, В.Т. Лисовский, Н.М. Лебедева, К.Т. Мяло, К. Муздыбаев, В.С. Магун) обеспокоены тем, что в системе жизненных ценностей большей части юношества в результате резкого изменения общественно-политической системы образовался так называемый «феномен гипертрофированного стремления иметь материальные блага, не обеспеченного равнозначным стремлением эти создавать» [4, с. 200], который характеризуется ориентацией на престижно-статусные аспекты, прагматизацией жизненных целей и ориентиров, усилением стремления к материальному достатку в ущерб духовному и моральному развитию.

Аналогичный вывод был сделан белорусским социологом Т.Я. Яковук. По мнению автора, жизненные стратегии белорусских юношей и девушек тесно связаны с местом категории деньги в социальном знании молодежи. Позиции этой категории настолько важны, что определяют жизненные планы большей части молодых людей, их настоящую жизнь и способ понимания своего пребывания в этой жизни. Большая часть молодежи ориентирована на высокие финансовые доходы, материальное благополучие, жизненный успех, конкуренцию и соперничество, а не на ценности, связанные с совершенствованием себя и мира [5]. По мнению многих исследователей (Ю.Р. Вишневский, Л.Я. Рубина, С.Г. Климова, В.Т. Лисовский, Н.А. Морозова), нестабильность общества, изменяющиеся во времени ситуации и условия существования приводят к тому, что молодой человек перестает ощущать себя субъектом своего жизненного пути, теряет смысл своей жизни, приходит к ощущению разочарованности и неудовлетворенности собой и своей жизнью.

Удовлетворенность своей жизнью как «обобщенное чувство удачной или неудачной жизни, чувство подлинности своей жизни, источник жизненных сил, жизненной стойкости и инициативы, способности идти вперед», по мнению К.А. Абульхановой-Славской, является основным показателем эффективности жизненной стратегии личности [1, с. 12]. В научной литературе понятие удовлетворенности жизнью сводится и связывается со стандартами респондента в отношении того, что является хорошей жизнью. Однако, как отмечает М.В. Соколова, психологически более точным для глобальной оценки качества жизни человека в соответствии с его собственными критериями является понятие «субъективное благополучие», которое подразумевает собой гармоничное удовлетворение желаний и стремлений человека, олицетворяет стремление к внутреннему равновесию,

комфорту, ощущению удовлетворённости и счастья» [6, с. 36]. Феномен субъективного благополучия в первую очередь связан не столько с потребностями и их реализацией, сколько субъективным отношением личности к возможности их удовлетворения, событиям жизни и самому себе. Субъективное благополучие зависит от того, что является для субъекта наиболее важным, ценным и какова степень стремления к данной ценности.

Понятие субъективного благополучия рассматривается в качестве основного критерия здоровья. Так, по мнению экспертов ВОЗ, «здоровье – состояние полного физического, умственного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов» [7, с. 391]. Кроме того, как отмечают эксперты ВОЗ, благополучие в большей степени обусловлено самооценкой и чувством социальной принадлежности, нежели биологическими функциями организма.

Результаты исследования

Цель данного исследования – выявить уровень субъективного благополучия юношей и девушек с разным типом жизненной стратегии. Контингент исследования составили юноши и девушки в возрасте 16–18 лет, учащиеся 10–11 классов средних школ г. Минска, учащиеся 2 курса индустриально-педагогического колледжа г. Минска (всего 292 человека).

В качестве психологического инструментария исследования применены следующие методики: «Выявление перспективной жизненной стратегии» (К.А. Абульхановой-Славской на основе методики М. Рокича); «Определение основных жизненных ценностей» (Must-тест в адаптации П.Н. Иванова, Е.Ф. Колобовой); «Морфологический тест жизненных ценностей» (В.Ф. Сопов, Л.В. Карпушина), «Уровень субъективного контроля» (Е.Г. Ксенофонтова); МИС (С.Р. Пантеева); опросник межличностных отношений «ОМО» (русскоязычная адаптация А.А. Руковишниковой опросника В. Шультца FIRO-B); методика «Шкала субъективного благополучия» (М.В. Соколова).

На первом этапе исследования были выделены основные структурные компоненты и построена модель жизненной стратегии юношей и девушек. Статистический анализ эмпирических данных позволил представить структуру жизненной стратегии юношей и девушек в качестве модели, включающей в себя три основных блока. Первый блок составляют четыре основных компонента жизненной стратегии, которые взаимосвязаны между собой: система ценностей личности, интернальность, самоотношение и отношение к другим. Данный блок представляет основные характеристики жизненной стратегии. Второй блок структурной организации – блок эффективности жизненной стратегии. В него вошли факторы, характеризующие субъективное благополучие личности. Третий выделенный блок – блок реализации жизненной стратегии – составляют факторы, характеризующие самореализацию и творчество личности. Все три выделенных блока находятся во взаимосвязях между собой.

Таким образом, субъективное благополучие личности является структурным элементом жизненной стратегии, непосредственно связанным с другими параметрами жизненной стратегии: жизненными ценностями, интернальностью, отношением к себе и к другим людям. Уровень субъективного благополучия отражает эффективность реализации жизненной стратегии личности, удовлетворенность респондента осуществлением своей жизни. Структурная организация жизненной стратегии представлена на рисунке 1.

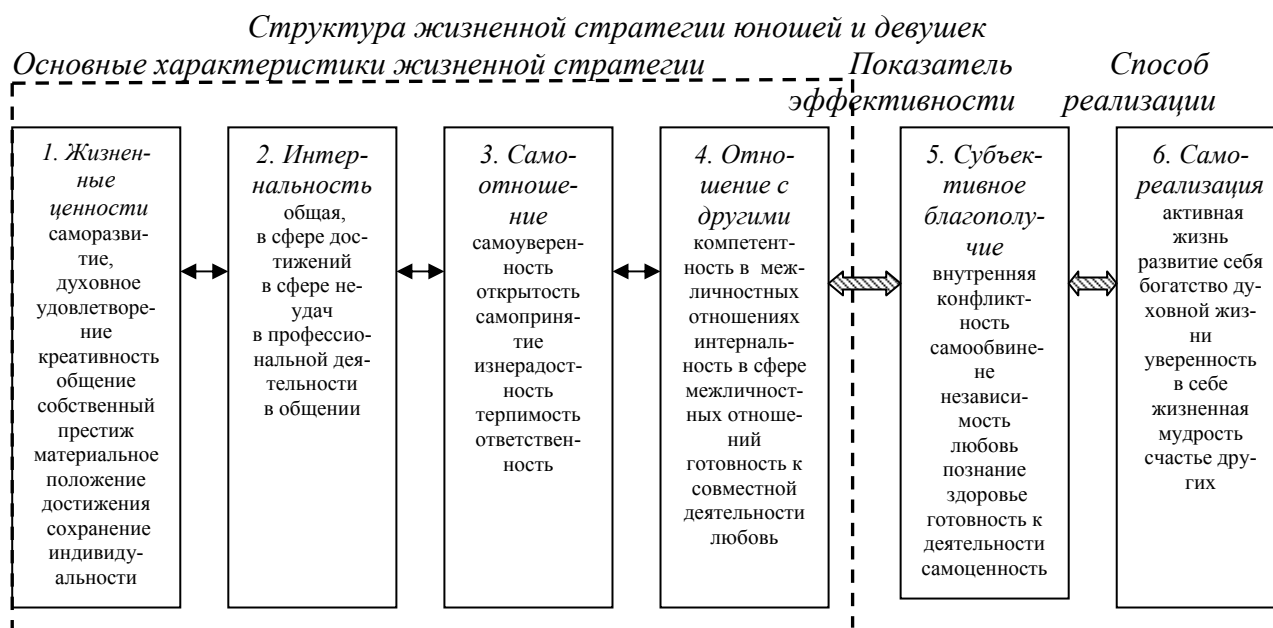

Рисунок 1 – Модель структурной организации жизненной стратегии в юношеском возрасте

Блок эффективности жизненной стратегии составляют шкалы, характеризующие позитивные отношения к себе (открытость ($r = 0,45$), самопринятие ($r = 0,44$); потребность в совместной деятельности ($r = 0,45$); ответственность ($r = 0,41$)); удовлетворенность своей жизнью (жизненная мудрость ($r = 0,46$), продуктивная жизнь ($r = 0,40$), «жизнерадостность» ($r = 0,59$)); стремление к личностному и духовному росту (личностный рост ($r = 0,48$), духовное удовлетворение ($r = 0,41$)); здоровье ($r = 0,41$), познание ($r = 0,40$) и любовь ($r = 0,41$).

На втором этапе исследования были определены основные типы жизненных стратегий современных юношей и девушек: статистический анализ эмпирических данных выделил класс параметров, которые характеризуют три типа жизненной стратегии личности. Названия типов выбраны в соответствии с доминирующими жизненными ценностями, которые являются ядром жизненной стратегии: стратегия материального благополучия («Иметь»), стратегия творчества («Быть») и стратегия социального престижа («Подчинять»). Так, основу стратегии материального благополучия составляют ценности материально обеспеченной жизни и комфорта. Стратегия самореализации и творчества построена на основе ценностей личностного роста, познания, продуктивной деятельности, самосовершенствования и творчества. Основу стратегии социального престижа составляют ценности власти и влияния, известности, привлекательности, служения людям, профессионализма и компетентности в общении. Основные типы жизненной стратегии представлены на рисунке 2.

Рисунок 2 – Основные типы жизненных стратегий юношей и девушек

На третьем этапе исследования анализ полученных статистических данных позволил выделить внутри основных типов жизненной стратегии подтипы. Так, внутри типа «Стратегии материального благополучия» («Иметь») выделились три подтипа: «Иметь против Быть», «Иметь, чтобы Быть», «Не Иметь, не Быть».

Так, 94 респондента в большей степени нацелены на достижение материального благополучия, а ценности творчества и самореализации не представляют для них значимости и интереса. Это позволяет условно определить такой подтип жизненной стратегии как стратегию «Иметь против Быть». 39 респондентов выбирают стратегию материального благополучия не в ущерб стратегии творчества, а, скорее, для ее осуществления. Этот вывод стал основанием для выделения в классе «Стратегия материального благополучия» подтипа, который условно назван «Иметь, чтобы Быть». Для 104 человек свойственна диффузная жизненная стратегия, формирующаяся на стадии поиска и определения жизненных целей и ориентиров и характеризующаяся нечеткостью и размытостью. Такая жизненная стратегия условно названа «Не Иметь, не Быть».

Жизненную стратегию «Быть» выбирают 5 респондентов. Испытуемых с типом жизненной стратегией «Социального признания» не выявлено; лишь у некоторых испытуемых ценности социального влияния и власти имеют некоторую значимость (29 человек).

Значительный интерес представляет анализ показателей субъективного благополучия у представителей различных типов жизненной стратегии, который представлен в таблице 1.

Таблица 1 – Уровень субъективного благополучия юношей и девушек с разным типом жизненной стратегии

Тип жизненной стратегии		Число респондентов,		Уровень субъективного контроля	
		абс. вел.	отн. вел.	среднее значение по шкале	Std.Dev.
Стратегия материального успеха	«Иметь против Быть»	94	38,8	4,24	1,49
	Не иметь, не Быть	104	43	4,51	1,40
	«Иметь, чтобы Быть»	39	16,1	5,52	1,39
Стратегия самореализации и творчества		5	2,1	5,75	0,5

В данном случае имеет место статистическое различие при вероятности ошибки $p \leq 1$ ($\chi^2_{э} = 6,59 > \chi^2_{г} = 5,99$ при $p = 0,05$).

Особенности шкалы субъективного благополучия, которая применялась в исследовании, состоит в том, что высокие показатели по ней отражают субъективного неблагополучие личности и свидетельствуют об эмоциональном и психологическом дискомфорте. Чем ниже показатель данной шкалы, тем выше субъективное благополучие, тем больше удовлетворенность собой, своей жизнью и своими отношениями.

Анализ результатов исследования

Анализ таблицы 1 позволяет говорить о том, что представители различных типов жизненной стратегии имеют разный уровень субъективного благополучия. Наиболее высокий уровень субъективного благополучия (низкий показатель) у представителей жизненной стратегии «Иметь против Быть». Очевидно, они в большей степени удовлетворены собой, своей жизнью, своими успехами и достижениями, отношениями с другими людьми. У них более высокий уровень эмоционального комфорта и внутренней гармонии.

Наименьший уровень субъективного благополучия (высокое значение показателя) – у представителей жизненной стратегии «Быть». Они менее удовлетворены своей жизнью, собой и своими отношениями с окружающим миром, у них чаще возникают внутренние конфликты и эмоциональный дискомфорт.

Юноши и девушки, выбирающие стратегию «Материального благополучия» («Иметь против Быть», «Не Иметь, не Быть»), гораздо более комфортнее чувствуют себя в эмоциональном плане, более удовлетворены собой и своими успехами. Очевидно, ценностные иерархии таких молодых людей во многом совпадают с ценностями, декларируемыми в современ-

ном обществе. Стремления и ценности, поступки и отношения молодых людей находят своеобразное подкрепление со стороны окружающих их людей.

Стремление к творчеству, самосовершенствованию и личностному росту представителей жизненной стратегии «Быть» приводит молодого человека к эмоциональному дискомфорту, неудовлетворенности собой и субъективному неблагополучию. Многие юноши и девушки, ориентированные на личностный рост и самосовершенствование, не находят в полной мере поддержки и одобрения своих ценностей. По их мнению, общество не предоставляет оптимальной возможности для самореализации всех его членов, в результате чего удовлетворенность молодых людей своими отношениями с окружающим миром несколько снижается.

Нормальное, благополучное психологическое состояние молодого человека – это состояние личности, согласовавшей свое субъективное состояния, внутренние требования к себе с внешними условиями, в которых он вынужден жить. Это согласование заключается не в простом приспособлении, прилаживании себя под внешние ограничения, а в преобразовании себя путем перевода социальных норм, ролей, установок в свой внутренний, духовный мир. Чувство гармонии с социальным окружением является потребностью субъективно благополучного человека.

В зарубежной психологии существует традиция, согласно которой субъективная удовлетворенность есть результат сравнения актуальных условий с принимаемыми личностью нормами. Если актуальные условия превышают стандартные с точки зрения личности, то тогда человек воспринимает свою жизнь как удовлетворяющую его. В теории социального сравнения стандарт, воспринимаемый личностью в качестве субъективной нормы благополучной жизни, определяет референтная группа.

Другим важным моментом для анализа полученных результатов является положение о том, что субъективное благополучие личности зависит также от последовательного исполнения жизненного плана и интегрированного набора личностных целей. Во-первых, молодые люди могут испытывать продолжительную неудовлетворенность собой и своей жизнью из-за несоответствия кратковременной достигнутой цели и цели долгосрочной, отодвинутой во времени. Во-вторых, эти цели и желания могут находиться в конфликте, и поэтому их полное удовлетворение невозможно, что существенно снижает уровень субъективного благополучия. В-третьих, молодые люди могут быть не в состоянии достичь своей цели по причине отсутствия достаточных способностей и умений, а также если их цели слишком высоки.

По мере достижения поставленных кратковременных целей, осуществления своих творческих планов, реализации себя и своих возможностей у молодых людей растет чувство недовольства собой, своими успехами, достижениями, ощущение своего несовершенства и недостижимости идеала. Мотивы роста и самореализации обогащают творческий и жизненный опыт, расширяют кругозор, но этот опыт несет осознание недостижимости величайшей зрелости и совершенства.

Важным условием обретения субъективного благополучия молодого человека является наличие индивидуального жизненного плана, в котором указаны уже имеющиеся достижения и задачи на будущее. При этом важна осознанность не только личностно значимых ценностей и жизненных целей, финансовых и личностных ресурсов, таких, как «образование, здоровье, друзья, креативность», но и возможность их реального воплощения в жизнь.

В становлении субъективного благополучия немалую роль играют внешние в отношении личности инстанции, среди которых наиболее значимыми являются социальные институты, которые обеспечивают социализацию ребенка, подростка, молодого человека на разных уровнях и обстоятельствах жизни. Во многом действия человека, направленные на преобразование ситуации, детерминированы объективными условиями его жизнедеятельности.

Заключение

Данные, полученные в ходе исследования, отражают основные тенденции в определении жизненных стратегий современных юношей и девушек: преобладание стремлений к дос-

тижению материальных ценностей, приоритет потребительских ориентаций над творческими и созидательными. Анализ результатов исследования приводит к выводу, что социально-психологические мотивы поведения современной молодежи отвечают целерациональному типу действия, критерием которого является материальный успех.

Однако при анализе реализации молодыми людьми жизненных стратегий необходимо учитывать, что индивидуальная стратегия, прежде чем определиться в качестве таковой, неизбежно формируется как часть пересмотренной групповой стратегии. Это особенно характерно для молодежи, так как в молодежной среде групповая идентификация преобладает над индивидуально-личностной. Наблюдаемые в массовом сознании ломка и перестройка ценностной иерархии в значительной мере осложняют выбор жизненной стратегии, предлагая юношам и девушкам определенные массовые системы ценностей. Будет ли молодой человек следовать ценностям, доминирующим в обществе, или останется верным юношеским идеалам, выберет путь «иметь» или «быть», решение этой дилеммы зависит не только от молодого человека, но и от помощи и поддержки его ближайшего окружения и социальных институтов. Поэтому возрастает необходимость разработки научно обоснованной программы психологического сопровождения, направленной на построение целостной системы жизненного ориентирования личности, осознание и идентификацию жизненных смыслов и ценностей, увеличение репертуара социального поведения молодых людей. Без поддержки соответствующих социальных институтов формирование адекватных жизненных стратегий и ценностных ориентаций, отражающих новые экономические и социально-психологические реалии, не защищает молодых людей от социальной и психологической дезадаптации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская, К.А. Стратегия жизни / К.А. Абульханова-Славская. – Минск : Мысль, 1991. – 299 с.
2. Фромм, Э. Человек для себя: Иметь или быть? / Э. Фромм – Минск : Ильин, 1997. – 415 с.
3. Резник, Т.Е. Жизненные стратегии личности: анализ и консультирование / Ю.М. Резник, Ю.М. Резник // Социол. исследования. – 1996. – № 6. – С. 110–120.
4. Мяло, К.Т. Время выбора: Молодежь и общество в поисках альтернативы / К.Т. Мяло. – М., 1991.
5. Яковук, Т.И. Меняющаяся молодежь в меняющемся обществе / Т.И. Яковук, Е.М. Бабосов ; под науч. ред. Е.М. Бабосова – Брест : БГТУ, 2003. – 354 с.
6. Соколова, М.В. Шкала субъективного благополучия / М.В. Соколова. – Ярославль, 1996. – 90 с.
7. Покровский В.И. Краткая медицинская энциклопедия : в 2 т. – М. : НЛЮ мед. энцикл., Крон-Пресс, 1994. – Т. 1. – 608 с.

Churilo N.V. Subjective Well-being of Young Men and Women with Different Type of Life Strategy

The research is to define the basic characteristic of lifetime strategy of young boys and girls. Lifetime strategy is an art of living and primary objective of it is the search and realization of unique purport. The indicator of lifetime strategy realization efficiency is the level of subjective comfort of personality which determines human psychological health. Subjective happiness is a psychological phenomenon which personifies human aspiration for inner balance, comfort and feeling of satisfaction and happiness. It includes evaluation and person's attitude towards his life and himself. There are 3 basic strategies of lifetime among the young people such as strategy of material satisfaction, social recognition and creativity. the most widely used among the young is the strategy of life which is based on material satisfaction and comfort. The most widely used among the young people is the strategy of life which is based on material satisfaction and comfort. The level of subjective happiness of youth who chose "Creative" lifetime strategy is lower than of those who follow the strategy of "Material happiness".

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 08.09.08

УДК 159.9

Е.Г. Богдан

О ПОНЯТИИ «СМЫСЛ» В ПСИХОЛОГИИ

Статья посвящена описанию психологических феноменов переживания бессмысленности и осмысленности собственных психических состояний и действий, а также анализу существующих теоретических интерпретаций этих явлений. Показано, что за этими феноменами стоит потребность в смысле, качественными характеристиками которой являются интенциональность и интеграция внутренней психической жизни. Описаны процессуальные характеристики поиска смысла. Выявлено, что в процессы смыслообразования включены такие личностные структуры, как мотивы, цели и ценности, которые выступают в качестве контекста, соединение с которым придает смысл психическим образованиям и действиям, переживаемым ранее как бессмысленные. Показано, что неотъемлемым атрибутом каждого из феноменов является самосознание человека. Оно обнаруживается в переживании отчужденности или принадлежности того или иного психического содержания образа Я; в рефлексивности, являющейся необходимым условием процессов поиска смысла (самонаблюдение, самоанализ, размышления и пр.); в том, что нахождение смысла обусловлено личностными структурами, составляющими содержание потенциального (цели) или идеального (ценности) образа Я.

Введение

Впервые понятие «смысл» было введено в научный оборот в связи с изучением понимания текстов (В. Дильтей, Э. Шпрангер, К. Ясперс, Х.Т. Гадамер, М.М. Бахтин). Грамматическая конструкция русского слова «смысл» раскрывается как *со-мысль*, сопряжение мыслей (Н.К. Гаврюшин) [13, с. 9]. Этимология данного понятия очевидна: корнем его является слово «мысль». Приставка же «со», служащая для образования существительных, прилагательных и глаголов, означает общее участие в чем-нибудь, со-вместность или совокупность. Например, соавторство, сопереживание, совесть, смысл. В словаре В. Даля понятие «смысл» раскрывается как «способность правильно судить, делать заключения; рассудительный отчет в делах, или способность обсуждать причины и правильность действий» [3, с. 240]. У С.И. Ожегова смысл определяется как «внутреннее содержание личности; значение чего-нибудь, которое постигает разум; цель, разумное основание жизнедеятельности человека» [100, с. 655].

Анализ литературы по данному вопросу показал, что в общенаучном плане смысл рассматривается как отношения, складывающиеся между двумя содержаниями: более широким, обобщенным, целостно взятым контекстом и узким, конкретно, единично взятым текстом. В психологии интерес к изучению смысловой реальности был вызван, прежде всего, работами В. Франкла. В 80-х годах XX века работы по исследованию смысловой реальности начали появляться в советской психологии (А.Н. Леонтьев, Б.С. Братусь, Д.А. Леонтьев, В.Э. Чудновский и др.). *Целью* данной работы является описание психологических феноменов смысла и бессмысленности, а также анализ существующих теоретических интерпретаций этих явлений.

Феноменология бессмысленности и смысла

Для понимания психологической феноменологии смысла обратимся сначала к анализу того, как описывается противоположное ему *состояние бессмысленности*.

Научный руководитель – Л.Г. Лысюк, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

Впервые оно было описано З. Фрейдом при исследовании невроза навязчивых состояний. Он обратил внимание на то, что люди, страдающие от такого заболевания, поглощены мыслями, вовсе их не интересующими, или выполняют действия, которые воспринимаются ими как совершаемые против их воли. Они ощущают чуждые им внутренние побуждения, но отказаться от них не могут. Все эти состояния воспринимаются как не принадлежащие человеку и сопровождаются страхом, тревогой [17, с. 163]. Достаточно полно состояние бессмысленности описано в рамках экзистенциальной психологии (А. Камю, Ж. Сартр, И. Ялом и др.). Так, Ялом говорил, что бессмысленными для человека могут быть даже воспринимаемые им явления внешнего мира: странный ночной шум, необычное выражение лица, международный инцидент. При этом если невозможно преодолеть данное состояние бессмысленности, оно вызывает напряжение, раздражение, неудовлетворенность [17, с. 518].

Феномен бессмысленности описал и А.Н. Леонтьев, раскрыв психологические особенности этого состояния в явлении, названном им «задача на смысл». Суть его заключается в том, что человек осознает наличие у себя какого-либо переживания, происхождение и значение которого для него непонятно, бессмысленно. Задача состоит в том, чтобы обнаружить взаимосвязи данного переживания со своей мотивационной системой. Таким образом, решение «задачи на смысл» предполагает осуществление внутренней работы, которая характеризует человека как личность [5, с. 214].

Бессмысленной может восприниматься и вся жизнь, как это описывали русские философы и писатели: Н.А. Бердяев, В.Н. Соловьев, В.В. Розанов, А.И. Введенский, В.И. Несмелов, М.М. Тареев, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и, разумеется, австрийский психотерапевт В. Франкл. Восприятие бессмысленности жизни, как и любая бессмысленность, переживается человеком как разочарование, апатия, скука, отчуждение. В. Франкл говорил, что при бессмысленности жизни человек страдает от глубинного чувства, которое порождено состоянием вакуума и соединено с ощущением пустоты.

Итак, человек переживает бессмысленность как неприятие каких-либо аспектов себя самого (мыслей, чувств, действий, поступков, слов и пр.) или даже всей своей жизни в целом. При этом он воспринимает и ощущает, что бессмысленное содержание находится в нем, но оно переживается им как чуждое, не принадлежащее ему. Следствием этого является состояние внутренней дисгармонии, противоречивости собственного внутриличностного содержания. Подобные состояния крайне мучительны для человека [13; 14; 15; 16; 17].

Стремление преодолеть бессмысленность, дезинтегрированность, дисгармоничность рассматривается как показатель наличия *потребности в смысле*, потребности в осмыслении воспринимаемых чуждыми частями себя самого, своего образа Я (К. Юнг, В. Франкл, Ж. Нюттен, С. Мадди, К. Обуховский). Содержание потребности в смысле раскрывается через рассматриваемые исследователями функции, которые, по их мнению, выполняет смысл в структуре личности.

В. Франкл, Дж. Ройс, Р. Пауэлл, Дж. Бьюдженталь, К. Обуховский, Б.С. Братусь выделяют в качестве специфической функции смысла *интенциональность*, суть которой выражается в том, что смысл придает внутренней психической жизни человека направленность, устремленность на что-либо. По их мнению, она обнаруживается, как способность не только иметь желания, побуждения, намерения, но и ставить перед собой вполне определенные цели, определять свои личные ценности и предпринимать действия, необходимые для их реализации. Факт наличия интенциональности обнаруживается также в том, что личность господствует не только над своей деятельностью, но и над своими психическими процессами и даже желаниями. По мнению К. Обуховского, данные процессы выступают для субъекта «как предметы, которые

можно контролировать и которыми можно управлять» [7, с. 72]. По мнению вышеназванных авторов, подобный контроль осуществляется только на основе эталонов и смыслов, которые определены самим человеком, его Я.

В качестве еще одной важной функции смысла практически все исследователи называют *интегративную* функцию, которая направлена на объединение различных психических содержаний для достижения целостности и единства внутренней жизни. В теориях З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, В. Франкла, Дж. Ройса и Р. Пауэлла, Ф. Феникса, С. Мадди, Б.С. Братуся и др. само понятие «смысл» раскрывается как базисное интегральное образование, детерминирующее содержание и направленность всей жизнедеятельности личности. Например, С. Мадди констатирует, что смысл является высшим интегративным началом личности. Дж. Бьюдженталь подчеркивает, что смысл выступает как сложное внутреннее интегральное образование личности.

Удовлетворение потребности в смысле приводит, таким образом, к возникновению *состояния осмысленности*, которое характеризуется следующими особенностями. Осмысленное содержание переживается человеком как неотъемлемая часть его образа Я (личные или личностные переживания), как непосредственное внутриличностное содержание, сопровождаемое чувством «принадлежности мне» (В. Дильтей, М. Бубер, В. Франкл, А.Н. Леонтьев, Б.С. Братусь, Ф.Е. Василюк). При этом, благодаря интеграции ранее чуждых состояний со смысловой сферой, человек достигает ощущения внутренней целостности, непротиворечивости, переживая удовлетворенность собой и своей жизнью.

Л.С. Выготский, В. Франкл, А.Н. Леонтьев, Б.С. Братусь, Ф.Е. Василюк подчеркивают мотивационный, аффективно-волевой характер смысла с неотъемлемым чувством активности, инициативности, устремленности (интенциональности) на что-то вполне определенное. Осмысленность способствует появлению открытости и искренности. Присвоенный субъектом смысл обнаруживается в *личностном отношении*, которое определяется как сложившийся способ отношения данной личности к любой жизненной ситуации, себе, другим людям и действительности в целом. При этом В. Франкл, Б.С. Братусь полагают, что данное отношение переживается личностью как вполне определенная *личностная позиция*, характеризующаяся умением оценить причины выбранного решения, соотнося их с самостоятельно построенным содержанием возможного, должного будущего. Дж. Бьюдженталь подчеркивает, что смысл позволяет осознанно соотносить как внешние, так и внутренние побуждения не только между собой, но и с внутренней природой человека – потенциальным образом Я.

Итак, психическое состояние или действие, если оно бессмысленно, воспринимается как «не мое» и становится достоянием Я, когда оно осмысливается. Психологически обретение смысла означает, что некоторое содержание соотносится с личностно значимым для человека содержанием, входит в это содержание, соединяется с ним и тем самым становится осмысленным: человек начинает осознавать его как собственное содержание, как часть своего образа Я.

Отсюда возникает два вопроса: во-первых, вопрос о том, как происходит обретение смысла; во-вторых, вопрос о том, с какими именно личностными структурами может соединяться бессмысленное содержание, благодаря чему оно становится осмысленным.

Процессуальные характеристики поиска смысла

Прежде чем обратиться к ответам на поставленные вопросы, следует отметить следующее. Фактически все исследователи смысловой реальности полагают, что смысл не является чем-то абстрактным (З. Фрейд, А. Адлер, Дж. Бьюдженталь, В. Франкл, С. Мадди, А.Н. Леонтьев, Б.С. Братусь и др.), он тесно связан с конкретными ситуациями. По мнению данных авторов, каждая отдельно взятая ситуация несет в себе свой

смысл, различный для различных людей, но одновременно истинный для каждого. Поэтому он меняется не только от личности к личности, но и от ситуации к ситуации. Следовательно, при рассмотрении процесса обретения смысла речь идет не об обретении смысла вообще, а о *конкретном смысле* данной личности в данной ситуации.

З. Фрейд полагает, что смысл обретается, когда связь между симптомом и бессознательными процессами осознается. Он пишет, что смысл самого симптома заключается в том, чтобы понять цель, которой данный симптом служит [16, с. 181], и поэтому процесс осознания предполагает определенную работу: самонаблюдение, размышление и пр., направленную на внутреннее изменение больного. Для понимания, осознания и осмысления места того или иного состояния в личности человека, в его Я З. Фрейд проводил анализ (психоанализ), который был направлен на поиск ситуаций в прошлом, когда бессмысленное действие было оправдано и целесообразно. Обнаружение подобных ситуаций, по его мысли, должно привести к восстановлению связи между симптомом и скрытыми внутренними желаниями и намерениями, которые избегаются, игнорируются, отрицаются и вытесняются человеком в бессознательное. Благодаря осознанию (осмыслению) симптома происходит расширение Я.

О том, что смысл обретается в результате работы самой личности над содержанием своего внутреннего мира, говорят многие исследователи этого вопроса (И. Ялом, К. Юнг, Ж. Нюттен, Ю. Джендлин, А.Н. Леонтьев, Т.Н. Флоренская и др.). Такая внутренняя работа подводит человека к осознанию необходимости сделать выбор, осуществление которого и приводит к появлению смысла (Дж. Бьюдженталь, С. Мадди, Б.С. Братусь, Ф.Е. Василюк). По мнению В. Франкла, смысл – свободный выбор личности, совершающийся вопреки принципу предопределенности [14, с. 208].

Необходимым условием обретения смысла является *вовлеченность* в реальную жизнедеятельность, в процесс выполнения задач и требований, которыми пронизана наша жизнь (И. Ялом, К. Юнг, В. Франкл, Д. Бьюдженталь, Ж. Нюттен, Ю. Джендлин, А.Н. Леонтьев, Б.С. Братусь, Ф.Е. Василюк). При этом отмечается, что рефлексивные процессы должны согласовываться, соотноситься, сопоставляться с объективной данностью. Вне такого соотношения с реальной действительностью «задачи на смысл» не решаются, и потому, как пишет Ю. Джендлин, смысл невозможно вычислить и пересказать. Его надо встретить, открыть, почувствовать, прислушаться к нему и дать ему возможность проявиться [6, с. 65]. Если же такая встреча не случается, то, по словам А. Н. Леонтьева, смысл «навсегда будет мертв для меня» [5].

Дж. Бьюдженталь, В. Франкл, Л. Ройс и А. Пауэлл, полагают, что поиски смысла начинаются с того, что в жизни человека появляется какой-либо *волнующий его вопрос*. По их мнению, уже сам вопрос задает определенный контекст для ответа, содержание которого человек пока еще не знает, но начинает его искать. Можно сказать, что уже сама постановка вопроса выводит человека за пределы его собственного внутреннего мира, за пределы своего образа Я, задает некоторую иную позицию, с которой начинается поиск смысла того, что пока еще выступает для человека как бессмысленное.

Феномен личного переживания смысла как «дозволение» действовать ему в своей жизни обнаружил и экспериментально подтвердил А.Р. Лурия, выявив, что непосредственные попытки овладеть своим поведением всегда приводят к отрицательным результатам. Он пришел к выводу, что, сколько бы человек не хотел и не знал того, как надо поступать, овладеть собственным поведением он может лишь опосредствованно через присвоенный смысл данных требований. А.Р. Лурия пишет, что «механизм воли меньше всего заключается в непосредственном волевом усилии и всегда сводится к использованию известных внешних или внутренних средств, к перестройке структуры психологического процесса» [7, с. 484–485], к «умению создать стимул совершенно особого порядка, направленный на организацию своего собственного поведения»

[7, с. 482]. Именно данный механизм (самотрансценденции в терминологии В. Франкла) используется в методе парадоксальной интенции: человек боящийся экзаменатора, направляет свои усилия не на борьбу со своим страхом, а стремится открыть данное чувство, что и позволяет ему овладеть собственным поведением.

Сам момент обретения смысла переживается как *инсайт* (З. Фрейд, А. Адлер, К. Юнг, Дж. Бьюдженталь, В. Франкл, С. Мадди, Б.С. Братусь и др.). В обычном употреблении инсайт означает мгновенное ясное понимание сути ситуации или собственных проблем. При этом данное понимание достигается интуитивно в виде внезапного озарения, называемого «ага-переживанием», благодаря которому идеи или фрагменты поведения начинают видеться в перспективе. Начиная с психоанализа, инсайт рассматривается как продукт синтезирующих и интегрирующих функций Я, достигаемый постепенно, сопровождаемый медленно прогрессирующим знанием о себе [11].

Итак, смысл может появиться только в результате внутренней работы самой личности в процессе сложных и многогранных *соотнесений* бессмысленного или меньшего по объему содержания с осмысленным и большим (В. Франкл, Б. С. Братусь). При этом данный процесс неотделим от жизнедеятельности человека в конкретно сложившейся ситуации.

Характеристика личностных структур, включенных в процессы смыслообразования

Рассмотрев процессы, ведущие к обретению человеком смысла, обратимся к анализу того, с какими именно личностными структурами может соединиться бессмысленное для субъекта содержание.

По З. Фрейду бессмысленное и чуждое содержание становится осмысленным, когда человек осознает его взаимосвязь с собственными потребностями и влечениями.

А.Н. Леонтьев, проанализировав структуру человеческой деятельности, показал, что некое содержание становится осмысленным, когда человек соотносит то, что ему нужно достичь, с тем, чего он хочет, или сопоставляет между собой знаемое им с реально действующими мотивами, т. е. соотносит цель с мотивом. При этом смыслообразующая функция принадлежит мотиву [5, с. 117]. А.Н. Леонтьев обращает также внимание на существование смысловой взаимосвязи и внутри мотивационной сферы: смысл возникает из установления связей конкретного мотива с общими смыслообразующими мотивами, которые «постоянны и самостоятельны в своем действии, образуют основу обобщенных смысловых образований и составляют ядро человеческой личности» [5, с. 185].

Таким образом, одной из личностных структур, благодаря которой происходит осмысление, является *мотивационная сфера*.

А. Адлер в отличие от З. Фрейда, искавшего смысл в прошлом индивида, связывает поведенческие смыслы с жизненным планом, с целью жизни личности, то есть с будущим. По его мнению, именно *цель жизни* задает смысл отдельным действиям человека. Он пишет о том, что без ощущения цели деятельность индивида не имела бы никакого смысла. К. Юнг также полагал, что именно цели определяют нахождение и реализацию смыслов. Но в отличие от А. Адлера, считавшего, что цель образуется в ранние годы у всех людей и при этом может ими и не осознаваться, К. Юнг утверждал, что смысл может быть связан только с духовными и культурными целями, т. е. целями, появляющимися на более поздних стадиях развития человека.

В рамках когнитивного подхода Ж. Нюттен также рассматривает смысл как тесно связанный с целями, причем целями особого рода, названными им личными. Эти цели являются результатом когнитивной переработки потребностей, которые трансфор-

мируются в персонализированные мотивы и предстают как личностные конструкты и стандарты; мои личные цели и мои действия, часть меня самого, моего Я [8, с. 219].

Итак, еще одной структурой, которая может принимать участие в смыслообразовании, являются *цели*, причем их неотъемлемой характеристикой является принадлежность к будущему и включенность в самосознание.

Третьей психологической структурой, которая может лежать в основе смыслообразования, является система ценностей (В. Франкл, Дж. Ройс и Р. Пауэлл, С. Мадди, Дж. Бьюдженталь, Б.С. Братусь, Ф.Е. Василюк и др.). Еще В. Дильтей отмечал, что для раскрытия смысловой стороны душевной жизни личности необходимо найти в ее внутренней структуре и в ее движущих силах целесообразность и связи с ценностями, которые определяют направление ее движения. Л. Ройс и А. Пауэлл полагают, для обретения смыслов необходим более высокий уровень осознания действительности, который создают ценности, являющиеся «мостом между смыслом и личностью». По мнению С. Мадди, процесс осмысления – это упорядочивание опыта в свете ценностных суждений и предпочтений.

В. Франкл в качестве контекста для нахождения смысла выделяет особую *смысловую реальность*, не тождественную психической реальности, содержание которой составляют объективно существующие ценности. При этом он описывает три группы ценностей: ценности творчества (основной путь реализации – труд), ценность переживания (восприятие действительности и взаимоотношения; подробно останавливается на любви, которая, по его мнению, обладает богатым ценностным потенциалом) и ценности отношения (более высокие, по Франклу, хотя их приоритет наиболее низок; нахождение смысла в ситуациях, представляющихся безвыходными, как «осмысленное отношение к боли, одиночеству, чувству вины и смерти») [15, с. 302]. Поскольку данные ценности относятся к конкретному человеку, который вовлечён в особую ситуацию, то по Франклу они являются не относительными, а уникальными, и поэтому их реализация – это всегда созидание [14, с. 288].

По мнению Ф.Е. Василюка, в отличие от мотива ценность – это своеобразная «инстанция, которая служит основой для выбора» [12, с. 291]. Присвоение ценностей, их трансформация во внутриличностное содержание осуществляется посредством самотрансценденции (В. Франкл). При этом присвоенное содержание сообщает личности собственные качества: стабильность, устойчивость, надситуативность и объективность, а также соединяет и иерархизирует все личностные ценности [15, с. 124]. Ценности как личностная структура, определяющая главные и относительно постоянные отношения человека к миру, другим людям и самому себе, характеризуются осознанностью. При этом они размещаются в самосознании личности, становясь частью ее идеального Я.

Исходя из доминирующего способа отношения к себе и к другим, Б.С. Братусем было выделено пять групп ценностей, которые определяют разные смысловые уровни в структуре личности: ситуационные, эгоцентрические, группоцентрические, гуманистические и духовные [1; 2].

Итак, третьей структурой, которая лежит в основе смыслообразования, являются присвоенные человеком *ценности*, которые входят в ядро образа Я человека, составляя содержание его идеального Я [4, с. 121; 15, с. 46].

Выводы

Проведенный анализ позволил выделить и описать следующие психологические феномены смысла и их теоретические интерпретации: 1) феномены переживания бессмысленности и осмысленности собственных психических состояний и действий, за которыми, как полагают К. Юнг, Дж. Бьюдженталь, В. Франкл, С. Мадди, К. Обуховский, Б.С. Братусь и др., стоит потребность в смысле как потребность в ин-

тенциональности и интеграции внутренней психической жизни; 2) феномены, описывающие условия и процесс обретения смысла; 3) феномены, в которых обнаруживаются, какие личностные структуры являются тем контекстом, соединением с которым придает смысл психическим образованиям и действиям, ранее переживаемых самим человеком как бессмысленные.

Рассмотрение вышеперечисленных феноменов показало также, что неотъемлемым атрибутом каждого из них является самосознания человека. Во-первых, оно проявляется в том, что человек при переживании им бессмысленности осознает собственное состояние внутренней дисгармонии и переживает те или иные состояния как не принадлежащие его собственному Я, а при обретении смысла он осознает и переживает, что бессмысленное ранее содержание стало принадлежать ему. Во-вторых, процесс поиска смысла включает в себя рефлексивное отношение к своему внутреннему состоянию (самотрансценденция по терминологии В. Франкла), которое связано с конкретной ситуацией жизнедеятельности и выражается в самонаблюдении, самоанализе, размышлении и т. п., направленных на выстраивание новых взаимосвязей во внутреннем пространстве личности. В-третьих, нахождение смысла обусловлено такими личностными структурами, которые связаны с самосознанием человека, составляя содержание его потенциального (цели) или идеального (ценности) образа Я.

Изучение обнаруженных взаимосвязей смысла и самосознания является задачей дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Братусь, Б.С. Аномалии личности / Б. С. Братусь. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 304 с.
2. Братусь, Б.С. Смысловые сферы личности / Б.С. Братусь // Психология личности : хрестоматия : в 2 т. / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. – М. : Бахрах-М, 2000. – Т. 2 : Отечественная психология. – С. 385–456.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа / В.И. Даль. – СПб., М., 1882. – Т. 4. – С. 240.
4. Зейгарник, Б.В. Очерки по психологии аномального развития личности / Б.В. Зейгарник, Б.С. Братусь. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 169 с.
5. Леонтьев, А.Н. Деятельность, сознание и личность. Избранные психологические труды : в 2 т. / А.Н. Леонтьев ; под ред. В.В. Давыдова. – М. : Педагогика, 1983. – Т. 2.
6. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2003. – 487 с.
7. Лурия, А.Р. Природа человеческих конфликтов: Объективное изучение дезорганизации поведения человека / А.Р. Лурия ; под ред. В.И. Белопольского. – М. : Когито-Центр, 2002. – 527 с.
8. Нюттен, Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д.А. Леонтьева. – М. : Смысл, 2004. – 608 с.
9. Обуховский, К. Психология влечений / К. Обуховский. – М. : Прогресс, 1972. – 248 с.
10. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов ; под ред. докт. филолог. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. – 13-е изд., испр. – М. : Русский язык, 1981. – 816 с.
11. Психоаналитические термины и понятия / под ред. Баронесса Э. Мура и Бернарда Д. Файн [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gestaltline.com/archives/255>. – Дата доступа : 02.07.2008.
12. Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. – М. : Смысл, 1997. – 336 с.

13. Смысл жизни. Антология / под ред. Н. К. Гаврюшина. – М. : Прогресс-Культура, 1994. – 592 с.
14. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.
15. Франкл, В. Психотерапия на практике / В. Франкл. – СПб. : Речь, 2001. – 256 с.
16. Фрейд, З. Введение в психоанализ. Лекции / З. Фрейд. – М. : Наука, 1991. – 456 с.
17. Ялом, И. Экзистенциальная терапия / И. Ялом ; пер. Т.С. Дробкиной // Irvin Yalom. Existential Psychotherapy. N.Y.: «Basic Books», 1980 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.psylib.ukrweb.net/books/yalom01/index.htm>. – Дата доступа : 28.10.2008.

Bohdan H.G. About the Concept of Sense in Psychology

The article is dedicated to the description of psychological phenomena of the experience of inanity and comprehension of personal psychic states and actions, as well as the analysis of the existing theoretical interpretations of these phenomena. It is shown that behind the abovementioned phenomena there exists a need in sense, which is qualitatively characterized by the intentionality and integration of inner psychic life. Described are the process characteristics of sense-searching. It has been discovered that the process of sense-formation includes such personal structures as motives, goals, and values, which act as a context giving sense to different psychic formations and actions previously experienced as senseless. It has been shown, that inalienable attribute of every phenomenon is human self-consciousness. It is revealed while experiencing detachment or belonging of different psychic content of human self; in reflexiveness, which is necessary for the processes of sense-searching (self-observation, self-analysis, meditations, etc.); in the fact that the discovering of sense is conditioned by personal structures, which comprise the content of potential (sense) and ideal (value) of self image.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.11.08

УДК 37.015.3

Ю.Е. Иванюк

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ ШКОЛЬНОГО ПСИХОЛОГА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

В статье излагаются результаты теоретического анализа понятия «профессиональная позиция школьного психолога». Обоснована собственная точка зрения на профессиональную позицию как позицию личности (психолога) по отношению к другой личности (клиента). В качестве методологической основы последующего эмпирического изучения данного образования определена теория отношений личности В.Н. Мясищева, в соответствии с которой личностное отношение имеет следующую структуру: когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты.

Введение

Профессиональная позиция (от лат. position – точка зрения, принцип, положенные в основу поведения, действий [1]) рассматривается как система устойчивых отношений профессионала к существенным аспектам своей деятельности, проявляющаяся в соответствующем поведении. Профессиональная позиция тесно связана с другими видами позиций: социальной, личностной, ролевой. Социальная позиция или профессиональный статус – это место профессионала в социальной структуре, являющееся результатом разделения труда и регламентирующее стиль поведения. Профессиональный статус связан с системой ожиданий, предъявляемых профессионалу как обществом в целом, так и отдельными группами. Личностная позиция профессионала – это отношение субъекта к своему профессиональному статусу, которое выполняет мотивационную функцию и задает направление деятельности (либо на сохранение существующего статуса, либо на его изменение). Мотивы могут соответствовать объективным требованиям деятельности или вступать с ними в противоречие. В связи с этим позиция может быть адекватной или неадекватной (особенно, если мотивы не осознаются). Ролевая позиция профессионала является конкретизацией общей профессиональной позиции в актуальной ситуации взаимодействия. Для ее описания используются также термины «роль», «модель», «коммуникативная установка» и др.

Профессиональные позиции типологизируются на основании ведущей стороны взаимодействия: деятельности (субъект-объектное взаимодействие) или общения (субъект-субъектное взаимодействие). Так, на основании отношения к цели деятельности партнеры могут выступать как «соперники» или как «сотрудники». Сотрудники, в свою очередь, могут занимать позиции «ведущего» (или лидера) – «ведомого» (в условиях самостоятельного определения содержания и способов деятельности) и позиции «исполнителя» и «контролера» (в условиях заданного содержания и способов деятельности). На основании выбранного характера действий позиция может быть «наступательной», «оборонительной» или «выжидательной».

Широкое распространение среди типологий профессиональных позиций, опирающихся на субъект-субъектное взаимодействие, получила модель транзактного анализа Э. Берна [2]. Развивая идеи психоанализа, Э. Берн полагает, что межличностные отношения определяются тремя эго-состояниями или позициями во взаимодействии: «Взрослый», «Ребенок» и «Родитель». Реализация конкретной позиции предполагает и

Научный руководитель – Е.Н. Медведская, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

различный характер «пристройки» к партнеру по взаимодействию: «сверху» (с позиции Родителя), «снизу» (с позиции Ребенка) и «рядом» (с позиции Взрослого). Таким образом, каждая ситуация взаимодействия может быть описана как различное сочетание занимаемых партнерами позиций. Э. Берн выделяет два основных вида транзакций: дополнительные, при которых ситуация взаимодействия развивается как согласованная, и пересекающиеся, при которых ситуация превращается в конфликтную.

Профессиональная позиция является понятием, активно разрабатываемым в современной русскоязычной психологии. Этот интерес обусловлен объективной необходимостью, во-первых, организации эффективного сотрудничества специалистов смежных профессий [3; 4], во-вторых, решения проблем профессионального самоопределения представителей «новых» социомических профессий (практического психолога, социального педагога) [5; 6].

Однако, несмотря на широту употребления термина, вокруг понятия «профессиональная позиция психолога» складывается несколько парадоксальная ситуация. С одной стороны, оно употребляется часто, при этом априори подразумевается, что все знают, о чем идет речь. Например, М.А. Степанова в аннотации к монографии «Психолог в школе» указывает, что материал книги выступает как «ориентир для выбора собственной профессиональной позиции» [7, с. 2], однако само понятие профессиональной позиции ею не раскрывается. Можно привести и еще ряд примеров исследовательских работ, в которых профессиональная позиция является предметом изучения, строятся классификации, однако отсутствует само определение [4–6]. С другой стороны, те авторы, которые определяют обсуждаемое понятие, расшифровывают его содержание по-разному. Поэтому теоретический анализ с целью обобщения существующих точек зрения на содержание профессиональной позиции психолога представляется актуальной исследовательской задачей.

Основная часть

Прежде чем характеризовать профессиональную позицию психолога, целесообразно остановиться на содержании профессиональной позиции специалистов другой социомической профессии (более традиционной, а значит, и более изученной), профессиональной позиции педагога.

А.К. Маркова считает, что профессиональные позиции – это «системы отношений учителя (к ученику, к себе, к коллегам), определяющие его поведение. Профессиональная позиция тесно связана с мотивацией учителя, с осознанием им смысла своего труда» [8, с. 9]. А.К. Маркова выделяет около тридцати типов педагогических позиций или типов учителей («гражданин», «оптимист», «индивидуальность», «мастер», «творец», «новатор», «диагност», «консультант», «психолог» и др.). Некоторыми специалистами [5; 9; 10] предложенная А.К. Марковой типология профессиональных позиций критикуется прежде всего по ее основанию, поскольку данные позиции скорее представляют собой набор функциональных ролей, т. е. являются отражением ролевого (или внешнего, ситуационно-изменчивого) аспекта профессиональной позиции. Однако этого же принципа придерживаются в своей классификации и другие исследователи, например, В.А. Кан-Калик и Н.Д. Никандров, выделяя модели общения педагога с классом: «дирижер», «зеркало», «режиссер» и др. [11]; Ю.М. Жуков, характеризуя позиции психологов по отношению к клиентам как «Учитель», «Эксперт», «Консультант» [12] и др.

Е.Г. Юдина под позицией педагога понимает систему отношений субъекта к существенно значимым аспектам его деятельности, прежде всего к ребенку (детям). По ее мнению, это образование выступает ядром профессионального педагогического сознания. Е.Г. Юдина предлагает структурировать профессиональную позицию в следующих трех категориях: цели педагогической деятельности, образ ребенка, средства педа-

гогической деятельности [9]. Согласно полученным ею эмпирическим данным педагогическая позиция большинства воспитателей российских детских садов может быть определена как «надпозиция». С одной стороны, это отношение к сознанию ребенка как *tabula rasa*, и, с другой стороны, отношение к собственным знаниям, представлениям, установкам как к эталонным во взаимодействии с ребенком. Таким образом, Е.Г. Юдина опирается в своей типологии на модель трансактного анализа Э. Берна. Используя данную модель в качестве базовой, относительно позиции педагога по отношению к детям она выделяет два вида позиции: авторитаризм (позиция «над») и партнерство (позиция «рядом»).

Анализу отличий профессиональных позиций педагогов и социальных работников посвящено диссертационное исследование М.Д. Лаптевой [13]. В своем понимании профессиональных позиций она так же, как и Е.Г. Юдина, ставит акцент на субъект-субъектной стороне взаимодействия и приходит к заключению, что «Профессиональное общение в социальной работе в сопоставлении с педагогическим характеризуется большей гибкостью, большей симметричностью позиций, что связано с доминированием позиции Взрослого (в терминах Э. Берна) в противоположность доминированию позиции Родителя у педагога» [13, с. 56].

М.Д. Лаптевой предложена общая, четырехшаговая, схема освоения профессиональной позиции студентом, овладевающим любой социологической профессией. Первый шаг – это ориентировка, которая заключается в осознании системы социальных ожиданий, предъявляемых профессионалу. Второй шаг – это выбор, т. е. соотнесение социальных ожиданий со своими личностными установками. Если эти два вида ожиданий совпадают, то происходит выбор постоянной позиции, если нет – профессиональная позиция может быть отвергнута. Третий шаг – принятие или «примеривание», итогом которого является формирование индивидуального стиля профессиональной деятельности. Четвертый шаг – проигрывание или освоение различных ролей как решение текущих задач взаимодействия в соотнесении с общей целью деятельности.

И.В. Дубровина, являясь автором одной из концепций психологической службы школы в России, использует акмеографический подход для описания деятельности психолога. По ее мнению, деятельность психолога – это целостный феномен, включающий в себя объективные и субъективные характеристики. Объективными характеристиками выступают цели, задачи и функции деятельности. Субъективные характеристики образуют ЗУНы, профессиональные позиции, специфические психологические качества и акмеологические инварианты. Важно также, что субъективные характеристики труда тесно взаимосвязаны и являются условием эффективного выполнения психологом своих функций. Поэтому И.В. Дубровина объединяет их в более общее понятие профессиональной компетентности или профессионализма, уточняя, что профессиональные позиции, психологические особенности и акмеологические инварианты указывают на отношение психолога к деятельности и образуют его индивидуальный почерк.

И.В. Дубровина дает следующее определение профессиональной позиции психолога: «это целостное психическое образование, включающее конкретные установки и ориентации, систему личных отношений и оценок внутреннего и окружающего опыта, реальности и перспектив, а также собственные притязания, реализуемые (не реализуемые, частично реализуемые) в избранном труде. Эта позиция выражает способ самоопределения психолога, принятия и реализации им собственной профессионально-деятельностной концепции...» [3, с. 20]. Профессиональная позиция имеет как устойчивую сторону (самооценку психолога, уровень профессиональных притязаний, мотивированность деятельности, понимание своего предназначения), так и ситуационную, а именно: конкретизацию общего содержания профессиональной позиции при выполнении

определенных деятельностных функций диагностического, коррекционно-развивающего и др. характера. Таким образом, согласно концепции профессионализма И.В. Дубровиной профессиональная позиция выступает некой совокупной детерминантой активности психолога, определяет его место и роль в профессиональной деятельности.

В социономических профессиях, особенно в психологии, существует проблема несоответствия личности специалиста требованиям профессиональной деятельности. Эту общую проблему В.Т. Кудрявцев обсуждает как проблему несовпадения личностной и профессиональной позиций психолога. Он предлагает рассматривать профессиональную деятельность с точки зрения «миссийного» подхода. По его мнению, Миссия – это инициативное осмысление ситуативных профессиональных задач в перспективе более широких и значимых целей. В случае принятия профессионалом своей деятельности как Миссии решение профессиональных задач принимается как внутренний долг, а контроль за их решением становится прерогативой совести. Смысл психологической помощи, если понимать ее как исполнение Миссии, заключается в том, «чтобы помочь человеку осознать целостность своего внутреннего мира <...> содействовать в открытии необыденных измерений этого мира, тех, о существовании которых человек даже не подозревал» [5, с. 32].

Для описания идеальной модели личностно-профессиональной позиции специалиста В.Т. Кудрявцев использует аналогию со структурой геосферы. При такой модели поверхность сферы образует профессиональная роль (или внешнее выражение профессиональной позиции); внешней мантией выступает сама профессиональная позиция; внутренней мантией является миссия; ядром, выполняющим структурирующую функцию, выступает личностная позиция. Исполнение психологической Миссии обуславливает и разрешение проблемы, а именно – содержательное совпадение профессиональной и личностной позиций психолога. В качестве примеров психологов-Миссий (или гармонии между профессиональной и личностной позициями) автором называются имена К. Роджерса и В.В. Давыдова. Иначе говоря, если требования профессиональной роли рождаются с ценностями и мотивами личности, то они выступают, в терминологии А.Н. Леонтьева, как «мотивы-стимулы», которые обеспечивают адаптивное поведение личности. Если же требования роли приобретают личностный смысл, то они выступают как смыслообразующие мотивы, ликвидирующие разрыв между личностной и профессиональной позициями.

Еще один специфический подход к профессиональной позиции психолога представлен в концепции А.Г. Лидерса. Он использует понятие профессиональной позиции для решения более широкой проблемы самоопределения практических психологов. Эта проблема имеет два основных источника: во-первых, заимствованность большинства психологических приемов, методов и процедур из арсенала медиков (или психотерапевтов), во-вторых, отсутствие у клиентов (а также и у самих психологов) четких представлений о содержании психологической помощи.

Для выделения особенностей позиции практического психолога по отношению к клиенту А.Г. Лидерс использует методический прием противопоставления позиций различных специалистов: врача, педагога, юриста и священника. В структуре профессиональной позиции автор выделяет два ее компонента: первый – это ведущая, базальная деятельность профессионала и второй – основная онтологическая категория, через которую данный профессионал как бы видит своего клиента.

Для врача ведущей деятельностью выступает терапия, «основное содержание которой состоит в выписке рецепта на лекарство. А лекарство это то, что действует на пациента и без его личностного участия» [6, с. 148–149]. Ключевой категорией, сквозь которую врач видит своего пациента, выступает категория болезни, нездоровья. Психолог, в отличие от врача, не только не использует категорию патологии, но, и что важ-

нее, «психолог не выписывает рецепты и, так сказать, в фигуральном, переносном смысле этого слова. Он не выписывает рецепты с точностью не давать конкретных советов клиенту...» [6, с. 150]. Кроме того, А.Г. Лидерс указывает еще на один аспект, важный для проводимого анализа, а именно: психолог «не может вынести свою личность за скобки отношения с клиентом. <...> он «лечит» не рецептами на лекарства, а своей личностью» [6, с. 150]. Для педагогической (или воспитательной) позиции ведущей деятельностью, точнее, ее «генетическим ядром» выступает деятельность сравнения личности ребенка с заданным идеалом или деятельность оценивания. Соответственно основной педагогической категорией выступает категория идеала. Особенностью профессионального отношения психолога к клиенту заключается в занятии прямо противоположной безоценочной позиции. Для юриста ведущей деятельностью является представление прав и интересов клиента в социуме, а основной категорией – категория права. Школьный психолог, как и юрист, иногда также защищает интересы ученика перед администрацией, перед нерадивыми родителями, однако это выступает скорее побочной, вынужденной функцией. И, наконец, специфическая деятельность священника заключается в отпускаянии грехов, соответственно основная категория, являющаяся призмой служителя церкви для понимания им прихожан, – это категория греха.

Относительно основной деятельности и онтологической категории, задающих профессиональную позицию психолога, А.Г. Лидерс выдвигает следующее предположение. «Ведущая деятельность практического психолога по отношению к клиенту есть их со-развитие, со-личностный рост. Решение проблемы клиента есть не только его – клиента – шагок в личностном росте, это шагок в личностном росте и психолога... Гипотезой об онтологической категории практического психолога, сквозь которую он видит своего клиента, будет гипотеза о категории личностного роста, культурной продуктивности...» [6, с. 163]. Необходимо также отметить логичность высказанной А.Г. Лидерсом гипотезы, однако ее эмпирическая проверка показала, что категория развития у психологов скорее представлена на декларативном уровне профессионального сознания, но не является реально действующей категорией, опосредующей понимание школьными психологами других субъектов образования [14].

Анализируя проблемы взаимодействия школьных психологов и педагогического коллектива в качестве причины возможных трудностей Т.И. Чиркова называет установку на поддержку и связанную с ней «над»-позицию психологов по отношению к педагогам. При этом позиция рассматривается ею как интегративное образование, находящееся в центре профессионального самосознания. «Слово «поддержка» постоянно звучит в высказываниях как самих психологов, так и в их адрес. Но правомерна ли такая позиция и может ли она претендовать на доминирующую в системе образования? В поддержке нуждается что-то падающее, неустойчивое, несамостоятельное, ущербное. Для полноценного функционирования этого «нечто» (в нашем случае – педагогической практики) нужна поддержка, внешняя дополнительная опора. Эту роль взяла на себя психологическая служба. Но позиция поддержки ослабляет ответственность и перспективы совершенствования педагогической практики собственными силами. Может быть, не случайно опытные, высококвалифицированные педагоги отторгают поддержку психологов. Они не хотят признать себя беспомощными, поддерживаемыми кем-то» [4, с. 43]. Более эффективной, чем позиция поддержки, Т.И. Чиркова полагает позицию сопровождения (или содействия, соучастия, включенности психологов в педагогический процесс). Позиция сопровождения требует от школьных психологов инициативности в обнаружении содержания своей работы и согласованности своей деятельности с нуждами других субъектов образовательного процесса. Формирование подобной конструктивной позиции необходимо начинать еще на этапе формирования профессионального самосознания, в процессе подготовки психологов для учреждений образования.

Сравнительный анализ позволяет выделить следующие общие моменты в понимании разными авторами различных профессиональных позиций.

Во-первых, позиция выступает центральным образованием для понимания типа деятельности и типа общения профессионала (А.К. Маркова, В.А. Кан-Каллик), она рассматривается как источник активности, детерминанта индивидуального стиля деятельности (Е.Г. Юдина, И.В. Дубровина, В.Т. Кудрявцев).

Во-вторых, профессиональная позиция является ядром профессионального сознания (Е.Г. Юдина) и самосознания специалиста (И.В. Дубровина, Т.И. Чиркова). Она выступает результатом профессионального самоопределения, поэтому должна складываться не стихийно, а формироваться целенаправленно, в процессе приобретения профессии.

В-третьих, позиция – это отношение (А.К. Маркова, И.В. Дубровина, В.Т. Кудрявцев, А.Г. Лидерс) и, прежде всего, отношение к другому человеку, к партнеру по взаимодействию (А.К. Маркова, Е.Г. Юдина, А.Г. Лидерс). Таким образом, для представителей социономических профессий центральным отношением, структурирующим профессиональную позицию, выступает отношение к другим людям как объектам своего труда.

Это позволяет конкретизировать понятие профессиональной позиции школьных психологов следующим образом: это система устойчивых отношений к другим участникам образовательного процесса, проявляющаяся в поведении. При таком понимании она рассматривается как позиция личности (профессионала) по отношению к другой личности (клиента). Именно такое понимание соответствует сути деятельности практического психолога, поскольку основным инструментом его деятельности выступает собственная личность [3; 6], а объектом – другая личность [15, с. 4].

Дополнительными обоснованиями предложенного акцента в понимании профессиональной позиции психолога именно как отношения личности, а не как профессионального статуса или профессиональной роли выступают следующие. Социальные ожидания, предъявляемые к деятельности психолога, очень размыты и мифологизированы в силу новизны профессии [3–7]. Профессиональные роли психолога разнообразны, поскольку сама ситуация взаимодействия характеризуется как неопределенная, непредсказуемая, а деятельность по своей сути является полифункциональной. Поэтому опора на ролевой, наиболее динамичный аспект профессиональной позиции содержит в себе опасность растворения в разнообразии возможных ролей.

Обозначенное понимание профессиональной позиции психолога как отношения личности позволяет в качестве методологической основы для определения структуры этого образования опираться на теорию отношений В.Н. Мясищева [16]. Согласно его теории отношение – это психическое образование, аккумулирующее в себе результаты познания объекта, интеграцию эмоциональных откликов на этот объект, а также поведенческих ответов на него. В развитом виде отношения человека представляют собой целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами действительности. Иначе говоря, позиция личности – это интеграция доминирующих, избирательных отношений человека. А.А. Бодалев также подчеркивает, что «самой важной составляющей отношения, в чем совпадают мнения многих ученых, оказывается мотивационно-эмоциональный компонент, который сигнализирует о валентности отношения – положительной, отрицательной, противоречивой или безразличной» [17, с. 122].

Предложенная В.Н. Мясищевым трехкомпонентная структура отношения нашла свое воплощение и во многих эмпирических исследованиях, анализирующих отношения личности к различным сторонам действительности: родителей к своему ребенку и к способам взаимодействия с ним (А.С. Спиваковская, О.Р. Овчарова, О.В. Смирнова,

А.Г. Шмелев и др.); человека к своей социальной позиции и вытекающим из нее ожиданиям (И.С. Кон, Б.Д. Парыгин, А.Г. Асмолов); клиента психологической консультации к объективной противоречивости требований жизни (С.А. Капустин); психолога-консультанта к личности клиента (А.Ф. Копьев) и др.

Заключение

Профессиональная позиция школьного психолога – это система устойчивых отношений к другим субъектам образования, проявляющаяся в поведении. Профессиональная позиция выполняет мотивирующую деятельность функцию.

Профессиональная позиция как отношение личности – это интегральное образование, включающее в себя когнитивную, аффективную и поведенческую составляющие (В.Н. Мясищев). Такое понимание структуры профессиональной позиции позволяет, во-первых, сделать ее содержание предметом эмпирического изучения, а в дальнейшем и предметом более целенаправленного формирования; во-вторых, сосредоточиться на наиболее существенных и устойчивых личностных особенностях профессионала, задающих направление его деятельности, в отличие от неопределенности социальных ожиданий (профессиональный статус) и динамичности конкретных личностных проявлений в отдельных ситуациях взаимодействия (профессиональная роль).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булыко, А.Н. Большой словарь иностранных слов. 35 тыс. слов / А.Н. Булыко. – 2-е изд., испр. – М. : Мартин, 2007. – 704 с.
2. Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Э. Берн ; пер. с англ. – М. : Прогресс, 1988. – 399 с.
3. Рабочая книга практического психолога: Технология эффективной профессиональной деятельности / под ред. И.В. Дубровиной. – М. : Российское педагогическое агентство, 1996. – 400 с.
4. Чиркова, Т.И. О профессиональном осмыслении психологами своих позиций по отношению к педагогической практике / Т.И. Чиркова // Психологическая наука и образование. – 2003. – № 2. – С. 39–48.
5. Кудрявцев, В.Т. Профессиональная и личностная позиция психолога: сапожник в сапогах / В.Т. Кудрявцев // Журнал практического психолога. – 2005. – № 6. – С. 28–38.
6. Лидерс, А.Г. Особенности позиции практического психолога по отношению к клиенту / А.Г. Лидерс // Журнал практического психолога. – 2005. – № 4. – С. 142–163.
7. Степанова, М.А. Психолог в школе: Факты, комментарии, рекомендации. – М. : ТЦ Сфера, 2005. – 288 с.
8. Маркова, А.К. Психология профессионализма / А.К. Маркова. – М. : Знание, 1996. – 312 с.
9. Юдина, Е.Г. Позиция педагогов: авторитаризм и партнерство / Е.Г. Юдина // Вопросы психологии. – 2005. – С. 132–142.
10. Юдина, Е.Г. Педагогическая этика и профессиональное сознание педагога // Человек. – 1998. – № 2.
11. Канн-Калик, В.А. Педагогическое творчество / В.А. Канн-Калик, Н.Д. Никандров. – М. : Педагогика, 1990. – 144 с.
12. Жуков, Ю.М. Позиции психолога-практика // Введение в практическую социальную психологию : учеб. пособие / под ред. Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, О.В. Соловьевой. – М. : Наука, 1994. – С. 15–23.

13. Лаптева, М.Д. Позиция в структуре профессионального общения [Электронный ресурс]: В контексте переподготовки социальных работников : дис. канд. ... психол. наук : 19.00.07. – М. : РГБ, 2003 (Из фондов Российской Государственной библиотеки) Педагогическая психология

14. Иванюк, Ю.Е. Профессиональная позиция школьных психологов: к проблеме содержания когнитивного компонента / Ю.Е. Иванюк // Психология обучения. – 2008. – № 2. – С. 91–100.

15. Образовательный стандарт РБ : Высшее образование. Специальность Г.07.01.00. Психология. – Введ. 30.12.98. – Минск : Бел. гос. ун-т, 1998. – 40 с.

16. Мясищев, В.Н. Личность и неврозы / В.Н. Мясищев. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1961. – 422 с.

17. Бодалев, А.А. О взаимосвязи общения и отношения / А.А. Бодалев // Вопросы психологии. – 1994. – № 1. – С. 122–127.

Ivanjuk Ju. E. Professional Position of a School Psychologist: a Definition of the Concept

The article presents the results of theoretical analysis of the notion “professional position” of a school psychologist. The author substantiates her own view of professional position as a position of a person (the psychologist) in relation to another person (the client). According to the article the methodological basis of the further empirical study of the notion is determined by V.N. Myasishchev’s relations theory which allocates three elements in the structure of personal relation: cognitive, emotional and behavioural components.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 16.06.08

УДК 373.21

Т.С. Будько

ФОРМИРОВАНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У ДЕТЕЙ В РАЗНЫХ ВИДАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

В статье рассматривается необходимость комплексного подхода в обучении детей дошкольного возраста математике. Показывается, что предматематическую подготовку детей 3–5 лет целесообразно осуществлять в такой деятельности, в ходе которой ребенок учится познавать окружающий мир, а не на специальных занятиях по математике.

Указываются особенности организации формирования математических представлений у детей в разных видах деятельности. Описаны способы наполнения математическим содержанием конспектов занятий по музыкальному воспитанию, изобразительной деятельности, ознакомлению детей с природой окружающего мира, занятий по развитию речи и обучению грамоте. Рассматриваются возможности стимулирования двигательной активности дошкольников в процессе формирования математических представлений. Предлагаются варианты организации обучения детей математике в комплексе с физическим воспитанием.

Введение

Интерес детей к изучению математики во многом зависит от формы организации обучения. Для того чтобы дети осознали и прочно усвоили полученные математические представления, необходимо, чтобы выполняемая ими деятельность была им интересна и понятна. В настоящее время идет активный поиск возможностей обновления и качественного улучшения форм обучения дошкольников.

В дошкольном возрасте обучение детей математике должно включаться в другую деятельность и осуществляться в такой деятельности, в ходе которой ребенок учится познавать окружающий мир, причем эта деятельность может не быть специально организованной и не протекать в определенном порядке и режиме.

По нашему мнению, при выборе форм обучения дошкольников математике надо учитывать, что те математические представления, которые формируются в дошкольном возрасте, носят для детей прикладной характер. Математика нужна детям для ежедневной ориентировки в окружающем мире. Поэтому математика должна быть представлена в разнообразных видах деятельности.

Познание окружающего мира через взаимосвязь разных явлений, отношений является наиболее интересным и полезным для детей. Организуя процесс обучения дошкольников математике, необходимо учитывать, что дети каждый день неоднократно встречаются с математическими отношениями, и почти все математические представления, которые получают дети дошкольного возраста, имеют практическое применение. Поэтому математические представления необходимо формировать ежедневно, каждый раз обращая внимание детей на новые математические отношения и побуждая их использовать имеющиеся знания. В дошкольных учреждениях формирование математических представлений должно осуществляться так, чтобы дети видели, что математические понятия отражают связи и отношения, свойственные предметам окружающего мира. На практике условия для применения у дошкольников математических знаний существуют в разных видах деятельности – трудовой, изобразительной, двигательной, когда ставится задача, например, отсчитать нужное количество предметов, сравнить их по форме или величине. Такие действия включаются в различную деятельность детей

как дополнительное средство достижения основной цели (построить, нарисовать и т. д.). Целью нашего исследования является определение особенностей организации формирования математических представлений у детей в разных видах деятельности.

Формирование математических представлений в процессе музыкального воспитания

В своих исследованиях современные психологи утверждают, что чем больше органов чувств ребенка участвует в восприятии явления, тем глубже оно осмысливается и лучше запоминается. Дети дошкольного возраста плохо воспринимают задачу на усвоение общего способа действий, если она дается им непосредственно. Дошкольники принимают задачи лучше в проблемно-игровой или проблемно-практической ситуации и запоминают то, на что было обращено внимание в деятельности, что произвело на них впечатление, что было интересно.

На взаимосвязь и неразрывное единство музыки и математики обращают внимание и ученые прошлых веков, и современные педагоги. В методических пособиях для педагогов дошкольных учреждений предложены примеры упражнений комплексного характера для решения некоторых дидактических задач музыкального и математического развития.

Нами определен круг программных задач в области количественных, пространственных и временных представлений, а также представлений о величине и форме предметов, которые решаются средствами музыкального искусства [1].

Для решения программных задач нами были разработаны вопросы и задания комплексного характера. Как средство реализации этих программных задач были предложены музыкальные произведения для слушания, для воспроизведения танцевально-ритмичных движений, музыкальные инструменты, специальные модели.

Разработан цикл занятий по развитию математических представлений в комплексе с музыкальным развитием. Весь методический материал был упорядочен по программным задачам по разделу «Математика», а внутри каждой задачи – по степени сложности. Образовательные ситуации группировались также с учетом вида музыкальной деятельности.

Для реализации комплексного подхода в обучении дошкольников музыке и математике было разработано около семидесяти упражнений.

Задания и вопросы формулировались таким образом, что предполагали комплексное решение программных задач по музыкальному и математическому развитию. Например, для счета использовали ноты, музыкальные инструменты. Для классификации предметов использовались инструменты симфонического оркестра и инструменты белорусского народного оркестра. Для формирования умения ориентироваться в пространстве использовались карточки с нотами на нотном стане.

Игры с музыкальными инструментами также были наполнены математическим содержанием. Например, дети ставили условия друг другу: «Ты сыграй мелодию из четырех нот, а я сыграю из трех».

Детям предлагалось искать геометрические формы в деталях музыкальных инструментов, использовать инструменты в качестве счетного материала. Во время занятий по обучению порядковому счету дети быстро закрепили названия нот и их расположение на нотном стане. Детям давалось задание измерить продолжительность мелодии в шагах. В процессе слушания музыки, разучивания танцевальных движений и игры на детских музыкальных инструментах формировались понятия: быстро, медленно, справа, слева, впереди, сзади.

Мы пришли к выводу, что около восьмидесяти процентов программных задач по музыкальному и математическому развитию детей дошкольного возраста могут быть решены комплексно.

Таким образом, в нашем исследовании представлена технология комплексного обучения детей дошкольного возраста музыке и математике, определен музыкально-дидактический материал, с помощью которого можно формировать математические представления у дошкольников.

Комплексный подход в формировании математических представлений детей и руководстве их изобразительной деятельностью

Конструирование, отвечая интересам и потребностям детей, обладает чрезвычайно широкими возможностями в плане умственного воспитания детей. Дети усваивают то, что основной смысл деятельности не просто в получении конкретного результата, но и в приобретении знаний и умений, которые пригодятся им и в других ситуациях. Конструирование поделок предполагает также применение уже полученных на занятиях по математике знаний и умений детей.

Для проведения комплексных занятий по предматематическому развитию и конструированию разработано 35 конспектов. Занятия сгруппированы по сериям, в зависимости от используемых материалов. В каждой серии осваиваются в основном одни и те же приемы конструирования, постепенно усложняющиеся. Например, серия мебели из спичечных коробков, игрушки из фантиков, из катушек, из проволоки, из ниток и т.п. Это дает возможность добиться полноценного усвоения детьми программного содержания. Воспитатели могут сформировать серии занятий исходя из программных задач по предматематической подготовке. Руководствуясь принципом тематического планирования, можно использовать тематические комплексы. Например, планируя работу по теме «Животные», можно провести следующие занятия: «Веселые зверюшки», «Котик», «Жираф».

В ходе выполнения заданий дети могут сравнивать предметы по разным признакам. Например, при изготовлении стола из катушек – высоту, толщину ножек стола. На занятии «Аквариум» дети могут измерять объем жидких тел с помощью условной мерки. При изготовлении модели времени из разноцветных крышек дети могут закреплять знание частей суток, их последовательность, сменяемость.

Таким образом, конструирование имеет большие возможности для формирования математических представлений. В процессе строительства различных конструкций, конструирование из бумаги, картона, из природного материала, из готовых форм, при формулировании заданий и анализе детских работ обращаем внимание детей на математические свойства и отношения.

Формирование математических представлений в процессе ознакомления детей с природой окружающего мира

Для ознакомления детей старшего дошкольного возраста с живой и неживой природой, растительным и животным миром педагог использует различные формы работы: занятия, экскурсии, целевые прогулки, наблюдение в повседневной жизни. Значимое место отводится детским наблюдениям за природой, природными явлениями, самонаблюдению, экспериментированию, опытам, играм. Чтобы расширить познания детей о временах года, воспитатель проводит занятия о характерных явлениях в природе в разное время года. На наш взгляд, на всех занятиях, прогулках, экскурсиях, в играх возможно и решение дидактических задач по формированию математических представлений. Находясь в естественных «природных» условиях, ребенку легче усвоить конкретные математические понятия, так как он сам является частью природы и дейст-

вует по ее законам. На самом деле, как просто детям усвоить, что листочков на дереве много, а дерево – одно в процессе наблюдения; или измерить длину лесной тропинки условными мерками – шагами. В ходе ознакомления детей с растениями, животными, предметами мебели, посуды, одежды, разными видами транспорта можно решать в комплексе все дидактические задачи по предматематическому развитию.

Формирование математических представлений у детей в процессе занятий по развитию речи и обучению грамоте

Развивая навыки использования обобщающих слов, можно закреплять навыки группировки предметов, количественного и порядкового счета. Обучая сочинению рассказа-описания (о предмете или по картине), следует побуждать детей обращать внимание на количество деталей или предметов, их размер, форму, расположение в пространстве, отношения во времени. Обучая детей делить предложение на слова и проводить звуковой анализ слова, можно обратить внимание на количество слов в предложении, слогов в слове; определить, какое слово (какой звук) стоит первым (вторым, третьим) по порядку, какое место занимает определенное слово, каким по счету слог является ударным.

Возможности стимулирования двигательной активности дошкольников в процессе формирования математических представлений

В последнее время врачи с тревогой отмечают, что современные дети ведут мало-подвижный образ жизни. Общеизвестно, что без движений ребенок не может вырасти здоровым. Физиологами доказано, что при любом двигательном тренинге упражняется не только тело, но и мозг. Л.С. Выготский, А.В. Запорожец показали наличие прямой связи между характером двигательной активности и уровнем восприятия, памяти, мышления и эмоций у детей разного возраста. Доказано, что чем разнообразнее движения, тем большая информация поступает в мозг, тем интенсивнее интеллектуальное развитие. Чем разнообразнее по используемым видам деятельности и дидактическому материалу будут занятия, тем больший эффект они дадут. Чем полнее информация, получаемая ребенком от своих органов чувств, тем успешнее и разностороннее его развитие.

Возможны следующие варианты организации обучения детей математике в комплексе с физическим развитием [2]:

1. Включение заданий по формированию математических представлений в занятия по физкультуре.
2. Увеличение двигательной активности детей на занятиях по математике.
3. Комбинирование умственной и физической нагрузки в ходе физкультурно-математических праздников и занятий-путешествий.

Остановимся подробнее на каждом из трех вариантов организации обучения детей математике в комплексе с физическим воспитанием.

Рассмотрим сначала первый вариант. Существует множество возможностей включения заданий по формированию математических представлений в занятия по физкультуре. В ходе почти всех физкультурных занятий дети встречаются с математическими отношениями: сравнить предмет по величине и форме или распознать, где левая сторона, а где правая, и т. д. Поэтому, предлагая детям различные упражнения, следует не только давать им физическую нагрузку, но и обращать внимание на разные математические отношения. Для этого в формулировке упражнений можно делать акцент на специальные слова, побуждать детей использовать их в речи. Обучая детей сравнению предметов по величине (дуги, мячи, ленты и др.), следует побуждать их считать движения в процессе выполнения упражнений. Целесообразно также предлагать считать упражнения, определять, сколько раз его выполнил тот или другой ребенок, нахо-

дить предметы указанной формы. Можно побуждать детей учитывать левую и правую стороны тела при выполнении упражнения не по образцу, а по устной инструкции.

Существует возможность составления достаточно большого количества заданий комплексного характера для решения каждой пары программных задач: математика – физкультура. Варьировать задания можно в трех направлениях: учитывать все варианты физических упражнений, предусмотренные программой, а также все способы и приемы выполнения математической части заданий, менять оборудование. При этом, дополнительно к предметам, которые обычно используются в физупражнениях, целесообразно использовать плоские и объемные геометрические фигуры, цифры, числовые фигуры, карточки с изображением характерных признаков времен года (или частей суток).

Составляя конспекты комплексных занятий по физкультуре и математике, следует так формулировать задания для выполнения физических упражнений, чтобы они обеспечили параллельное решение программных задач и по физкультуре и по математике [3].

Приведем примеры комплексных заданий для упражнений в прыжках и формированию количественных представлений:

- прыгать на правой ноге вдоль названного количества предметов;
- перепрыгивая через гимнастические палки, лежащие на полу, назвать цвет той палки, которая лежит на определенном по счету месте;
- прыгая из обруча в обруч, назвать, каким по счету находится обруч определенного цвета.

Большинство программных задач по физвоспитанию на комплексных занятиях по физкультуре с математикой не могут решаться как новые, основная работа будет проводиться по их закреплению. Часть упражнений комплексного характера целесообразно проводить в индивидуальном порядке с одним ребенком или небольшой подгруппой детей.

Рассмотрим второй вариант организации обучения детей математике в комплексе с физическим воспитанием. Повысить двигательную активность детей можно на занятиях по математике, включая в них такие игры и упражнения, которые предполагают решение программных математических задач в подвижной форме. Подвижные компоненты занятий по математике можно сгруппировать в следующие серии.

Первая серия включает в себя упражнения на счет движений. Например, наклониться столько раз, сколько воспитатель (или на 1 раз больше). Можно предложить выполнить движения (прыжки, наклоны, повороты, упражнения для рук или ног) по названному числу или показанной цифре.

Вторая серия содержит упражнения на определение величины предмета и сравнение предметов по длине, ширине, высоте через двигательный анализатор. Например, понятие «ширина» более естественно познается ребенком не с помощью специально вырезанных абстрактных бумажных полосок, а путем перешагивания (или перепрыгивания) «ручейка». Детям предлагается сравнить ширину «ручейка» в разных местах и определить, в каком месте «ручеек» труднее перешагнуть, почему.

В третью серию входят упражнения на ориентировку в пространстве: для рук, ног, плечевого пояса, по бросанию мяча в указанном направлении, на движения в заданном направлении, на ориентировку по схеме, на развитие глазомера. Например, сбить ту кеглю, которая стоит слева от названного ребенка.

Четвертая серия включает задания-эстафеты, в ходе которых ребенку предлагается как можно быстрее определить количество предметов, либо провести группировку по форме, либо сравнить предметы по величине. Например, каждому члену команды по очереди надо допрыгать на правой ножке до обруча, положить в него пять четырехугольников, бегом вернуться назад, встать в конце колонны.

Пятая серия состоит из дидактических игр по формированию математических представлений, которые можно проводить в подвижной форме.

Каждое занятие по математике может включать упражнения и игры не менее чем из трех серий. Таким образом, дети получают возможность активно двигаться в течение минимум половины каждого занятия по математике.

Рассмотрим третий вариант организации обучения детей математике в комплексе с физическим воспитанием. Стимулировать двигательную активность детей можно на занятиях-путешествиях, в ходе физкультурно-математических праздников и конкурсов, которые проводятся в подвижной форме и могут проходить в групповой комнате, в физкультурном или музыкальном зале, на участке во время прогулки. Такие занятия-путешествия включают в себя ряд заданий, объединенных одной темой. Детям предлагается в ходе «путешествия» преодолевать различные препятствия, проявляя сообразительность, упражняясь в быстроте, ловкости, меткости и т. д. «Путешествовать» можно по сказке (или нескольким сказкам). Тогда сюжет сказок наполняется различными заданиями математического характера. Требуется, например, помочь героям что-либо найти, или выбраться из сложной ситуации, или расколдовать кого-нибудь. Для этого детям предлагается правильно сосчитать что-либо, сравнить по величине или определить форму, рассказать, что где находится в пространстве и т. д.

Физкультурные математические праздники или конкурсы могут быть сюжетными или бессюжетными. Для бессюжетных мероприятий для каждой команды детей предлагаются комплексы эстафет, конкурсов, в ходе которых закрепляются знания детей по математике и двигательные умения.

В процессе комплексных занятий дети не устают, так как часто меняют виды, темп, амплитуду движений, место их выполнения. В ходе занятий по математике разнообразная двигательная активность снимает утомление, активизирует память, мышление. Комплексные занятия организованы так, что дети в основном не сидят за столами, а находятся в движении и через комплексные задания постигают математические отношения и свойства объектов окружающего мира. На занятиях такого типа обучение математике органически сочетается с движениями.

Итак, интеграция процессов формирования математических представлений и физического воспитания детей необходима для увеличения двигательной активности дошкольников, повышения интенсивности их интеллектуального развития, активизации процесса познания и осознания необходимости ознакомления детей с математическими отношениями и свойствами окружающего мира.

Заклучение

Таким образом, в дошкольном возрасте формирование математических представлений целесообразно осуществлять в процессе музыкального и физического воспитания, изобразительной деятельности, ознакомления детей с природой окружающего мира, занятий по развитию речи и обучению грамоте.

Взаимосвязь различных занятий позволяет углубить и расширить представления детей об окружающем мире, сделать процесс развития математических представлений более эффективным, при этом происходит воздействие на ребенка не прямо, а посредством интересных для него занятий. Приобретаемые в этих условиях знания, умения и навыки становятся более прочными и могут применяться в различных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будько, Т.С. Развитие математических представлений в процессе музыкального воспитания детей дошкольного возраста / Т.С. Будько, Н.А. Леонюк // Феномен

детства: соц.-пед. и мед.-псих. проблемы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Брест, 27 апреля 2004 г. / под общ. ред. М.Э. Чесновского. – Брест : 2004. – С. 32–34.

2. Будько, Т.С. Математика + движение : пособие для педагогов дошкольных учреждений и родителей / Т.С. Будько. – Мозырь : Содействие, 2008. – 44 с.

3. Будько, Т.С. Обучение детей дошкольного возраста математике в комплексе с физическим воспитанием / Т.С. Будзько // Пралеска : научно-методический журнал МО Республики Беларусь. – 2005. – № 1. – С. 52–54.

Bud'ko T.S. Forming Mathematical Notions of Children in Different Kinds of Activities: Peculiarities of Organization

In the paper we investigate the necessity of a complex approach to teaching preschoolers mathematics. It is shown that pre-mathematical preparation of children of 3 – 5 years of age is appropriately realized in such an activity, in which a child learns to cognize the environment, and not during special mathematics classes.

The Peculiarities of organization of forming mathematical notions in children in different types of activities are indicated. The ways of filling music, art, nature studies, speech development and literacy classes with mathematical content are described. The Possibilities of stimulating preschoolers' motion activity while forming mathematical notions are investigated. The Variants of organization of teaching children mathematics together with physical education are offered.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 23.03.09

УДК 796.0

А.А. Зданевич, Л.В. Шукевич

ПОКАЗАТЕЛИ И ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЦЕЛЕВОЙ ТОЧНОСТИ ДВИЖЕНИЙ ПРИ МЕТАНИИ МАЛОГО МЯЧА В ВЕРТИКАЛЬНУЮ ЦЕЛЬ У ШКОЛЬНИКОВ 6–17 ЛЕТ

В статье рассматриваются показатели целевой точности движений в метании малого мяча в вертикальную цель у учащихся в возрасте 6–17 лет. Проводится анализ темпов прироста показателей целевой точности движений в младшем, среднем и старшем школьном возрасте. Выявляются особенности возрастной динамики развития целевой точности движений в вертикальную цель школьниц и школьников.

Проведенное исследование показало, что общей закономерностью развития целевой точности движений при проведении метания малого мяча в вертикальную цель в разных возрастных группах школьников является непрерывный поступательный процесс изменения этой способности на всем протяжении школьного возраста. Выявлено, что уровень развития целевой точности движений при метании малого мяча в вертикальную цель и его прирост неодинаков у школьниц по сравнению со школьниками. У мальчиков результаты выше во всех возрастных группах.

Введение

Современное общество предъявляет определенные и достаточно высокие требования к уровню физической подготовленности всех возрастных групп населения.

Новые жизненные условия, связанные с ухудшением экологической обстановки, радиационным загрязнением, снижением двигательной активности требуют особого внимания к укреплению здоровья, улучшению физического развития и физической подготовленности детей школьного возраста.

На благоприятные возможности развития двигательных качеств и навыков, улучшения физического развития, работоспособности и функциональных возможностей организма школьников средствами физического воспитания указано в работах [1, с. 14–57; 2, с. 6–8].

В последнее время исследования многих авторов направлены на изучение особенностей развития координационных способностей у школьников. Высокий уровень развития координационных способностей является хорошей базой для овладения новыми видами двигательных действий, успешного приспособления к трудовым действиям. В условиях научно-технического прогресса значимость координационных способностей для различных групп населения постоянно возрастает.

В настоящее время авторами, изучающими координационные способности, выделяется около двух десятков специальных координационных способностей, проявляемых в конкретных двигательных действиях (циклических, ациклических, баллистических и др.), а также около десятка так называемых специфических координационных способностей, среди которых равновесие, реакция, ритм, ориентация в пространстве, способность к дифференцированию пространственных, силовых и временных параметров движений и др. Анализ литературных источников показывает, что, несмотря на разноплановые исследования по проблеме развития и совершенствования координационных способностей, недостаточно изучен вопрос о возрастной динамике целевой точности движения школьников при метании малого мяча.

Известно, что различные физические (двигательные) качества, в том числе и координационные способности, в полной мере могут быть приобретены на уроках физической культуры путем организованного учебного процесса со школьниками различного возраста.

Нас интересовало, как протекает развитие целевой точности движений при метании малого мяча в вертикальную цель в зависимости от возраста и пола школьников.

Таким образом, цель нашего исследования – выявление и определения особенностей возрастной динамики целевой точности движений у учащихся 6–17 лет при метании малого мяча.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Определить уровень развития целевой точности движений при метании малого мяча в вертикальную цель правой и левой руками у школьников 6–17 лет.
2. Выявить уровень развития целевой точности движений при метании малого мяча в вертикальную цель правой и левой руками у школьниц 6–17 лет.
3. Сравнить уровень развития целевой точности движений при метании малого мяча в вертикальную цель правой и левой руками школьников 6–17 лет с уровнем развития этого показателя у школьниц такого же возраста.

Объект исследования – учащиеся 1–11 классов средней общеобразовательной школы № 7 Московского района г. Бреста.

Предмет исследования – уровень и динамика развития целевой точности движений при метании малого мяча в вертикальную цель правой и левой руками у учащихся 6–17 лет.

Организация исследования

В исследовании приняли участие школьники основной медицинской группы. Проводилось тестирование метания малого мяча в вертикальную цель правой и левой руками.

Метание проводилось таким образом: площадка, рядом с которой имелась глухая стена; мишень – щит размером 1X1 м с кругом диаметром 40 см посередине; кусок мела; шесть малых мячей. Мишень установлена вертикально, нижний край на уровне глаз среднего по росту ученика. На расстоянии 5 метров от мишени мелом проводилась линия, от которой метали.

Испытуемый свободно стоял у линии метания. Ему предлагалось бросить в мишень три мяча правой рукой, затем три мяча левой рукой. Результаты всех шести бросков заносились в протокол. Попадание в круг оценивалось в 2 балла, попадание в щит – в 1 балл, промах – в 0 баллов.

Указаний на способы метания школьникам не давалось с тем, чтобы не нарушить у них привычную форму движения, так как всякие указания заставляют ученика задуматься о форме и характере движений. Это приводит к отвлечению учащегося от основной цели, что мешает чистоте эксперимента.

Результаты исследования

Осуществляя исследование, мы исходили из положения, что знание особенностей возрастного развития целевой точности движений при метании малого мяча позволит более целенаправленно и эффективно воздействовать средствами физического воспитания на школьников с целью достижения ими необходимого уровня физической подготовленности.

Полученные данные о возрастном развитии показателей целевой точности движений при метании малого мяча в вертикальную цель правой рукой школьников и школьниц в возрасте 6–17 лет представлены в таблице 1.

Анализ результатов эксперимента показал, что в младшем школьном возрасте результаты метания малого мяча правой рукой в вертикальную цель как у девочек, так и у мальчиков с каждым годом неуклонно улучшаются. При этом наиболее высокие темпы прироста, сопровождающиеся статистически достоверными изменениями показателей

метания малого мяча, наблюдаются у девочек и мальчиков в период 7–8 и 9–10 лет ($p < 0,05 - 0,01$).

Из полученных результатов детей среднего школьного возраста следует, что наиболее высокие темпы прироста наблюдаются у девочек 12–13 лет ($p < 0,01$), и у мальчиков в возрасте 12–13 лет ($p < 0,01$). У девушек старшего школьного возраста темпы роста невысокие, носят достоверный характер, а у юношей этого же возраста достоверные статистические отличия отсутствуют.

Таблица 1 – Возрастная динамика показателей в метании малого мяча правой рукой в вертикальную цель и достоверность межвозрастных различий в темпах прироста этих показателей у школьников 6–17 лет

Возраст, лет	Статистические параметры						
	n	x	δ	v	разница (балл)	t	p
Девочки и девушки							
6–7	23	1,12	0,46	41,0	–	–	–
7–8	28	1,60	0,53	33,1	+ 0,48	4,787	< 0,01
8–9	25	1,80	0,58	32,2	+ 0,20	1,817	> 0,05
9–10	26	2,50	0,74	29,6	+ 0,70	5,316	< 0,01
10–11	22	1,90	0,65	13,2	+ 0,60	4,283	< 0,05
11–12	20	2,30	0,48	20,8	+ 0,40	3,943	< 0,01
12–13	19	3,25	0,49	15,0	+ 0,95	9,738	< 0,01
13–14	20	2,20	0,48	21,8	– 1,05	9,265	< 0,01
14–15	19	2,40	0,49	20,4	+ 0,20	1,773	> 0,05
15–16	21	2,97	0,63	21,2	+ 0,57	3,523	< 0,05
16–17	24	2,54	0,59	23,2	+ 0,43	3,258	< 0,05
Мальчики и юноши							
6–7	25	2,30	0,70	30,4	–	–	–
7–8	24	2,80	0,65	23,2	+ 0,50	3,588	< 0,05
8–9	23	3,00	0,73	24,3	+ 0,20	1,372	> 0,05
9–10	21	3,80	0,81	21,3	+ 0,80	4,754	< 0,01
10–11	19	3,50	0,66	18,8	+ 0,30	3,213	< 0,05
11–12	23	2,25	0,48	21,3	+ 1,25	9,687	< 0,01
12–13	25	3,50	0,43	12,2	+ 1,25	13,155	< 0,01
13–14	24	2,50	0,32	12,8	– 1,00	12,790	< 0,05
14–15	23	2,90	0,43	14,8	+ 0,40	5,006	< 0,05
15–16	25	3,10	0,72	23,2	+ 0,20	1,428	> 0,05
16–17	20	3,09	0,48	15,5	+ 0,01	0,075	> 0,05

Практическими специалистами отмечен большой интерес детей к метанию мяча в цель как правой, так и левой рукой. И некоторые исследователи предлагают на уроках физической культуры давать возможность школьникам бросать мяч как правой, так и левой рукой в различные виды целей. На это указывал еще П.Ф. Лесгафт: «Упражнения в метании должны проводиться как одной, так и другой рукой совершенно равномерно. Все органы движения равны, и только при полной гармонии их развития возможно точное сравнение производимых ими действий» [3, с. 254]. В.И. Локштанов считает, что тренировка обеих рук в начальном периоде формирования двигательного навыка

метания более эффективна по сравнению с традиционной тренировкой только одной рукой [4, с. 11–13]. Что же касается двигательных возможностей учащихся по выполнению метательных движений в цель левой рукой, то таких данных в литературе немного.

Нами также было проведено исследование для изучения особенностей возрастной динамики результатов и определения уровня развития целевой точности движений при метании малого мяча в вертикальную цель левой рукой (таблица 2).

Таблица 2 – Возрастная динамика показателей метания малого мяча левой рукой в вертикальную цель и достоверность межвозрастных различий в темпах прироста этих показателей у школьников 6–17 лет

Возраст, лет	Статистические параметры						
	n	x	δ	v	разница (балл)	t	p
Девочки и девушки							
6–7	23	0,50	0,34	68,0	–	–	–
7–8	28	1,10	0,64	58,0	+ 0,60	4,120	< 0,01
8–9	25	1,30	0,78	60,0	+ 0,20	1,634	> 0,05
9–10	26	1,80	0,57	31,6	+ 0,50	4,429	< 0,05
10–11	22	1,55	0,53	34,0	– 0,25	1,725	> 0,05
11–12	20	2,01	0,56	27,8	+ 0,46	3,773	< 0,05
12–13	19	1,10	0,49	44,5	– 0,91	7,438	< 0,01
13–14	20	2,36	0,62	26,2	+ 1,26	9,698	< 0,01
14–15	19	2,38	0,71	29,8	+ 0,02	0,129	> 0,05
15–16	21	1,80	0,75	41,6	– 0,58	4,127	< 0,05
16–17	24	2,09	0,63	30,1	+ 0,29	1,918	> 0,05
Мальчики и юноши							
6–7	25	1,20	0,54	45,0	–	–	–
7–8	24	1,40	0,70	50,0	+ 0,20	1,516	> 0,05
8–9	23	1,80	0,93	51,6	+ 0,40	3,210	< 0,05
9–10	21	2,00	0,85	42,5	+ 0,20	1,429	> 0,05
10–11	19	1,80	0,63	35,0	– 0,20	1,426	> 0,05
11–12	23	1,97	0,50	25,3	+ 0,17	1,336	> 0,05
12–13	25	1,45	0,61	42,0	– 0,52	4,422	< 0,05
13–14	24	2,30	0,48	20,8	+ 0,85	7,508	< 0,05
14–15	23	2,41	0,49	22,8	+ 0,11	1,071	> 0,05
15–16	25	2,17	0,58	26,7	– 0,24	1,836	> 0,05
16–17	20	2,18	0,61	27,9	+ 0,01	0,077	> 0,05

Анализ полученных результатов показал, что в младшем школьном возрасте в период от 6–7 до 9–10 лет результативность в метании малого мяча в вертикальную цель левой рукой неуклонно повышается у девочек и мальчиков. Наиболее высокие темпы прироста, сопутствуемые статистически достоверными изменениями показателей метания малого мяча в вертикальную цель левой рукой, отмечаются у девочек младшего школьного возраста в период от 6–7 до 7–8 лет ($p < 0,01$) и от 8–9 до 9–10 лет ($p < 0,05$), а у мальчиков лишь от 7–8 до 8–9 лет ($p < 0,05$). Во все остальные периоды как у мальчиков, так и у девочек темпы прироста показателей метания малого мяча в вертикальную цель левой рукой не достигают статистически значимых значений ($p > 0,05$).

В среднем школьном возрасте изменение показателей при метании малого мяча в вертикальную цель левой рукой от возраста к возрасту носят переменный характер, чередуются подъемы и спады результатов как у девочек, так и у мальчиков.

Анализируя возрастную динамику целевой точности движений при метании малого мяча левой рукой в вертикальную цель девушек и юношей старшего школьного возраста, следует констатировать, что у них отмечаются невысокие темпы роста показателей в обеих группах испытуемых в возрасте 16–17 лет ($p > 0,05$). У девушек в 15–16 лет выявлено статистически достоверное снижение показателей метания в цель ($p < 0,05$), а у юношей этого же возраста темпы отмечены снижением результатов, не достигающих, однако, статистически значимых величин. Погодичные темпы прироста результатов в метании мяча на точность не имеют статистически значимого характера.

Сопоставляя показатели метания малого мяча в вертикальную цель правой рукой школьников женского и мужского пола, можно констатировать более высокий уровень точности попадания в цель мальчиков и юношей (таблица 3).

Таблица 3 – Достоверность различий в показателях метания малого мяча в вертикальную цель правой рукой между школьниками женского и мужского пола в возрасте 6–17 лет

Возраст, лет	Статистические параметры		
	разница (балл)	t	p
6–7	1,18	9,554	< 0,01
7–8	1,20	10,720	< 0,01
8–9	1,20	8,729	< 0,01
9–10	1,30	8,945	< 0,01
10–11	1,60	10,786	< 0,01
11–12	0,05	0,425	> 0,05
12–13	0,25	2,485	< 0,05
13–14	0,30	3,370	< 0,05
14–15	0,50	4,850	< 0,01
15–16	0,13	0,901	> 0,05
16–17	0,55	3,391	< 0,05

Так, по показателям метания малого мяча в вертикальную цель наблюдаются статистически достоверные различия между мальчиками и девочками на протяжении всего младшего школьного возраста ($p < 0,01$). В среднем школьном возрасте независимо от возраста между девочками и мальчиками в показателях метания малого мяча правой рукой в вертикальную цель также наблюдаются статистически достоверные различия ($p < 0,01$), за исключением возрастного периода 11–12 лет ($p > 0,05$).

Между результатами девушек и юношей в возрасте 15–16 лет не наблюдаются статистически значимые различия ($p > 0,05$): они прослеживаются в 16–17 лет ($p < 0,05$).

Сопоставляя показатели метания малого мяча в вертикальную цель левой рукой девочек и мальчиков младшего школьного возраста, следует отметить специфические половые различия в возрастной динамике, имеющие статистически достоверные значения на протяжении всего этого периода, за исключением возраста 9–10 лет (таблица 4).

Не обнаружена статистическая достоверность погодичных различий в показателях метания малого мяча левой рукой в вертикальную цель между девочками и мальчиками среднего школьного возраста, за исключением возрастного периода 12–13 лет.

Рассмотрение показателей метания малого мяча в вертикальную цель левой рукой девушек и юношей старшего школьного возраста свидетельствует о несуществен-

ных различиях между ними, за исключением возраста 15–16 лет. В этот период отмечаются достоверно более высокие показатели в метании малого мяча у юношей по сравнению с девушками ($p < 0,05$).

Таблица 4 – Достоверность различий в показателях метания малого мяча в вертикальную цель левой рукой между школьниками женского и мужского пола в возрасте 6–17 лет

Возраст, лет	Статистические параметры		
	разница (балл)	t	p
6–7	0,70	7,600	< 0,01
7–8	0,30	2,571	< 0,05
8–9	0,50	2,793	< 0,05
9–10	0,20	1,296	> 0,05
10–11	0,25	1,896	> 0,05
11–12	0,04	0,357	> 0,05
12–13	0,35	2,848	< 0,05
13–14	0,06	0,412	> 0,05
14–15	0,03	0,231	> 0,05
15–16	0,37	2,588	< 0,05
16–17	0,09	0,665	> 0,05

Заключение

Результаты проведенных исследований позволяют констатировать, что общей закономерностью развития целевой точности движений при проведении метания малого мяча в вертикальную цель в разных возрастных группах школьников является непрерывный поступательный, неравномерный процесс изменения этого качества на всем протяжении школьного возраста.

В исследованиях отмечено, что возраст оказывает существенное влияние на характер и темпы развития целевой точности при метании малого мяча в вертикальную цель правой и левой руками школьников как женского, так и мужского пола.

Уровень развития целевой точности движений при метании малого мяча в вертикальную цель и его прирост неодинаков у школьниц по сравнению со школьниками. У последних результаты выше во всех возрастных группах.

Учет возрастных особенностей изменения целевой точности при метании малого мяча в вертикальную цель необходим для построения эффективной методики развития целевой точности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антропова, М.В. Работоспособность, физическое развитие и успеваемость учащихся / М.В. Антропова // Вопросы школьной гигиены. – М., 1967. – С. 14–57.
2. Гужаловский, А.А. Развитие двигательных качеств у школьников. – Минск : Народная асвета, 1978. – С. 6–8.
3. Лесгафт, П.Ф. Руководство по физическому образованию детей школьного возраста. – СПб., 1901. – Ч. 2 // П.Ф. Лесгафт : Избранные труды. – М. : Физкультура и спорт, 1987. – 359 с.
4. Локштанов, В.И. Методика формирования метательного навыка у девушек с учетом функциональной асимметрии рук : автореф. дис. ... канд. пед. наук / В.И. Локштанов. – М., 1981. – С. 11–13.

Zdanevich A.A., Shukevich L.V. Parameters of Display of Target accuracy of Movements at the Throwing of the Small Ball in the Purpose at Schoolboys of 6–17 years

In the article parameters in a throwing of a small ball in the vertical purpose on accuracy of movements at pupils in the age of 6–17 years are discussed. The analysis of rates of a gain of parameters of target accuracy of movements at younger, average and senior school age is carried out. Features of age dynamics of development of target accuracy of movements in the vertical purpose of schoolgirls and schoolboys come to light.

The carried out research has shown, that the common law of development of target accuracy of movements at carrying out of a throwing of a small ball in the vertical purpose in different age groups of schoolboys, continuous forward process of change of this ability on all an extent of school age is. It is revealed, that a level of development of target accuracy of movements at a throwing of a small ball in the vertical purpose and its gain unlike at schoolgirls in comparison with schoolboys. At boys results are higher in all age groups.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 12.01.09

УДК 376.5

Т.В. Ничишина

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК СЛЕДСТВИЕ СЕМЕЙНОЙ ДЕПРИВАЦИИ

Статья посвящена теоретическому анализу проблемы семейной депривации, которая имеет место в неблагополучных семьях. Семейная депривация может возникнуть при наличии дисфункциональных стилей воспитания, нарушении внутрисемейных отношений и пр. Признавая ведущую роль семейной среды, и в частности детско-родительских отношений, в развитии ребенка, формировании его нормативного поведения, автор рассматривает дискуссионный вопрос о характере детерминационной связи между семейным неблагополучием и девиантным поведением несовершеннолетнего. Представлены вариативные подходы к классификации типичных нарушений поведения у младших школьников. Доказывается необходимость организации превентивной деятельности на ранних стадиях трудновоспитуемости детей.

Введение

В современном социуме наблюдается рост числа неблагополучных семей, а вместе с ним увеличение количества детей, проживающих в условиях семейной депривации. Данный феномен (от англ. deprivation – депривация – состояние, возникающее в результате определенных жизненных ситуаций, когда субъект лишен возможности удовлетворять свои человеческие потребности в достаточной мере и достаточно долгое время) наиболее полно описан в условиях интернатных учреждений и недостаточно изучен в системе семейных отношений.

Исследователи (Н.В. Федорова), рассматривая данную проблему, определяют депривацию в семье (семейную депривацию) как состояние, вызванное длительным лишением ребенка на ранних стадиях онтогенеза возможностей удовлетворения жизненно необходимых потребностей в условиях семьи [1]. Выделяются такие основные виды семейной депривации, как: материнская (отсутствие матери, или неполноценная замена ее другим лицом, или невыполнение ею своего предназначения), патеральная (отсутствие отца или его отчужденность от ребенка) и парентальная (отсутствие родителей в результате их смерти с дальнейшим воспитанием ребенка другими членами семьи или приемными родителями).

Ученые (Л.М. Шипицына, Т.И. Шульга, Л.Я. Олиференко и др.) называют следующие составляющие, которые «способствуют» возникновению семейной депривации:

- нарушенные внутрисемейные отношения (недостаточность эмоционального тепла в отношениях между родителями и детьми, конфликтные отношения между взрослыми в семье, враждебное отношение к ребенку, включая физическое насилие в отношении ребенка; дефицит общения; психическое расстройство, отклонение или физический недостаток у родителей и значимых для ребенка других членов семьи);
- дисфункциональные стили воспитания в семье (гипопротекция, доминирующая гиперпротекция, потворствующая гиперпротекция и др.);
- неблагоприятные события жизни (утрата в детстве отношений любви и привязанности, изъятие из семьи, создающее значительную угрозу; негативные изменения стереотипа отношений в семье; переживание сильного страха и пр.).

Последствия семейной депривации

Изучение проблемы семейной депривации позволяет констатировать, что ее последствия обостряют возможность возникновения различных отклонений (искажений) в личностном развитии и поведении несовершеннолетних, к которым специалисты

(С.А. Кулаков, И.П. Подласый, Е.Г. Студенова, М.В. Фирсов и др.) относят:

– пренебрежительное отношение к общепринятым социальным и моральным нормам; деформация нравственных идеалов и установок; социальная некомпетентность (в силу отсутствия образцов социально одобряемого, неконфликтного поведения и пр.); агрессивное или неуверенное поведение; педагогическая «запущенность»;

– полное безразличие к чувствам другого; состояние тревоги, депрессии; низкая фрустрационная толерантность; эмоциональная неустойчивость; упрямство; преобладание отрицательных эмоций над положительными;

– эскапизм (уход от проблем); сверхожидание от других; «аффективная логика»; потребность быть более взрослым и др.

Зарубежные ученые (Р. Карсон, Дж. Батчер, С. Минека) [2, с. 186] выделяют различные последствия родительской депривации: она может помешать развитию базисного доверия (Э. Эриксон); может затормозить развитие у ребенка способности к относительно свободному от тревоги обмену нежностью и интимностью с другими людьми (Г. Салливан); может замедлить приобретение необходимых навыков из-за отсутствия подкрепления (Б. Скиннер); или же она может привести к тому, что ребенок приобретет дисфункциональные схемы и схемы Я, в которых отношения будут представлены нестабильными, не заслуживающими доверия и лишенными любви (А. Бек).

Актуальность предупреждения и преодоления обозначенной проблемы становится особенно очевидной в связи с тем, что семейная депривация является предикатом возникновения девиантного (отклоняющегося) поведения несовершеннолетних, которое не соответствует официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе (социальной группе) нормам и ожиданиям и приводит нарушителя к изоляции, лечению, исправлению или наказанию. Однако вопрос о причинно-следственной связи между неблагополучием семьи и девиантным поведением ребенка в психолого-педагогической литературе остается дискуссионным.

Одни исследователи (В.Г. Баженов, В.П. Баженова и др.) полагают, что ни неблагоприятная семейная обстановка, ни отсутствие одного из родителей, ни дурной пример взрослых, ни любые другие внешние по отношению к ребенку обстоятельства в строгом научном понимании не являются причинами совершенного правонарушения. Названные факторы могут выступать только условиями девиантного поведения школьников, так как они способны лишь обусловить последнее, но не произвести его [3, с. 121–122].

Другие авторы (В.М. Целуйко и др.) истоки преступности несовершеннолетних связывают главным образом с семейным неблагополучием, которое выражается не только и не столько в антисоциальном поведении родителей, сколько в отчуждении детей в родительской семье с первых этапов развития их личности. Тревожность, постоянное ощущение враждебности среды, развивающие соответствующие черты личности, лежат в основе мотивации насильственных преступлений, хулиганских действий [4, с. 238]. По мнению И.С. Ганишиной, А.И. Ушатикова [5, с. 33–34], в неблагополучных семьях наблюдается излишняя суровость родителей по отношению к детям, чрезмерное использование запретов и наказаний, унижающих детей, оскорбляющих их человеческое достоинство, либо попустительство, в результате которого у детей формируется стойкая неприязнь к родителям, происходит выход детей из-под их контроля, в результате чего у детей формируются устойчивые отклонения в поведении. Е.И. Холостова, рассматривая семейный фактор как предпосылку дезадаптации детей, говорит о том, что для ребенка, находящегося в самом раннем возрасте, пьянство родителей, их безразличие, граничащее с жестокостью, – факторы, способствующие его патологическому развитию; для детей более позднего возраста неблагоприятная семейная обстановка – лишь отягощающая, а вовсе не обязательная предпосылка дезадаптации

[6, с. 575]. Р. Карсон, Дж. Батчер, С. Минека к патогенным паттернам в развитии делинквентности несовершеннолетних относят дисгармонию и конфликты между родителями (вместо стабильной семейной жизни), родительское отторжение, недостаток дисциплины в семье [2, с. 943].

Основные виды нарушений поведения у младших школьников

Признавая наличие вероятностной связи (а не причинной) между неблагополучием семейной обстановки и девиантным поведением несовершеннолетних, рассмотрим основные виды нарушений поведения у младших школьников.

Е.В. Змановская выделяет следующие основные группы отклоняющегося поведения: антисоциальное (делинквентное) поведение, асоциальное (аморальное) поведение, аутодеструктивное (саморазрушительное) поведение [7, с. 33–34]. Антисоциальное поведение – это поведение, противоречащее правовым нормам, угрожающее социальному порядку и благополучию окружающих людей. В детском возрасте (от 5 до 12 лет) наиболее распространены такие его формы, как насилие по отношению к младшим детям или сверстникам, жестокое обращение с животными, воровство, мелкое хулиганство, разрушение имущества, поджоги. Асоциальное поведение – это поведение, уклоняющееся от выполнения морально-нравственных норм, непосредственно угрожающее благополучию межличностных отношений. У детей чаще встречаются побеги из дома, бродяжничество, школьные прогулы, агрессивное поведение, злословие, ложь, воровство, вымогательство (попрошайничество). Аутодеструктивное поведение – это поведение, отклоняющееся от медицинских и психологических норм, угрожающее целостности и развитию самой личности. В детском возрасте имеет место курение и токсикомания, но в целом для данного возрастного периода аутодеструкция малохарактерна.

По мнению В.М. Целуйко, наиболее распространенными в младшем школьном возрасте являются такие формы отклоняющегося поведения, как непослушание, выражающееся в шалостях, озорстве, проступках; детский негативизм, проявляющийся в упрямстве, капризах, своеволии, недисциплинированности и пр. [4, с. 216].

Г.И. Колесникова, характеризуя девиации, преобладающие в детском возрасте, называет: фобии, поведенческие проблемы (например, агрессия – аутоагрессия), проблемы адаптации, низкая успеваемость [8, с. 213].

Представляет определенный интерес классификация типичных нарушений поведения детей, предложенная М.Э. Вайнер [9, с. 223–234]:

- гиперактивное поведение (повышенная потребность в движении, обусловленная преимущественно нейродинамическими особенностями ребенка);
- демонстративное поведение (намеренное и осознанное нарушение принятых норм, правил поведения; вариантами такого поведения выступают: детское кривляние, капризы, сопровождающиеся внешними проявлениями раздраженности);
- протестное поведение (негативизм, строптивость, упрямство);
- агрессивное поведение (физическая, вербальная агрессия);
- инфантильное поведение (сохранение в поведении ребенка черт, присущих более раннему возрасту);
- конформное поведение (полностью подчинено внешним условиям, требованиям других людей);
- симптоматическое поведение (закодированное сообщение, своеобразный сигнал тревоги со стороны ребенка; например, у ребенка закономерно поднимается температура именно в день проведения контрольной работы, диктанта и т. п.).

Большинство названных видов девиаций в своей основе содержат дефекты семейного воспитания, педагогические ошибки родителей и являются следствием неадекватного (защитного) реагирования ребенка на трудности во взаимодействии со свер-

стниками, родителями, учителями. Отклоняющееся поведение одновременно является способом, посредством которого ребенок хочет обратить на себя внимание; показателем незнания элементарных поведенческих норм в силу отсутствия образцов в семье; механизмом психологической разрядки; признаком начавшегося заболевания; следствием незрелости интегративных личностных образований и т. п.

Поэтому, зная о том, что младший школьный возраст – сензитивный период для обучения и воспитания, учителю начальных классов необходимо предупредить (преодолеть) развитие отклонений в поведении несовершеннолетних на ранних ступенях их формирования, тем самым упредив «этапность» развития делинквентности: от трудно-воспитаемости детей до совершения ими деликтов. Е.И. Холостова, характеризуя процесс «развития» негативных психологических новообразований, выделяет несколько категорий дезадаптированных детей [6, с. 578]:

- трудновоспитуемые дети, имеющие близкий к норме уровень дезадаптации, который обусловлен особенностями темперамента, наличием легких дисфункций мозга, нарушением внимания, недостаточностью возрастного развития, особенностями ситуации воспитания и развития;
- нервные дети, неспособные в силу возрастной незрелости эмоциональной сферы самостоятельно справиться с тяжелыми переживаниями;
- «трудные» подростки, не умеющие решать свои проблемы социально приемлемым образом, характеризующиеся внутренними конфликтами, неустойчивой эмоционально-волевой сферой, изменениями личности, которые постепенно становятся все более ярко выраженными и со временем необратимыми;
- фрустрированные подростки, которым свойственны устойчивые формы саморазрушающего поведения, опасного для их здоровья;
- подростки-делинквенты, постоянно балансирующие на грани дозволенного и противоправного поведения.

Условия эффективного взаимодействия педагога с неблагополучной семьей учащегося

Данные исследований показывают резкий всплеск ненормативного поведения в подростковом возрасте, однако необходимо помнить, что накопление, аккумуляция негативного опыта ребенком идет постепенно. И делинквентное поведение в подростковом возрасте – это результат упущения и недоработок семьи, школы именно в младшем школьном возрасте. Поэтому очень важно уже в начальных классах организовать конструктивное взаимодействие с семьей ребенка, построенное на принципах уважения, доверия, конфиденциальности, необходимой и достаточной глубины проработки семейной проблематики и т. д.

При этом важными условиями организации работы с неблагополучной семьей должны стать:

- дифференцированное отношение к неблагополучным семьям;
- «адресный» характер оказываемой помощи, направленность на конкретную семью и ее проблемы;
- активизация позитивного внутреннего потенциала семьи;
- формирование механизма целеполагания у родителей;
- избегание контрольно-оценочных действий по отношению к семье;
- установление равноправных партнерских отношений;
- создание для членов семьи ситуаций выбора, пространства для проявления инициативы;
- активное взаимодействие всех субъектов социально-педагогического процесса;
- отсутствие назидательно-карательных мер.

Заключение

Депривация в семье – состояние, вызванное длительным лишением ребенка на ранних стадиях онтогенеза жизненно необходимых потребностей в условиях семьи, которое может привести к возникновению различных отклонений (искажений) в личностном развитии и поведении несовершеннолетних.

Семейная депривация может выступать предикатом возникновения девиантного (отклоняющегося) поведения несовершеннолетних, которое не соответствует официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе (социальной группе) нормам и ожиданиям и приводит нарушителя к изоляции, лечению, исправлению или наказанию. Однако между неблагополучием семейной обстановки и девиантным поведением несовершеннолетних существует вероятностная связь (а не причинная).

В неблагополучной семье, в условиях семейной депривации создаются опасные предпосылки для формирования девиантного (отклоняющегося) поведения, которое имеет многообразие форм проявления в младшем школьном возрасте, начиная от небольших проступков и заканчивая тяжелыми правонарушениями. В связи с этим актуализируется задача организации эффективного взаимодействия педагога с неблагополучной семьей учащегося.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федорова, Н.В. Патернальная депривация в условиях семейного воспитания / Н.В. Федорова // Психологические проблемы современной Российской семьи : материалы второй Всероссийской науч. конф. : в 3 ч. ; под общей ред. докт. психол. наук В.К. Шабельникова и канд. психол. наук А.Г. Лидерса. – М., 2005. – Ч. 3. – С. 442–444.
2. Карсон, Р. Анормальная психология / Р. Карсон, Дж. Батчер, С. Минека. – 11-е изд. – СПб. : Питер, 2004. – 1167 с. : ил. – (Серия «Мастера психологии»).
3. Баженов, В.Г. Психологические механизмы коррекции девиантного поведения школьников / В.Г. Баженов, В.П. Баженова. – Ростов н/Д. : Феникс, 2007. – 320 с. – (Высшее образование).
4. Целуйко, В.М. Психология неблагополучной семьи : книга для педагогов и родителей / В.М. Целуйко. – М. : ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004. – 272 с.
5. Ганишина, И.С. Неблагополучная семья и девиантное поведение несовершеннолетних: учеб. пособие / И.С. Ганишина, А.И. Ушатиков. – М. : Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж : МОДЭК, 2006. – 288 с. – (Серия «Библиотека педагога-практика»).
6. Холостова, Е.И. Социальная работа : учеб. пособие / Е.И. Холостова. – 3-е изд. – М. : Дашков и К, 2006. – 668 с.
7. Змановская, Е.В. Девиантология : (Психология отклоняющегося поведения): учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е.В. Змановская. – 2-е изд., испр. – М. : Академия, 2004. – 288 с.
8. Колесникова, Г.И. Психологические виды помощи : психопрофилактика, психокоррекция, консультирование / Г.И. Колесникова. – Ростов н/Д. : Феникс, 2006. – 350 с. – (Высшее образование).
9. Коррекционная педагогика в начальном образовании : учеб. пособие для студ. пед. учеб. заведений / Г.Ф. Кумарина [и др.] ; под ред. Г.Ф. Кумариной. – М. : Академия, 2001. – 320 с.

Nichishina T.V. Deviant Behaviour of Minors as a Consequence of Family Deprivation

The article gives the information of such a phenomenon as family deprivation, which can be caused by dysfunctional styles in the upbringing, the infringement of intrafamily relations, unsuccessful conditions in a family and so forth. The consequences of family deprivation aggravate possibility of occurrence of various deviations (distortions) in personal development and behaviour of the minors that determines necessity of the organisation of preventive work with a family.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 23.02.09

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Артыкулы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкарскага аркушаі, ў электронным варыянце на дыскеце 3,5 дм. у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21 x 29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15 x 23 см або 23 x 15 см. Усе графічныя аб'екты, што ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Забараняюцца скарачэнні слоў, акрамя агульнапрынятых.

Спіс цытуемай літаратуры павінен быць аформлены паводле ДАСТА 7.1–2003 і размешчаны ў канцы тэксту. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад: [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Забараняецца выкарыстанне канцавых зносака.

Артыкул уключае наступныя элементы па парадку:

- УДК;
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў);
- назва друкуемага матэрыялу;
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегель – 10 pt.);
- асноўны тэкст з табліцамі, графікамі і іншымі ілюстрацыйнымі матэрыяламі, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у спіс навуковых выданняў для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў;
- бібліяграфічныя спісы да артыкула ў адпаведнасці з ДАСТАм 7.1–2003;
- рэзюмэ на англійскай мове (кегель – 10 pt.) з перакладам прозвішча і ініцыялаў аўтара (аўтараў) і назвы друкуемага матэрыялу.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на *беларускай* мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнацю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, хатні адрас і тэлефон);
- для аспірантаў і суіскальнікаў – звесткі аб навуковых кіраўніках;
- рэкамендацыя калегіяльнага органа ўстановы (падроздзялення), дзе працуе (вучыцца) аўтар;
- рэкамендацыя знешняга рэцэнзента;
- экспертнае заключэнне.

Рэдакцыйная калегія часопіса праводзіць экспертызу атрыманых дакументаў і робіць дадатковае рэцэнзаваанне артыкулаў. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Карэктары *Л.М. Калілец, Ж.М. Селюжыцкая, Т.І. Шкапіч*
Камп'ютэрнае макетаванне *А.Я. Кулай, С.М. Мініч*

Подписано в печать 13.07.2009. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнітура Таймс. Ризографія. Усл. печ. л. 17,44. Уч.-изд. л. 14,02.
Тираж 100 экз. Заказ № 377.

Издатель и полиграфическое исполнение:
УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина».
ЛИ № 02330/277 от 08.04.2009.
224016, Брест, ул. Мицкевича, 28.

РЭЦЭНЗП

Горбацкий А.А. Старообрядческие храмы Беларуси : научно-популярное издание. – Минск : Четыре четверти, 2008. – 32 с.

Актыўная навуковая творчасць прафесара кафедры гісторыі славянскіх народаў БрДУ імя А.С. Пушкіна, доктара гістарычных навук А.А. Гарбацкага не зводзіцца толькі да напісання манаграфіяў і падручнікаў для студэнтаў па тэорыі і гісторыі рэлігіі. Зусім нядаўна яго бібліяграфія папоўнілася творам, які раскрывае новыя грані таленту вучонага. На гэты раз у мінскім выдавецтве “Четыре четверти” выйшаў фотаальбом, які прысвечаны стараабрадніцкім храмам на беларускіх землях.

Раскол Рускай праваслаўнай царквы, які адбыўся ў другой палове XVII стагоддзя, сур’ёзна паўплываў не толькі на гістарычны лёс самой Расіі, але пэўным чынам адбіўся і на сацыяльна-палітычным і культурным жыцці суседніх краінаў. У выніку пераследу стараабрадцы сталі масава перасяляцца на тэрыторыю іншых дзяржаваў. У межах сучаснай Беларусі яны сталі з’яўляцца з другой паловы XVII – пачатку XVIII ст., і ў 1913 годзе іх агульная колькасць даходзіла недзе да 100 тыс. асобаў (гл.: Наша ніва. – 1993. – № 11.). Прышлыя стараабрадцы доўгі час захоўвалі сваю своеасаблівую культуру, шматлікія рысы якой засталі нават і да сённяшніх дзён.

Матэрыяльная культура стараабрадцаў уасобілася ў раскіданых у асноўным на тэрыторыі Віцебскай і Магілёўскай абласцей пераважна драўляных храмах. У параўнанні з велічнымі пабудовамі каталіцкіх касцёлаў і праваслаўнымі цэрквамі яны падаюцца вельмі сціплымі, і на пачатку здаецца, што не вытрымліваюць гэтага параўнання. Але не трэба забывацца на тое, што культура складаецца з велізарнага мноства элементаў, і калі страчваецца хоць бы адзін з іх, то гэта трагедыя ўсёй культуры. У фотаальбоме прафесара А.А. Гарбацкага прадстаўлены выявы, і адносна новых пабудоваў, напрыклад Свята Успенскага храма Полацкай стараабрадніцкай абшчыны, які ўзведзены ў 1998 годзе з цэглы, і невялічкага драўлянага Свята-Багаяўленскі храма Ластавіцкай стараабрадніцкай абшчыны, будаўніцтва якога датуецца 1876 годам. Гісторыя стараабрадніцкіх храмаў даносіць да нас інфармацыю не толькі пра агульнавядомыя факты і падзеі Храмы вельмі часта неадрыўна спалучаныя з чалавечымі лёсамі, і калі спрабуеш углядзецца больш уважліва ў фрагменты будынкаў, то чамусьці здаецца, што гэтыя чалавечыя лёсы перакрываюцца з трагічнымі старонкамі жыцця. Храмы – святыні, якія перадаюць з пакалення ў пакаленне духоўныя і матэрыяльныя каштоўнасці, і гэта будзе адбывацца да таго часу, пакуль будзе заставацца ў жывых хоць бы адна асоба, якая захоўвае ў сабе агонь сваёй веры.

Фотаальбом “Стараабрадніцкія храмы Беларусі” – творчы і навуковы вынік экспедыцыйных паездак аўтара на працягу 1998–2006 гадоў. Гэта выдатны дадатковы матэрыял для студэнтаў, якія вывучаюць рэлігіязнаўства. Гэта яшчэ адна спроба захаваць для будучых пакаленняў тую культурную разнастайнасць, якая ўласцівая для Беларусі.

В.М. Іванчына

МІЖНАРОДНАЯ НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНАЯ КАНФЕРЭНЦЫЯ “ЭТЫКА І МАРАЛЬНАСЦЬ У ЭПОХУ ГЛАБАЛІЗАЦЫІ”, 24–26 кастрычніка 2008 г.

Грамадска-эканамічныя працэсы ў сучасным свеце вызначаюцца ўсё большай эскалацыяй сацыяльнай напружанасці. Канкурэнцыйная барацьба паміж вытворцамі тавараў перамяжоўваецца з тэрарыстычнымі актамі і лакальнымі войнамі. Гуманістычная праблематыка на фоне гэтых падзеяў застаецца як бы на другім плане і ўсё больш набывае дэгуманізацыйныя рысы. Таму рашэнне кафедры культуралогіі правесці Міжнародную навукова-практычную канферэнцыю пад назвай “Этыка і маральнасць у эпоху глабалізацыі” прыцягнула ўвагу даследчыкаў не толькі з нашай краіны, але таксама з Азербайджана, Казахстана, Польшчы, Расіі, Сірыі, Украіны. Няхай не ўсе з зацікаўленых асобаў змаглі прадставіць у час свае работы і прыехаць на канферэнцыю, але тое, што актуальнасць выбранай тэматыкі не выклікае сумненняў, засведчыў аналіз зместу аўтарскіх матэрыялаў.

Маральная праблематыка знаходзілася ў цэнтры ўвагі ва ўсе часы і ва ўсіх дзяржавах незалежна ад таго, да якіх культурна-гістарычных эпох яны належалі і якія сацыяльна-палітычныя сістэмы прадстаўлялі. Не з’яўляецца выключэннем і сучасная эпоха, якая шмат у чым характарызуецца тэндэнцыямі глабалізацыі. Арганізацыйны камітэт навукова-практычнай канферэнцыі “Этыка і маральнасць у эпоху глабалізацыі” зыходзіў з таго, што працяглы час у нашай краіне навукоўцы да пазначанай тэматыкі ў такім шматаспектным полі звярталіся спарадычна, і таму засяродзіў сваю ўвагу на вызначэнні разнастайных поглядаў на функцыянаванне абазначаных феноменаў праз рэаліі сённяшняга дня.

Перспектывы гуманізацыі грамадства ў варунках глабалізацыі прымушаюць да рэфлексіі з пункту гледжання на падзей ў галіне эканомікі і палітыкі. Падзел дзяржаваў на бедныя і багатыя па-ранейшаму акцэнтаваны на павелічэнне адлегласці ў развіцці на карысць багатых, у сувязі з чым міграцыйныя хвалі з бяднейшых краін павялічыліся. Глабалізацыя ў высокай ступені ўплывае на ўнутраную мараль нацыянальных дзяржаваў, і таму выяўляюцца новыя патрабаванні ў гэтай галіне грамадскай свядомасці, якія перакрываюцца са спецыфічнымі напрамкамі чалавечай жыццёвай дзейнасці.

Удзельнікі канферэнцыі ў сваіх выступленнях закранулі шмат якія сферы сацыяльнай актыўнасці людзей. Гэта спорт і мастацтва, навука і літаратура, сродкі масавай інфармацыі і экалогія, палітыка і эканоміка і г.д. Што да суадносін аўтыкі і глабалізацыі, то, як падкрэсліў адзін з самых вядомых і найстарэйшых польскіх філосафаў дзевяностагадова прафесар Т. Сліпка з Акадэміі тэалогіі каталіцкай (г. Кракаў), паняцце “глабалізацыя” выкарыстоўваецца выключна для апісання сучаснага цывілізацыйнага працэсу, іншымі словамі, таго, што адбываецца ў эканамічным і культурным жыцці грамадства еўра-амерыканскай цывілізацыі. Зразумела, што мараль у новых варунках таксама ў пэўным сэнсе трансфармавалася, адбыліся змены ўмоўнай іерархічнай сістэмы маральных каштоўнасцяў. Хоць нельга не адзначыць, што дамінаванне ў грамадстве тэндэнцый дэмакратызацыі, лібералізацыі, эмансіпацыі і гуманізацыі, тым не менш, паўстае ў параўнанні і супрацьборстве з антытэтычнымі тэндэнцыямі. Такая сітуацыя з неабходнасцю стварае праблему маральнай самаідэнтыфікацыі асобы. Доктар філасофскіх навук А.С. Лапцёнак з Нацыянальнага інстытута адукацыі ў Мінску дакладна выказаўся адносна складанасці таго, што трады-

цыйная культура прапануе вызначаную і ўсталяваную сістэму маральных каштоўнасцяў, а сучасны свет дае нашмат большыя магчымасці выбару. І, ў выніку індывід губляе арыентацыю ў часе і прасторы сучаснай культуры, што можа прывесці нават да трагедыі.

Маральная праблематыка даволі моцна звязваецца з працэсам фарміравання асобы, пра што сведчыць характарыстыка маральнай свядомасці студэнтаў (К.В. Вербавы, Я.В. Касцючэнка) знешніх і ўнутраных фактараў матывацыі актыўнасці студэнцкай моладзі (В. Бужыньскі). Менавіта гэтая дынамічная і мабільная сацыяльная група адэкватна рэагуе на тыя змены, якія адбываюцца ў грамадстве. Няхай моладзь і характарызуецца ўласцівым ёй радыкалізмам, тым не менш ужо зараз яна фарміруе будучыя стэрэатыпы і структуры паводзінаў. Немалую ролю выконваюць у гэтым працэсе сродкі масавай інфармацыі (А.В. Атрахімовіч), аксіялагічныя пачаткі (Г.У. Клімовіч, С.М. Зайцава), нацыянальныя традыцыі і каштоўнасці (С.М. Янчалоўская, Т.А. Бакуменка, А.А. Гарбацкі). Даволі вострую палеміку выклікала выступленне дэкана юрыдычнага факультэта Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна А.М. Грыгаровічу, якім прагучала аўтарская думка адносна месца і ролі гуманітарных дысцыплінаў паводле новых адукацыйных стандартаў і ўплыву зменаў колькасці гадзінаў па культуразнаўстве, рэлігіязнаўстве, эстэтыцы і этыцы на ўзровень агульнай эрудыцыі і выхавання студэнтаў.

На развіццё культуры асобы звярталі сваю ўвагу такія даследчыкі, як С.М. Кабачэўская, Т.В. Крыванос, Л.В. Мянцюк, Т.В. Трафімава і Г.В. Пальчык, навуковыя інтарэсы якіх распаўсюджваюцца ад этычных каштоўнасцяў сучаснага навучэнца, ролі сям'і ў фарміраванні маральнай культуры асобы да паняцця грамадзянскай ідэнтычнасці, прафесійнай адукацыі і развіцця культуры асобы ў варунках сучаснага адукацыйнага асяроддзя.

Маральнасць у грамадстве неад'емная ад міласэрнасці (М.А. Станчыц), адначасова яна знаходзіцца ў пошуках новых каштоўнасцяў (С.Ф. Трафімава-Рагоўская), спрабуе вызначыцца ў адносінах “захад-усход” (Б.А. Махамад) і, зрэшты, сама з'яўляецца прадметам вывучэння з боку філасофіі і псіхалогіі (В.А. Кузьміна).

Разам з тым этыка і маральнасць у эпоху глабалізацыі працягваюць займаць сваё адмысловае месца ў галіне навукі і адукацыі (М.Т. Аўсіевіч), палітыкі (С.Ц. Кавецкі, Л.В. Перавалава, А.М. Перавалаў), экалогіі (Г.М. Каропа), мастацтва (Ю.Л. Амельчанка, Т.Г. Бараноўская, В.В. Фінслер, Т.Л. Чысцякова), рэлігіі (Л.М. Мажэйка), спорту (У.П. Люкевіч) і бізнесу (Р. Дзем'янюк). Гэтае месца можа залежыць ад цэлага шэрагу фактараў, якія маюць не толькі масавы характар, але часам праяўляюцца праз адзінкавы выпадак. Сацыяльная рэакцыя кожным разам можа праявіць непрадказальны характар.

Сучасная культура спецыфічным чынам рэагуе на выклікі з боку грамадства. А.В. Бяляева і М.А. Мажэйка падаюць гэта праз постмадэрнісцкія інтэпрэтацыі маралі, В.І. Саф'янаў – праз персанальны камунікатыўны імідж, Б.В. Святлоў – праз маральныя аспекты мультымедыйнай культуры. У той самы час Т.М. Тахіян вызначае культурную палітыку на Беларусі як форму супрацьдзеяння працэсам глабалізацыі.

Па выніках канферэнцыі ў свет выйшаў зборнік навуковых прац пад назвай “Этыка і маральнасць у эпоху глабалізацыі”. Можна не сумнявацца, што ён стане карысным дапаможнікам для ўсіх тых, хто цікавіцца дадзенай праблематыкай, асабліва будзе прыдатны для выкладчыкаў гуманітарных дысцыплін ад сярэдняй да вышэйшай школы, а таксама для навучэнцаў і студэнтаў, якія вывучаюць этыку ў сістэме гуманітарных ведаў.

У.П. Люкевіч

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ:

Богдан А.Р. – аспірант кафедры псіхалогіі развіцця Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Будзько Т.С. – кандыдат фізіка-матэматычных навук, дацэнт, загадчык кафедры методык дашкольнай адукацыі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Бяспалы Ю.М. – старшы выкладчык кафедры культуралогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў

Гарматны В.П. – магістр гістарычных навук, выкладчык кафедры гісторыі і паліталогіі Баранавіцкага дзяржаўнага ўніверсітэта

Іванчына В.М. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт кафедры культуралогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Іванюк Ю.Я. – аспірант кафедры псіхалогіі развіцця Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Зданевіч А.А. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры тэорыі і методыкі фізічнага выхавання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Здановіч В.В. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Кароль Э.Л. – аспірант кафедры грамадзянскага права і працэсу Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы

Лагонда Г.У. – кандыдат псіхалагічных навук, дацэнт кафедры псіхалогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Люкевіч У.П. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, загадчык кафедры культуралогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Мядзвецкая А.І. – кандыдат псіхалагічных навук, дацэнт кафедры псіхалогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Нічышына Т.В. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры педагогікі пачатковага навучання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Плышэўскі І.А. – старшы выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі права “БП – Інстытут правазнаўства”, сакратар Пленума аддзела прававога забеспячэння дзейнасці судовых інстанцый Вышэйшага Гаспадарчага Суда Рэспублікі Беларусь

Радзюк А.В. – аспірант кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Саўчанка Н.М. – выкладчык кафедры англійскага, агульнага і славянскага мовазнаўства Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова

Сямёнава Л.М. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, прафесар кафедры паліталогіі і гуманітарных дысцыплін Інстытута парламентарызму і прадпрымальніцтва

Табачкоў А.С. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава

Чурыла Н.В. – кандыдат псіхалагічных навук, выкладчык кафедры прыкладной псіхалогіі Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка

Шукевіч Л.В. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры тэорыі і методыкі фізічнага выхавання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Янкоўскі В.І. – аспірант кафедры філасофіі, начальнік агульнавайскавай кафедры Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы

Ярмусік Э.С. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дэкан факультэта гісторыі і сацыялогіі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы